

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 18(2) • 2025

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гошина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 12,82 усл. п.л. Заказ № 1189.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 18(2) • 2025

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Культурное измерение мировой экономики и политики

- 7 Буторина О.В. – Экономика и финансы в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: выводы для современной экономической мысли
- 44 Воротников В.В., Панков Е.С. – Визуальное измерение архетипов стратегической культуры Исландии

История международных отношений

- 69 Миронова Е.М. – Русский заграничный дипломатический корпус в период кризиса Белого движения. Начало 1920 г.

- 99 Бакшаев М.В. – Фактор антиядерного движения в Западной Европе в подходах США к переговорам с СССР о сокращении вооружений, 1979–1984 гг.

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 127 Копылов Н.А., Мягков М.Ю. – Боевой путь одной дивизии как зеркало Великой Отечественной войны
- 135 Кутейников А.Е., Ивлев С.В. – Теория сетевой парадипломатии городов

Table of Contents • 18(2) • 2025

RESEARCH ARTICLES

Cultural Dimension of the Global Economy and Politics

- 7 Butorina O.V. – Economics and Finance
in Leo Tolstoy's "War and Peace": In-
sights for Contemporary Economic
Thought

- 44 Vorotnikov V.V., Pankov E.S. – Arche-
types of Icelandic Strategic Culture: A
Visual Analysis

History of International Relations

- 69 Mironova E.M. – Russian Non-Bolshe-
vik Diplomacy Amidst the Crisis of the
White Movement: Early 1920

- 99 Bakshaev M.V. – Containing Protest,
Managing Alliance: The United States
and Western Europe's Anti-Nuclear
Movements, 1979–1984

BOOK REVIEWS

- 127 Kopylov N.A., Myagkov M.Yu. – The
Combat Path of a Division as a Mirror
of the Great Patriotic War
- 135 Kuteynikov A.E., Ivlev S.V. – A Theory
of Network Paradiplomacy of Cities

Экономика и финансы в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: выводы для современной экономической мысли

О.В. Буторина

Институт Европы РАН

Статья имеет целью выявить содержащиеся в тексте романа Л.Н. Толстого «Война и мир» экономическое знание и установки, которые благодаря колоссальной популярности произведения могут имплицитно влиять на сознание людей и принимаемые ими хозяйственные решения. Однако, не будучи артикулированными, они не могут стать частью современной экономической мысли в идущем процессе её масштабной трансформации. Основной исследовательский вопрос состоит в том, свойственна ли роману общая экономическая философия и, в случае положительного ответа, в чём она заключается, какие нормы и принципы экономического поведения незримо продвигаются великим писателем.

Исследование проводилось путём поэтапного обследования текста романа на предмет наличия эпизодов, имеющих экономическое содержание. Наиболее значимые из них группировались в логические линии и предметные группы. Описанные в романе экономические события и ситуации получали интерпретацию на базе современного экономического знания, а также снабжались оценками и аргументами, которые содержатся в ранее изданных работах других авторов. Статья состоит из четырёх разделов, соответствующих четырём основным частям романа «Война и мир», включая эпилог.

В результате исследования установлено, что нашедшие отражение в романе «Война и мир» экономические события представляют собой целостный и гармоничный смысловой массив. Сюжетные линии экономического свойства не обнаруживают обрывов и внутренних противоречий. Наиболее важным из них присуща собственная динамика, отражающая естественный ход хозяйственных процессов или развитие экономического самосознания героев. Показано, что выраженное в романе экономическое кредо Л.Н. Толстого отвечает духу классической политической экономии с упором на свободную волю индивида и его личную ответственность. Книга приветствует осознанное потребление и устойчивое хозяйствование на принципах финансовой дисциплины и планирования. Описанные в романе ситуации демонстрируют, как социальная среда может воздействовать на экономические отношения, формируемые также политикой, культурой и моралью.

УДК: 821.161.1.09:33

Поступила в редакцию: 18.02.2025

Принята к публикации: 15.04.2025

Сделанные выводы позволили выявить содержащийся в романе экономический посыл. Будучи вычлененным из многотомного эпоса, систематизированным и изложенным в доступной форме, он отныне может быть поставлен на службу современной экономической мысли.

Ключевые слова: Лев Толстой, «Война и мир», экономический анализ, классическая политическая экономия, устойчивое потребление, экономическое поведение, финансовая этика, литература и экономика, экономические ценности, рациональность и мораль, социальные факторы в экономике, нарративная экономика

Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» входит в сокровищницу мировой культуры. Через 150 лет после первой публикации его продолжают читать, издавать, обсуждать, переводить и экранизировать. В поисках новых смыслов сегодня к нему обращаются политологи, юристы, философы и экономисты во всём мире.

Статья имеет целью исследовать текст романа на предмет наличия экономического знания и установок, которые благодаря колоссальной популярности произведения де-факто влияют на сознание людей. Однако, не получив специфической артикуляции, они не могут использоваться современной экономической наукой в поисках её назревшего обновления на базе более глубокого понимания природы человека и законов развития общества.

Основной исследовательский вопрос данной статьи: присуща ли роману-эпопее единая экономическая философия, и, в случае положительного ответа, в чём она состоит. А именно: какие идеи и модели поведения представляются достойными распространения.

Постановка вопроса обусловлена тем, что после череды социально-экономических потрясений XXI в. экономическая наука находится в поиске новой парадигмы, которая вывела бы её за рамки мейнстрима и повернула лицом к человеку. Усиление гуманистического начала в экономической теории проявляется в её общей гетерогенизации, в отходе от рыночного фундаментализма и укреплении позиций поведенческой экономики (Автономов 2018; Тамбовцев 2023). Сегодня признаётся, что экономическую реальность формируют не только законы рынка, но также образ мысли людей, их моральные установки, нормы, ценности и стремление к самоактуализации (Laville 2023; Horodecka 2022; Макклоски 2015; Аузан 2017; Бёгельсдейк и Маселанд 2016; Sacchetti and Tortia 2024). Экономисты активно исследуют влияние культуры и обусловленных ею паттернов поведения на процессы принятия решений (Аузан 2017; Бёгельсдейк и Маселанд 2016; Ивашковский 2017).

Автору не удалось обнаружить научные работы об экономическом измерении романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Привлечённая литература группируется в три тематических блока. Первый включает работы о жизни и творчестве Толстого (Алданов 1923; Басинский 2022; Бунин [1937] 1996; Жданов 2010;

Набоков 2001; Шестов 1923; Эйхенбаум [1919–1959] 2009), в том числе посвящённые роману «Война и мир» (Бочаров 1978; Долинина [1973] 2023; Кандиев 1967; Курицын 2024; Фойер 2002; Шкловский 1929).

Второй блок – работы о социально-экономических вопросах в творчестве Толстого. Они выражают отношение писателя к проблемам собственности и бедности (Mangold 2017; Nicolosi 2024), в том числе сквозь призму его интереса к идеям американского политэконома Генри Джорджа (Асмус 1979; Сизова 2024; Bradley 1980; Wenzer 1997); раскрывают представления крестьян о природе денег (Vdovin 2017); обсуждают нравственные аспекты обогащения и владения землёй (Romero 2023: 1–7)¹.

Третий блок составлен из работ, которые в наибольшей степени приближаются к предмету исследования. Он включает размышления экономистов о Толстом (Люксембург 1908, 1918; Плеханов 1923; Струве 1908), а также отдельные статьи о социальных и моральных установках Толстого, нашедших отражение в романе «Война и мир» (Kyriacou 2019; Brennan and Waterman 2020).

Гипотеза исследования состоит в том, что роман Л.Н. Толстого «Война и мир» содержит знание, полезное для формирования нового экономического мышления. Она основана на том, что Толстого воспринимают не только как писателя, но и как глубокого мыслителя (Мамардашвили 2000: 293; Набоков 2001: 224; Шестов 1923: 42–43). Исключительная правдивость Толстого и его умение понять человека объясняют тот факт, что сегодня на сайтах ведущих международных экономических организаций (МВФ, Всемирный банк, Банк международных расчётов и др.) имеются и появляются новые ссылки на его произведения.

Для достижения цели исследования текст романа последовательно изучался на предмет наличия ситуаций, имеющих экономическое содержание. Экономические сюжеты каждого тома группировались в логические блоки и линии. Значимые эпизоды получали интерпретацию на базе современного экономического знания, а также снабжались оценками и аргументами, почерпнутыми из работ других авторов.

Статья состоит из четырёх разделов, которые соответствуют частям романа. Первый раздел посвящён вариантам транзита собственности и возникающим по этому поводу отношениям. Второй раздел отражает процесс обеднения дворянской семьи, обсуждает подходы к решению крестьянского вопроса, а также показывает взаимодействие денежных отношений с их социальным контекстом. Третий раздел выявляет изложенные в романе взгляды Толстого на взаимодействие мира материальных и нематериальных ценностей. В четвёртом разделе обсуждается переход к ответственной и устойчивой системе хозяйствования на основе глубокого понимания свободы личности.

¹ Boccaletti G. 2022. The New Land Economy. *Project Syndicat*. February 12. URL: <https://www.project-syndicate.org/on-point/climate-change-requires-new-land-economy-by-giulio-boccaletti-2022-02> (accessed 15.04.2025)

В заключении сформулированы основные выводы исследования. Выявлено существовавшее в период написания романа экономическое кредо Толстого. Анализ эволюции экономического поведения героев романа позволил установить, какие нормы и правила продвигаются в произведении, а какие осуждаются. Из текста выделены примеры достижения рыночными отношениями своих объективных границ, а также их трансформации под воздействием социальных и моральных норм.

Том первый. Метаморфозы собственности

События первого тома разворачиваются во второй половине 1805 г., когда Россия в коалиции с Англией и Австрией вступает в войну против Франции. Сцены мирной жизни происходят в России, а военной – в Австрии.

Смысловым рычагом всего романа и важнейшим экономическим событием первого тома является смерть богатого графа Безухова и вступление в наследство его незаконного сына Пьера. Финансовую подоплёку имеет сцена молодёжного кутежа в Петербурге. Неожиданная глубина открывается в истории с оплатой гвардейского мундира Бориса Друбецкого. Кража среди офицеров Павлоградского полка откликается трагической растратой через полтора года. Характерные для высшего света брачные сделки представлены женитьбой Пьера на Элен Курагиной и неудачным сватовством её брата к Марье Болконской.

В июле 1805 г. Москву облетело известие о тяжёлой болезни богача и знаменитого Екатерининского вельможи графа Кирилла Владимировича Безухова. Его громадное состояние включало «сорок тысяч душ и миллионы». Наиболее вероятными наследниками считались князь Василий Курагин (прямой наследник по жене) и любимый, но незаконный сын Пьер (1:1:10²).

Поговаривали, будто прошлой зимой граф Безухов написал завещание на имя Пьера и письмо государю с просьбой считать его законным сыном. Толстой описывает обычную для человеческого рода возню вокруг смертного одра. Князь Василий пытается завладеть бумагами умирающего, чтобы уничтожить письмо к государю. В погоню включаются другие претенденты на богатство: одна из трёх княжон Мамонтовых и дальняя родственница графа княгиня Анна Михайловна Друбецкая из знатного, но обедневшего рода (1:1:21).

В Петербурге княгиня Друбецкая хлопочет за своего единственного сына Бориса, недавно произведённого в прапорщики. Стараниями матери его переводят в гвардию. Теперь Борису предстоит обмундироваться, чтобы догнать гвардейские части, которые уже выдвинулись из Петербурга в сторону российско-австрийской границы. Денег на обмундирование (а это 500 рублей) у Анны

² Здесь и далее ссылки на текст романа даются по схеме: номер тома, номер части, номер главы. Для удобства читателей статьи автор считает возможным отступить от оригинальной нумерации томов и глав римскими цифрами и использовать вместо них арабские цифры.

Михайловны нет. Прослышав про шестой удар графа Безухова, она едет из Петербурга в Москву в надежде на часть наследства и вместе с сыном наведывается в дом умирающего (1:1:10).

Взгляды матери и сына на возможность получения наследства, а в более широком смысле на то, должны ли богатые делиться с бедными, заметно расходятся. Когда в доме Безухова Борис встречается с Пьером, оба молодых человека чувствуют неловкость. Борис первым решает объясниться.

– А вам должно казаться, – говорил Борис, слегка краснея, но не изменяя голоса и позы, – вам должно казаться, что все заняты только тем, чтобы получить что-нибудь от богача.

«Так и есть», подумал Пьер.

– А я именно хочу сказать вам, чтоб избежать недоразумений, что вы очень ошибётесь, ежели причтёте меня и мою мать к числу этих людей. Мы очень бедны, но я, по крайней мере, за себя говорю: именно потому, что отец ваш богат, я не считаю себя его родственником, и ни я, ни мать никогда ничего не будем просить и не примем от него.

Хотя на протяжении романа Толстой выводит Бориса холодным карьеристом, в этой сцене юноша бесстрашно отстаивает своё достоинство и достоинство матери. Его прямоτητα заслуживает уважения. «Вы удивительный человек. То, что вы сейчас сказали, очень хорошо», – отзывается Пьер и признаёт: «Я бы этого не сделал, у меня не достало бы духу» (1:1:16).

Соотношение социальных и финансовых статусов участников неясно и подвижно. Положение Бориса определено: обладая княжеским титулом он лишён средств. Статус Пьера находится в одной из двух полярных точек. Не имея титулов, он может остаться одним из 20 незаконных отпрысков знаменитого отца или враз взлететь на вершину социальной пирамиды. Неопределённость, текучесть, а также резкая смена социальных и финансовых ролей – важная характеристика того материала, который Толстой представляет читателю в романе «Война и мир».

На обратном пути из дома Безухова мать и сын Друбецкие беседуют в карете. Мать вздыхает, что их судьба теперь зависит от завещания. Сын спрашивает, на каком основании она надеется на наследство. «Ах, мой друг! Он так богат, а мы так бедны!» – простодушно отвечает мать. Борис вежливо называет эту причину недостаточной (1:1:16). Отмеченная деталь не случайна, она даёт ключ к пониманию экономического кредо Толстого. С неё начинается проходящий через весь роман мотив личной ответственности человека за себя и за окружающий мир. Данную составляющую в идеологии писателя особо выделял П.Б. Струве, называвший Толстого «самым мощным и влиятельным» идейным проповедником свободы личности в России (Струве 1908: 224).

Тем временем в московском доме графов Ростовых, где остановилась Анна Михайловна и где годами живёт Борис, происходит разговор между супругами. Графиня просит мужа Илью Андреевича дать ей 500 рублей – для себя. Тот велит управляющему Митеньке принести 700 рублей (то есть на 40% больше!) и обязательно хорошими, чистыми купюрами. К возвращению Анны Михайловны её ждёт стопка ассигнаций «новенькими бумажками, под платком на столике...». Краснея и запинаясь, графиня просит подругу принять деньги на шитьё мундира для Бориса.

Анна Михайловна уже обнимала её и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали они о том, что они дружны; и о том, что они добры; и о том, что они подруги молодости, заняты таким низким предметом – деньгами; и о том, что молодость их прошла... Но слёзы обеих были приятны» (1:1:14).

В сцене ощущается ещё большая скованность, чем в диалоге Бориса с Пьером. Анна Михайловна, представительница «одной из лучших фамилий России», принимает подаяние (то есть дар из жалости) от менее родовитой, но богатой подруги. Обе дамы уклоняются от констатации реального положения дел. Возникшее социальное напряжение снимается в два приёма. Сначала деньги объявляются грязным, низким предметом и прячутся под платок, а потом факт сделки затушёвывается мотивом старой дружбы.

Вид операции и дата окончательного расчёта не оговариваются. Читателю не сообщают, являются ли 700 рублей «новенькими бумажками» даром или кредитом. Наиболее щадящим для социального чувства участниц был бы подарок, замаскированный под ссуду. Тогда одной не пришлось бы оправдываться за щедрость, а другой – расписываться в финансовой несостоятельности.

Единственную подсказку Толстой даёт во втором томе романа. Весной 1810 г. Николай Ростов в присутствии матери рвёт вексель Анны Михайловны на две тысячи рублей со словами «я не люблю Анну Михайловну и не люблю Бориса, но они были дружны с нами и бедны» (2:4:2). Именно в этот момент, то есть пять лет спустя (!) выданные на обмундирование Бориса 700 рублей, наконец, обретают форму дара, каковым они были изначально. Причём ни Анна Михайловна, ни Борис об этом не узнают. Для них сделка остаётся незавершённой.

Вексель выписан на 2000, а не на 700 рублей, то есть на сумму втрое большую. Резонно предположить, что, выдавая его, Анна Михайловна включила в счёт своего долга те средства, которые Ростовы тратили на годами жившего в их доме Бориса. Конечно, Ростовы этих сумм не считали, как не считали средств на содержание Сони. Поскольку и Борис, и Соня находились на правах членов семьи. Если так, то Анна Михайловна показывала векселем на 2000 рублей, что её

сын – не нахлебник, и не чета бесприданнице Соне. Создавалась иллюзия, будто Борис столовался у Ростовых за деньги. И неважно, что «кредиторы» не требуют возврата этих денег.

Здесь открывается множество смыслов. Благодарение, которое делали Ростовы для Бориса, безусловно, по просьбе его матери, вдруг теряет всякую человеческую высоту. Ростовым уже нечем гордиться: они всего лишь продают свои услуги: им платят за стол и кров, как платят хозяину постоянного двора. Из преданных друзей они превращаются в мелких торговцев. Зато Анна Михайловна одним росчерком пера совершает транзит из униженной просительницы в щедрого дарителя. Подобных качелей и перевёртышей в романе очень много. Фактически он весь построен на поступательно-возвратном движении, что убедительно показано в новой книге В.Н. Курицына (Курицын 2024: 115–140).

Сумма векселя ставит Ростовых перед неразрешимой дилеммой. Потребовать 2000 за мундир стоимостью 700 рублей означало бы поступить низко. Именно поэтому Николай рвёт вексель, вызывая слёзы радости своей матери. Ростовы вынуждены сделать подарок подарком, не получив ни благодарности, ни встречного дара или услуги, на что можно было бы рассчитывать в отношениях равных партнёров. Двухтысячный вексель рушит дружбу. Анна Михайловна не в состоянии принять дар, в котором она видит унижение. Поэтому, в частности, дороги Ростовых и Друбецких вскоре расходятся.

Есть ещё одна деталь: подарок Ростовых остаётся скрытым. Из него не делают тайны, но и не афишируют. Платок, под которым находилась стопка ассигнаций, символизирует не только отстранённость людей высшего света от мира «грязных» денег (что не подтверждается практикой), но и потаённый характер сделки. Анна Михайловна вовсе не гордится полученным подарком и, по всей вероятности, не рассказывает о нём сыну. На протяжении романа Борис Друбецкой не благодарит Илью Андреевича за сшитый на его деньги мундир³.

Новая институциональная экономика настаивает на максимальной спецификации прав собственности, которая выступает инструментом эффективного размещения ресурсов при ненулевых транзакционных издержках. Общеизвестным является чёткое определение прав и обязанностей сторон в заключаемых контрактах. Рассмотренная ситуация из романа «Война и мир» показывает, что на пути к искомой цели может лежать не только недостаточность общественных механизмов, о чём так убедительно писал Эрнандо де Сото (де Сото 2004), но и выраженное стремление людей к обратному – то есть, к отсутствию ясности, к протяжённости и изменчивости форм экономических взаимодействий. На данном примере видно, что неопределённость имеет психологическое

³ При разборе данной ситуации трудно не вспомнить работу Ссорина-Чайкова, где он демонстрирует перформативность (то есть изменчивость экономического смысла) межличностных обменов. Нерыночные и рыночные обмены перетекают друг в друга: одна та же вещь в глазах одного участника может быть подарена, а в глазах другого – продана, а потом так же плавно превратиться в дань (Ссорин-Чайков 2012).

преимущество, она позволяет сторонам (или одной из них) сохранять свободу действий или иллюзию такой свободы; а иллюзия зачастую равнозначна реальности.

Логично предположить, что возможность не полностью определить условия сделки появляется, когда участники связаны личными отношениями. По мере роста личного компонента растёт и поле для неопределённости. Из чего не следует, что личные отношения обязательно ведут к неопределённости, они становятся её предпосылкой, но не причиной.

Многим читателям запоминаются сцены молодёжного кутежа в Петербурге: сначала попойка с безумным трюком, а потом привязанный к медведю и пущенный с ним в реку квартальный. На исходе ночной пирушки 25-летний офицер Долохов, которого Толстой называет небогатым человеком без всяких связей, залпом выпивает бутылку рома, сидя с ногами наружу на покатом оконном откосе. Тело в белой рубашке в какой-то миг теряет равновесие и едва не срывается вниз на каменную мостовую.

Игра со смертью имеет цену – 50 империалов, или 500 рублей золотом. На такую сумму Долохов заключил пари с англичанином. Попытка торговаться и поднять ставку до 100 империалов не удалась, англичанин отказался. Опорожнив бутылку, Долохов бросает её англичанину. Тот ловит, достаёт кошелёк и отсчитывает деньги (1:1:9). Как писал много позже Дж.М. Кейнс, рациональная половина человеческого «я» нередко оказывается во власти «капризов, настроений и желаний попытаться счастья» (Кейнс 2022: 169).

Несколькими штрихами Толстой рисует шаткое положение Долохова в кругу «золотой молодёжи». В Петербурге Долохов жил в богатом доме Анатоля Курагина, но сумел поставить себя так, что все уважали его больше, чем Анатоля. То есть, Долохов делал специальные усилия, чтобы другие признавали его значимость. Будучи дворянином, он не только не богат и не имеет связей, он ещё и образован хуже других. В момент заключения пари Долохов обращается к англичанину по-французски. Как пишет Толстой, однако, на этом языке он говорит «не слишком хорошо». Для высшего света того времени это было отрицательным знаком. Английского Долохов не знал вовсе. Переводчиком выступил Анатоль, он повторял англичанину условия пари по-английски (1:1:9). Отмеченные моменты будут полезны для дальнейшего анализа.

Осенью 1805 г. гусарский Павлоградский полк, где юнкером служил Николай Ростов, находился в Верхней Австрии. Ростов жил на одной квартире с ротмистром Василием Денисовым, командиром эскадрона. Однажды Денисов попросил Ростова пересчитать монеты в своём кошельке. Как раз тогда к ним ненадолго заглянул офицер того же эскадрона поручик Телянин, разжалованный из гвардии. Вскоре кошелёк пропал. Ростов бросился по следу Телянина и настиг его в трактире при попытке расплатиться золотыми из кошелька Денисова. Поручик сначала изобразил возмущение, а потом стал умолять о пощаде ради стариков-родителей (1:2:4).

О факте кражи Ростов сообщил полковому командиру в присутствии других офицеров. Тот не поверил, вспыхнул конфликт. Поскольку случай получил огласку, полковому командиру оставалось отдать Телянина под суд. Это бросало тень на честь полка, стоявшего в двух милях от штаб-квартиры Кутузова в Браунау. Собравшиеся вечером на квартире Денисова офицеры уговаривали Николая извиниться. «Вы, батюшка, – втолковывал штаб-ротмистр, – в полку без году неделя; нынче здесь, завтра перешли куда в адъютантики; вам наплевать, что говорить будут: “между павлоградскими офицерами воры!” А нам не всё равно». Николай не считал себя виноватым и отказывался «точно маленький просить прощения». На следующий день полку было приказано выступить в поход. Телянин сказался больным, его решили исключить из списка полка, но до суда дело не довели (1:2:5).

Малая поблажка вору отозвалась большой бедой. Весной 1807 г. русская армия сосредоточилась в Пруссии, в скудной сельской местности, многократно разорённой войной. «Павлоградский полк в делах потерял только двух раненых; но от голоду и болезней потерял почти половину людей». Весенняя распутица осложнила подвоз продовольствия. В апреле солдаты эскадрона Денисова «уже вторую неделю растягивали последние сухари». Тощие кавалерийские лошади кормились соломенными крышами с домов (2:2:15). Выражаясь современным языком, кто-то делал личный бизнес на государственных поставках.

Ежедневно видя бледных, опухших солдат, майор Денисов пошёл на отчаянный шаг. Однажды вместе с товарищами он отбил у пехоты проходивший мимо транспорт с провиантом. Впервые за много дней солдаты эскадрона наелись досыта. Полковой командир был на стороне Денисова, но ввиду строгих законов о мародёрстве велел ему поехать в штаб и уладить дело в провиантском ведомстве. Там Денисов встретил Телянина, который теперь был комиссионером штаба и отвечал за снабжение войск. В приступе гнева Денисов обрушился на Телянина с проклятиями и поколотил его (2:2:16).

Старые враги поменялись местами. Из форменной бумаги, которую на следующий день привёз в полк адъютант штаба, следовало, что «после отбития транспорта, майор Денисов, без всякого вызова, в пьяном виде явился к оберпровиантмейстеру, назвал его вором, угрожал побоями» и потом избил чиновников канцелярии. Дело шло к суду и разжалованию. Поэтому после лёгкого ранения Денисов отбыл из полка в госпиталь (2:2:17). Ещё один толстовский перевёртыш.

Когда Николай Ростов навестил друга в госпитале, ему открылись страшные картины человеческих страданий. Рана Денисова никак не заживала, сам он был раздавлен морально. Теперь его выставляли вором, тогда как настоящие расхитители, которые наживались на халатном снабжении войск и были повинны в гибели солдат, оставались вне подозрений. Товарищи по палате убеждали Денисова просить помилования у императора, что означало признать свою вину и правоту казнокрадов. Подавив голос чести, Денисов подписал прошение. Государь его отклонил (2:2:20).

Как именно решилась судьба Денисова, Толстой не сообщает. Но, к радости читателей, выводит его подполковником в третьем томе (3:2:15) и отставным генералом в эпилоге (Эпилог:1:11). Мораль этой двойной истории проста. Вор остаётся вором. Поймать его – полдела, его надо остановить, чтобы не потворствовать пороку. Зло должно быть наказано, иначе оно наносит обществу всё возрастающий ущерб.

Осенью 1805 г. после смерти отца Пьер стал графом Безуховым, «владельцем самого огромного состояния в России» (1:1:25). Матери дочерей-невест, которые ещё недавно по этой причине не желали знать Пьера (1:1:10), разом полюбили его. Быстрее других среагировал князь Василий, из-под носа которого только что уплыло, как он считал, наследство старого графа Безухова. Он окружил Пьера заботой и поселил в своём доме, чтобы выдать за него замуж свою дочь Элен. Лесть, обман и выдающаяся красота Элен сделали своё дело. В начале 1806 г. Пьер «был обвенчан и поселился, как говорили, счастливым обладателем красавицы-жены и миллионов, в большом петербургском заново отделанном доме графов Безуховых» (1:3:2).

Параллельно чиновный князь Василий решал другой финансовый ребус. В ноябре 1805 г. он отправился на ревизию в губернии, чтобы заодно побывать «в своих расстроенных имениях», а главное – «заехать к князю Николаю Андреевичу Болконскому с тем, чтоб женить сына на дочери этого богатого старика» (1:3:2). Анатолий, которого отец прилюдно называл буйным дураком, ежегодно стоил родителю 40 тысяч рублей (1:1:1). Манёвр не удался, княжна Марья Болконская ответила отказом.

Итак, первый том содержит пять видов транзита собственности: наследство старого графа Безухова переходит к его сыну; Ростовы дают деньги на мундир Бориса Друбецкого; Долохов выигрывает пари с англичанином; Телянин похищает кошелёк Денисова; Элен вступает в брак с Пьером ради его капиталов. Все эти случаи, включая добровольную передачу средств, сопровождаются или окружены социальным напряжением, хотя все участники отношений принадлежат к высшему сословию – дворянству.

Том второй. Управление и финансы

Действие второго тома происходит на территории Российской империи в мирные для неё 1806–1810 гг. Среди экономических сюжетов выделяются две крупные смысловые линии и несколько брачных предложений с разным исходом. Красной нитью по всему тексту проходит тема обеднения семьи Ростовых. Вторая тема связана с попытками главных героев, Пьера и Андрея, провести реформы в своих имениях с целью расширить права и улучшить положение крестьян.

В начале 1806 г. Николай Ростов приехал в отпуск в родительский дом в Москве. Несколькими штрихами Толстой рисует картину ухудшающегося финансового положения семьи.

«...денег в нынешний год у старого графа было достаточно, потому что были перезаложены все имения, и потому Николушка, заведя своего собственного рысака и самые модные рейтузы, особенные, каких ни у кого ещё в Москве не было, и сапоги, самые модные, с самыми острыми носками и маленькими серебряными шпорами, проводил время очень весело» (2:1:2).

Приятными делами был занят и старший Ростов. 3 марта Английский клуб давал торжественный приём в честь героя Австрийского похода князя Багратиона. Илья Андреевич как старшина клуба распоряжался подготовкой обеда на 300 персон. Повару сыпались указания о спарже и огурцах, о землянике и ананасах, о телёнке, стерляди, гребешках и других яствах. На праздник звали песенников и цыган, из оранжереи везли 200 укутанных в войлок цветочных горшков. «Повар и эконом клуба с веселыми лицами слушали приказания графа, потому что они знали, что ни при ком, как при нём, нельзя было лучше поживиться на обеде, который стоил несколько тысяч». Илья Андреевич, как никто другой, «умел и хотел приложить свои деньги» в организацию общего пиршества (2:1:2).

Одной из наиболее драматичных в романе является история карточного долга Николая Ростова. Его недавний приятель Долохов делает предложение Соне, которая давно живёт в доме Ростовых и с детских лет влюблена в Николая. Хотя Долохов – «блестящая партия для бесприданной сироты Сони», она отказывает ему из-за любви к Николаю (2:1:11). Долохов зовёт соперника на пирושку в английскую гостиницу и усаживает за карточный стол. В картах Долохов всегда выигрывает. Николай начинает с проигрыша. С надеждой отыграться он продолжает игру, до тех пор, пока её не останавливает сам Долохов. К этому времени проигрыш Николая достигает 43 тыс. рублей. Сумма колоссальная, особенно против тех двух тысяч, которые ему недавно дал отец, говоря, что «эти деньги были последние до мая» и прося быть поэкономнее (2:1:13)

Что двигало Долоховым? Только ли зависть к более счастливому в сердечных делах сопернику, другу и секунданту на дуэли с Пьером? В первом томе Толстой представил Долохова как небогатого дворянина без связей. Во втором томе читатель неожиданно узнаёт, что этот буян и кутила живёт в Москве со старушкой-матерью и горбатой сестрой, которым он «самый нежный сын и брат». После ранения на дуэли он думал не о себе, а о судьбе матери в случае своей смерти (2:1:5). В.Н. Курицын видит в этой детали «слащавую натяжку» Толстого, его попытку очеловечить образ злодея (Курицын 2024: 139). Схожего мнения придерживается Н.Г. Долинина (Долинина [1973] 2023: 103).

Мы будем исходить из противоположного. Приведённая деталь органична, и именно она объясняет причину произошедшего. Мечь Долохова имела под собой социальную почву. Он наказывал не только конкретного Ростова, но и в целом людей того круга (богатых, со связями и отлично образованных), к которому он страстно хотел принадлежать, но не принадлежал фактически. А главное – не принадлежал в собственных глазах. Победа над Ростовым давала ему деньги и власть. Власть над тем, что было ему неподвластно – социальной иерархией.

«О! это ужасно чувствовать себя так во власти этого человека», — думал Ростов. Ростов понимал, какой удар он нанесёт отцу, матери объявлением этого проигрыша; он понимал, какое бы было счастье избавиться от всего этого, и понимал, что Долохов знает, что может избавить его от этого стыда и горя, и теперь хочет ещё играть с ним, как кошка с мышью (2:1:14).

Внешний круг для Фёдора Долохова – арена жёсткой социальной конкуренции, где буйством и эпатажем он всякий раз борется за самоуважение. Нежным и принимающим, как сказали бы сегодня, выступает для него круг семьи – мать и сестра. И не важно, существует ли столь значительный социальный разрыв в реальности или только в воображении героя. Он переживается как реальный и потому имеет фактические материальные последствия. 43 тыс. рублей – сумма, в которую Долохов оценил своё унижение. Эти деньги для него – не обман и грабёж, а справедливая компенсация за нанесённую обиду. Иллюзия становится реальностью. Перформативность действует.

Соня, берусь утверждать, являлась для Долохова не только возлюбленной, но и трофеем. Добычей, вырванной у тех, кто каждое утро выходит из собственного дома с анфиладами комнат и парадными залами, с толпой слуг и каретой у подъезда. В жизни Долохова ничего этого не было. Причём как бесприданница Соня представляла собой легчайший из трофеев, но и он не дался в руки.

Здесь уместно небольшое отступление. Соню считают воплощением преданности и самопожертвования. Перед лицом финансового краха семьи и под давлением графини она развязывает руки жениху (4:1:7), за что несправедливо получает от Толстого ярлык пустоцвета (Эпилог:1:8). Таков образ Сони в категориях личного счастья и самореализации, как сказали бы сегодня.

Взгляд сквозь экономическую линзу даёт иную картину. Вслед за Толстым В.К. Кантор называет её потенциальный брак с Долоховым выгодным (Кантор 2001: 401). Однако выгодным он был только для старших Ростовых, и поэтому графиня уговаривала Соню согласиться (2:1:11). С точки зрения своих экономических интересов, Соня поступает абсолютно рационально и выигрывает. Выйдя за Долохова, она опустилась бы на ступеньку (или больше) вниз по социальной и имущественной лестнице. Из красивого дома на Поварской и обширной

усадыбы в Отрадном ей предстояло немедленно переехать в то скромное жильё, где Долохов обитал с матерью и незамужней сестрой. Ведь, отметим, на пирушку по случаю отбытия в полк он приглашает друзей в гостиницу, а не домой.

Своим отказом Соня выбрала не только любовь к Николаю, но также его достаток и положение, которые она имела основания сохранить при любом исходе их отношений. Толстой не зря отмечает её привязанность к дому, а не к людям (Эпилог:1:8). Интуитивно Соня следовала консервативной стратегии. Её валютой были лояльность и преданность семье. В обмен она получила пожизненное содержание в превосходных для того времени условиях. Оставшись в доме Николая, Соня только один год жила в режиме жёсткой экономии на маленькой квартире. После его женитьбы на Марье вместе со всеми она переехала в поместье Лысые Горы – с просторным домом, слугами, парком и оранжереями, чего в браке с Долоховым она бы никогда не имела. Своим обострённым чувством неравенства Долохов не мог не заметить экономической составляющую отказа Сони, что ещё больше разозлило его. В пользу такой трактовки говорит то, что реваншем стал денежный ущерб.

Своих средств для уплаты долга у Николая не было. Когда он назвал отцу сумму долга, граф сначала не поверил, а потом апоплексически покраснел «шеей и затылком, как краснеют старые люди». Смелым, развязным тоном Николай оправдывал себя.

Долг следовало выплатить завтра. Деньги собирали две недели, после чего их отдали под расписку Долохову. В конце ноября 1806 г. Николай уехал догонять свой находившийся в Польше полк. Мучаясь чувством вины, он дал себе слово служить, как можно лучше, и в пять лет вернуть долг родителям. Для этого из тех 10 тысяч, что родители присылали ему на год, он решил брать только две (2:2:15). Так зародились навыки финансового планирования, которые спустя десять лет читатель находит у Николая вполне развитыми (Эпилог:1:7,15).

Весну 1809 г. граф Илья Андреевич проводил в рязанском имении Отрадное, где он принимал у себя «почти всю губернию, с охотами, театрами, обедами и музыкантами» (2:3:2). Хотя Николай твёрдо следовал своему обещанию, долги Ростовых продолжали расти. С целью поправить положение Илья Андреевич решил поступить на службу. В конце 1809 г. он приехал в Петербург – искать места и заодно «в последний раз потешить девчат» (2:3:11). Именно тогда, в канун 1810 г., состоялся первый в жизни Наташи Ростовской бал, где она танцевала с Андреем Болконским. Об этом бале помнят почти все, но о той финансовой причине, которая привела семейство Ростовых в Петербург – немногие.

Вскоре после приезда семьи в Петербург Вера вышла замуж за Берга. Старшим Ростовым сначала показалось странным, что «сын тёмного, лифляндского дворянина делает предложение графине Ростовской». Но расстроенные финансы, возраст Веры и покладистость жениха сделали своё дело – согласие было дано. За неделю до свадьбы между женихом и Ильёй Андреевичем произошёл тягостный разговор. Граф «решиительно не знал, что у него есть, сколько у него долгов

и что он в состоянии будет дать в приданое Вере». Он хотел было выписать жёниху вексель на 80 тысяч, но тот просил хотя бы 30 тысяч «чистыми деньгами», то есть наличными. В порыве великодушия граф дал 20 тысяч наличными и вексель на 80 тысяч (2:3:11).

Осенью 1809 г. Борис Друбецкой после давней детской влюблённости снова влюбляется в Наташу, хорошо понимая, что «женитьба на ней — девушке почти без состояния, — была бы гибелью его карьеры» (2:3:12). Но поскольку Борис беден, мать Наташи отваживает нежелательного кандидата (2:3:13). Для Наташи это второе предложение, первое сделал друг и старший товарищ Николая ротмистр Василий Денисов. Ему было отказано. Когда же руки Наташи просит Андрей Болконский, слывший после смерти жены богатым и знатным женихом, её родители немедленно соглашаются.

Весной 1810 г. Николай Ростов, который в своём Павлоградском полку уже командовал эскадроном, получил тревожное письмо от матери. Она просила сына приехать домой и навести порядок в делах, поскольку иначе «всё именье пойдёт с молотка и все пойдут по миру». Имея, как пишет Толстой, «здравый смысл посредственности», Николай взял отпуск и двинулся в Отрадное (2:4:1). Сам этот адрес – а в романе ничего не говорится об обратном движении семьи Ростовых из Петербурга в имение – указывает на то, что план графа Ильи Андреевича поступить на государственную службу не увенчался успехом⁴.

В Отрадном Николай потребовал от управляющего Митеньки «счёты всего», сам слабо понимая, что это значит. Фактически речь шла о полной финансовой отчётности. Разговор не задался. Молодой граф «весь красный, с налитой кровью в глазах» вышвырнул Митеньку из его флигеля и пинком спустил со ступенек (2:4:2). Сцена эффектная и бесполезная: ею аудит начался и закончился. Назавтра граф Илья Андреевич и заступался за Митеньку, и просил сына заняться делами. Николай честно признался, что ничего не смыслит в финансах, и с увлечением занялся «новыми для него делами псовой охоты, которая в больших размерах была заведена у старого графа» (2:4:2).

Хотя Илья Андреевич вышел из предводителей дворянства, что было связано с расходами, дела его не поправлялись. Наташа и Николай часто слышали тайные разговоры родителей «о продаже богатого, родового Ростовского дома и подмосковной». Между тем жизнь в Отрадном шла заведённым чередом: за стол ежедневно садилось больше 20 человек, в конюшне стояли 50 лошадей, граф любил пиры и много проигрывал в карты. Графиня в качестве последнего средства спасти семью от разорения подыскала Николаю богатую невесту – Жюли Карагину. План не удался: Николай отказался жениться на деньгах без прямого указания матери, на что она тоже не решилась (2:4:8).

⁴ В основу образа старого графа Ростова легла история жизни деда писателя по отцу, Ильи Андреевича Толстого, бессмысленно щедрого и запутавшегося в долгах помещика. Прототип, в отличие от героя романа, сумел выхлопотать себе место губернатора в Казани.

Пензенские имения и нижегородские леса, которые отдавались за Жюли после смерти её братьев, привлекли другого кандидата – Бориса Друбецкого. Через месяц ухаживаний он подавил в себе ужас «перед отречением от возможности настоящей любви» и сделал предложение. Самодовольная и некрасивая Жюли потребовала от Бориса за своё состояние сказать, «что он любит её, и никогда ни одну женщину не любил более её». Когда психологический барьер был взят, жених и невеста приступили к подготовке свадьбы и устройству блестящего дома в Петербурге (2:5:5).

Другая, более компактная экономическая фабула второго тома, связана с проведением хозяйственных и институциональных, как сказали бы сегодня, реформ во владениях двух главных героев – Пьера и Андрея. После дуэли с Долоховым и яростной ссоры с женой Пьер выдал ей доверенность на управление всеми великорусскими имениями и один уехал из Москвы в Петербург (2:1:6). Там он стал масоном и нашёл цель жизни в том, чтобы улучшать жизнь принадлежавших ему крестьян. Для этого Пьер надумал посетить Киевскую губернию, где находилась основная часть его имений. По приезду в Киев он вызвал в главную контору всех управляющих.

Он сказал им, что немедленно будут приняты меры для совершенно-го освобождения крестьян от крепостной зависимости, что до тех пор крестьяне не должны быть отягчаемы работой, что женщины с детьми не должны посылаться на работы, что крестьянам должна быть оказываема помощь, что наказания должны быть употребляемы увещательные, а не телесные, что в каждом имении должны быть учреждены больницы, приюты и школы (2:2:10).

Несмотря на огромный годовой доход в 500 тысяч рублей, Пьер чувствовал себя менее богатым чем, когда получал по 10 тысяч от отца. В общих чертах он представлял себе следующий бюджет: 150 тысяч – «графине на прожитьё»; 80 тысяч платилось в Совет по всем имениям; 70 тысяч – проценты по долгам; 30 тысяч – содержание подмосковного имения, московского дома и княжон; 30 тысяч – пенсии и богоугодные заведения; 10 тысяч – постройка церкви. Остальные 100 тысяч расходились неизвестно куда так, что каждый год приходилось занимать. Пьер регулярно вызывал к себе главноуправляющего и обсуждал с ним дела, ничего не понимая и только притворяясь, что вникает в суть (2:2:10).

Весной 1807 г. на обратном пути в Петербург Пьер решил объехать все свои имения и проверить, как выполняются его поручения. Главноуправляющий ловко подыграл прожектёрскому запалу молодого барина. Всюду началось строительство школ, больниц и приютов. На всём пути следования крестьяне встречали Пьера с образами и горячо благодарили за благодеяния.

Пьер только не знал того, что там, где ему подносили хлеб-соль и строили придел Петра и Павла, было торговое село и ярмарка в Петров день, что придел уже строился давно богачами мужиками, села, теми, которые явились к нему, а что девять десятых мужиков этого села были в величайшем разорении. Он не знал, что вследствие того, что перестали по его приказу посылать ребятниц-женщин с грудными детьми на барищину, эти самые ребятницы тем труднейшую работу несли на своей половине. Он не знал, что священник, встретивший его с крестом, отягощал мужиков своими поборами, и что собранные к нему ученики со слезами были отдаваемы ему, и за большие деньги были откупаемы родителями. Он не знал, что каменные, по плану, здания воздвигались своими рабочими и увеличили барищину крестьян, уменьшенную только на бумаге. Он не знал, что там, где управляющий указывал ему по книге на уменьшение по его воле оброка на одну треть, была наполовину прибавлена барищинная повинность (2:2:10).

Любуясь из венской коляски живописными сельскими пейзажами, Пьер радовался тому, как много ему удалось сделать столь малыми усилиями. И, хотя он не решил для себя, надо ли освобождать крестьян (которые сейчас были счастливы, и которых на воле ждала неизвестность), из путешествия он возвращаться в «самом счастливом состоянии духа» (2:2:10–11). Благие намерения окончились вместе с путешествием. В Москве Пьер снова впал в расточительство. Его кошелек был открыт для всех, он без разбора тратил деньги на бенефисы и подписные обеды, на школы и благотворительные общества, на дурные картины, статуи, книги, церкви и кутежи (2:5:1).

Вслед за тем, как весной 1806 г. князь Андрей вернулся домой после ранения под Аустерлицем, отец отделил его и передал большое имение Богучарово в 40 вёрстах от Лысых Гор. Начав строительство, Андрей проводил там основную часть времени (2:2:8). К весне 1809 г. он уже два года безвыездно прожил в деревне. Все те преобразования, которые Пьер затеял и не довёл до конца в своих имениях, Андрей последовательно и без лишнего шума реализовал у себя.

Он имел в высшей степени ту недостававшую Пьеру практическую цепкость, которая без размахов и усилий с его стороны давала движение делу. Одно имение его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебопашцы (это был один из первых примеров в России), в других барищина заменена оброком. В Богучарово была выписана на его счёт учёная бабка для помощи родильницам, и священник за жалованье обучал детей крестьянских и дворовых грамоте (2:3:1).

Как замечает В.Н. Курицын, действие романа «Война и мир» начинается вскоре после принятия Указа о вольных хлебопашцах (1803). Данный акт явился первым шагом в долгом процессе освобождения крестьян, который завершился

отменой в 1861 г. крепостного права. Согласно указу, помещик имел право отпускать крестьян на волю по взаимному согласию с выделением земельного участка за оговорённый выкуп, за отработку или безвозмездно. Князь Андрей действительно был пионером этого движения. Ведь за время правления Александра I, то есть до 1826 г., по названному указу свободу получили только полпроцента крестьян (Курицын 2024: 333–334).

За свои нововведения князь Андрей приобрёл репутацию либерала. Одни приветствовали его реформаторство, другие критиковали. Показательная сцена произошла в августе 1809 г. на приёме у графа Кочубея. Глядя на Андрея, Кочубей упомянул, как на днях говорил о его вольных хлебопашцах со Сперанским. Сидевший рядом екатерининский старик презрительно обернулся на Болконского и спросил, он ли отпустил своих мужиков. Услышав скромный утвердительный ответ, старик осудил закон и язвительно поинтересовался, «кто будет землю пахать, коли им волю дать?» (2:3:5).

О быте русского дворянства Толстой писал со знанием дела, так как сам принадлежал к этому сословию, а при создании романа использовал воспоминания широкого круга знакомых и родственников. Кровные узы связывали Льва Николаевича с династиями Трубецких, Волконских, Одоевских, Голицыных, Горчаковых (Иващенко 2016). На этом основании Г.В. Плеханов весьма критически высказывался о социальном конформизме Толстого, называя его гениальным «бытописателем высшего сословия» (Плеханов 1923: 80). Читатель имеет все основания верить Толстому, когда он рисует процесс обеднения Ростовых и их бессилие перед надвигающимся финансовым крахом.

Разобраться в денежных делах не могут ни отец, ни сын Ростовы, ни Пьер Безухов. Все они вверяют дела неподконтрольным управляющим. Кроме князя Андрея считать деньги среди героев романа «Война и мир» умеют люди небогатые. О своём умении устроить финансовые дела с гордостью говорит офицер Семёновского полка поручик Берг (1:1:18). Он же просит будущего зятя Илью Андреевича дать часть приданого наличными. Деньги считает ротмистр Василий Денисов.

Особую бухгалтерию ведёт появляющийся в конце второго тома ямщик Балага, при помощи которого Анатолий и Долохов задумывали увезти Наташу для тайного венчания. Балага, фигура которого имела реального прототипа (Кандиев 1967: 182), уже шесть лет катал на своих тройках Анатолия и Долохова, выполняя самые трудные и опасные поручения. С обычными ездоками он торговался и «брал по двадцати пяти рублей за двухчасовое катанье». Но со своих господ, как он звал Анатолия и Долохова, «никогда ничего не требовал за свою работу», а только раз в несколько месяцев, просил «выручить его» или ссудить, сколько можно. Они же, «когда бывали в деньгах, давали ему по тысяче и по две рублей» (2:5:16).

Можно предположить, что денежные и личные отношения, которые содержатся во многих сделках, являются подвижными. При приоритете личного компонента денежная часть уходит на второй план и видоизменяется. В данном примере тесные личные связи между ямщиком и его привилегированными заказчиками видоизменяют, деформируют форму экономических отношений – как реальные условия неподписанного контракта, так и (в ещё в большей степени) его социальный имидж.

Стандартная для данного, весьма массового сегмента рынка, сделная оплата за каждую поездку исчезает. Де-факто услуга предоставляется в кредит. Разовая оплата трансформируется в паушальный платёж без дифференциации составляющих. Сумму и срок платежа определяет покупатель.

В ходе каждой конкретной поездки появляется ощущение, будто услуга оказывается бесплатно – как в дружеских или родственных отношениях. Счёт никогда не выставляется. Но компенсация за затраты (а Балага загнал с Анатоном и Долоховым не одну лошадь) не исчезает. Иллюзия безвозмездности прерывается раз в несколько месяцев. При этом оболочка сделки трансформируется до неузнаваемости и принимает вид, противоположный её реальному содержанию. Уже не ямщик возит господ в кредит, а они совершают благодеяние – выручают или ссужают его.

Важно, что подобная условность поддерживалась годами. Следовательно, она отвечала интересам сторон, их эмоциональным и ценностным запросам. Неопределённость экономических отношений, размытость прав и обязательств сторон проявляются в истории Балаги и господ-заказчиков гораздо сильнее, чем в истории денежных отношений княгини Друбецкой с семьёй Ростовых. Во втором случае налицо деформация социальной оболочки контракта. Но в обоих случаях денежный формат маскируется дружбой. При этом иллюзорность выступает проводником свободы, она расширяет поле для манёвра должника, морально облегчает бремя его ответственности.

Том третий. О войне, ценах и ценностях

События третьего тома происходят в течение трёх первых месяцев Отечественной войны 1812 г. Они начинаются в июне, когда французская армия вступает в пределы России, и оканчиваются пожаром Москвы в начале сентября. Все экономические сюжеты тем или иным образом оказываются связанными с военными действиями и, на первый взгляд, кажутся разрозненными. Однако их логическое единство существует. Оно, что было трудно ожидать от Толстого, формируется не в плоскости предмета, а в плоскости метода. Следуя своей тактике поступательно-возвратного движения, Лев Николаевич, подобно описанным им партизанам, водит читателя «через линию фронта» – из одного стана

в другой. Граница проходит между материальным и нематериальным, между неприкосновенностью частной собственности и правом брать чужое, между обмена и их антиподами – жертвой, даром и грабежом.

В третьем томе появляются признаки макроэкономических процессов, о себе заявляют рынки, расширяется круг действующих субъектов. Ими выступают не только физические лица, но и социальные группы: дворянство, купечество, горожане, крестьяне, солдаты и офицеры обеих армий.

12 июня 1812 г. французские войска перешли Неман. 13 июня Наполеон распорядился «как можно скорее доставить заготовленные фальшивые русские ассигнации для ввоза в Россию» (3:1:2). 15 июля в Слободском дворце в Москве состоялось собрание дворян и купцов, государь по очереди обратился к каждому сословию. От купцов ожидалось миллионы. Московское дворянство, вслед за смоленским, выделяло «по десять человек с тысячи и полное обмундирование». Узнав, что граф Мамонов жертвует полк, Пьер Безухов решил отдать «тысячу человек и их содержание» (3:1:23). Мамонов тратил на свой полк 800 тысяч рублей, а Безухов на своих ратников – ещё больше. Хотя главноуправляющий доказывал Пьеру, что затея с полком разорит его, он стоял на своём (3:2:27–28).

После разрыва помолвки с князем Андреем и попытки побега с Анатолом Наташа слегла от неизвестного недуга. Ради неё лето 1812 г. Ростовы проводили в Москве. Наташе приглашали дорогих докторов и покупали пилюли в красивых коробочках. Её выздоровление стало главной заботой семьи, а её проступок забывался.

Как бы переносил граф болезнь своей любимой дочери, ежели бы он не знал, что ему стоила тысячи рублей болезнь Наташи, и что он не жалует ещё тысяч, чтобы сделать ей пользу; ежели бы он не знал, что ежели она не поправится, он не пожалеет ещё тысяч и повезет её за границу и там сделает консилиумы... (3:1:16).

Хотя Наташа не верила в лекарства, ей «было радостно видеть, что для неё делали так много пожертвований» (3:1:16). Так в начале третьего тома появляется мотив жертвы и жертвенности. Далее Толстой показывает различные социальные функции жертвы, которая может со стороны казаться расточительной и бессмысленной. Закономерно возникают аналогии с обрядом потлач (который существует в культуре североамериканских индейцев и лежит в основе моральных учений в Индии), когда люди с той или иной символической целью раздают или уничтожают своё имущество. В романе «Война и мир» потлач резонно усматривают в оставлении Кутузовым Москвы и в сжигании жителями Смоленска своего имущества (Полтавец 2017: 124).

В случае с Наташей жертва сплывает семью, утверждает приоритет нематериального над материальным. Она также помогает людям членить время, устанавливая психологическую границу между настоящим и прошлым.

Проступок Наташи мысленно отсекается от настоящей и будущей жизни семьи. Сделать это позволяют бессмысленные с позиций рационального траты. К слову, потлач традиционно выступает средством воздействия на другого с целью заставить его изменить своё поведение (Гюнтер 2012: 21).

Окрепнув физически, Наташа воспрянула духом в церкви – в молитвах за русское воинство, за родных и любимых. Когда же настал черёд молиться о ненавидящих нас, она «причисляла к врагам кредиторов и всех тех, которые имели дело с её отцом...» (3:1:18). Одной фразой Толстой иллюстрирует известное ему состояние умов, когда экономические отношения отрывались от сути и перемещались в плоскость личной приязни или неприязни. Тягостные для должника обязательства ставились в вину кредитору, а слабая бюджетная дисциплина вытеснялась из сознания.

В начале августа 1812 г. французские войска подошли к Смоленску. Народ бросился бежать из города, цены за транспорт взлетели вверх. Здесь мы видим хрестоматийную взаимосвязь между спросом, предложением и ценой. Причём предложение (количество подвод) является крайне неэластичным по цене, поскольку дополнительные подводы взять неоткуда. Мужики, как пишет Толстой, сначала просили по три, а потом по семь рублей за подводу из Смоленска до Дорогобужа (3:2:4).

Но когда вследствие обстрела в городе начались пожары, желание нажиться на общей беде поменялось на противоположное. Торговцы раздавали русским солдатам съестные припасы, чтобы не оставлять их врагу. Купец Ферапонтов сам запалил свой амбар и ночью вместе с толпой азартно наблюдал, как в пламени и чёрном дыму обрушился потолок (3:2:4). Во всех других городах и сёлах, как только подходил неприятель, «богатейшие элементы населения уходили, оставляя своё имущество; беднейшие оставались и зажигали и истребляли то, что оставалось» (3:3:5).

8 августа Кутузов был назначен полномочным главнокомандующим армий. Одно из первых его распоряжений касалось мародёрства русских войск. Когда дежурный генерал представил «к подписи бумагу о взыскании с армейских начальников по прошению помещика за скошенный зелёный овес», светлейший велел бросить бумагу в печку и впредь отправлять в огонь все подобные дела. «Пускай косят хлеба и жгут дрова на здоровье. Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Без этого нельзя. Дрова рубят — щепки летят» (3:2:15). То есть, справедливая компенсация в условиях войны не может быть обязательной, а права собственности не могут соблюдаться в нормальном режиме. Так Толстой показывает грань между рыночными и нерыночными отношениями.

Позиция Кутузова дала большое облегчение войскам. Вечером 25 августа, накануне Бородинского сражения, Пьер стал свидетелем разговора офицеров в палатке князя Андрея. Они говорили, что «свет увидели» после решения светлейшего о дровах и кормах. Ранее, под командованием Барклая-де-Толли,

отступавшие русские войска не смели «хворостины тронуть или сенца», оставляя всё неприятелю. В полку капитана Тимохина «под суд двух офицеров отдали за этикие дела». Всегда сдержанный князь Андрей, срываясь на крик, доказывал Пьеру, что немец Барклай «не мог понять, что мы в первый раз дрались там за Русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал...» Именно поэтому в критическое для страны время его следовало заменить русским полководцем (3:2:25). Здесь Толстой указывает на чрезвычайно важный в человеческих отношениях и недооценённый в экономической политике фактор принадлежности к группе. Иностранец не мог понять и разделить идеалов, которые имели первостепенное значение для русских войск и для Кутузова.

Об этой принадлежности Толстой говорит другим, весьма отличным по характеру, эпизодом. Командование войсками Кутузов принял в деревне Царёво-Займище Смоленской губернии. По традиции в церкви его с крестом встретил местный поп. На время светлейший остановился в его избе и там принимал приходявших с докладами генералов. Хозяйка дома, улучив момент, поднесла Кутузову на блюде хлеб-соль. Взглянув на наряженную в розовое платье румяную молодую попадью, Кутузов весело прищурился, похвалил её за красоту, «достал из кармана шаровар несколько золотых и положил ей на блюдо» (3:2:16).

Жест заслуживает отдельного разбора. Любезность и комплимент женщине лишь оттеняют главное содержание действия – выражение позиции «большого человека» в отношении других членов общества. Согласно классической трактовке Маршалла Салинса, власть «большого человека», или «бигмена» (англ. – *big man*) не является политической, она не наследуется и не связана с должностью, её источником выступает только *личный авторитет*. Занимая центральное положение в группе, такой человек помогает более слабым, проявляет к ним щедрость и великодушие, направляет на целесообразные для группы действия (Sahlins 1963: 289–290).

Подарок Кутузова устанавливает личные отношения между главнокомандующим и его мимолётной знакомой. Золотые монеты становятся символом их причастности к большому общему делу, к судьбе народа, что стирает социальные границы, закрепляя приоритет гражданственности над чинами и богатством. Как отличается атмосфера этого подарка от той, в которой графиня Ростова предлагала деньги княгине Друбецкой. Кутузов и попадья довольны. Деньги для них – никак не низкий, грязный предмет, а желанная звонкая монета, хотя здесь она выступает более в символической, нежели в материальной форме.

10 августа 1812 г. полк под командованием Андрея Болконского, проходил мимо его родового имения. Он заехал в Лысые Горы и застал там картину разорения: телята и лошади бродили по английскому парку, стёкла оранжереи были выбиты, а фрукты оборваны вместе с ветками. Как доложил управляющий Алпатыч, всё ценное было вывезено в соседнее село Богучарово. Туда же перевезли

100 четвертей хлеба. Сено и богатый урожай ярового хлеба был «зелёным взят и скошен» войсками. Остававшиеся на месте 600 четвертей овса решили отпустить командам под расписку.

Следующая сцена является ключевой для понимания социально-экономического кредо Л.Н. Толстого периода написания романа «Война и мир». На выезде из имения Андрей увидел двух девочек, которые на бегу уносили в подолах сорванные с орangerейных деревьев сливы. Заметив барина, девочки спрятались за деревом, Андрей поспешно отвернулся.

Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда он, глядя на этих девочек, понял существование других, совершенно чуждых ему и столь же законных человеческих интересов, как и те, которые занимали его. Эти девочки очевидно страстно желали одного — унести и доесть эти зелёные сливы, и не быть пойманными, и князь Андрей желал с ними вместе успеха их предприятию. Он не мог удержаться, чтобы не взглянуть на них ещё раз. Полагая себя уже в безопасности, они выскочили из засады, и что-то пища тоненькими голосками, придерживая подола, весело и быстро бежали по траве луга своими загорелыми босыми ноженками (3:2:5).

Рассматривая данный эпизод, С.Г. Бочаров отмечает его неожиданный дуализм. Сначала князь Андрей впервые «органически ощущает законность» чужих интересов, а затем к нему приходит успокоительное ощущение устойчивости жизни (Бочаров 1978: 73–74). Здесь проявляется подлинный гуманизм Толстого, исходя из которого он выступает как либерал в широком смысле и как сторонник экономического либерализма, в частности. Действиями своего любимого героя он приглашает читателя признать ценность других людей и их интересов. В чисто практическом ключе мелкая кража, будучи санкционированной, превращается в подарок, о чём знает только одна сторона – князь Андрей. Неприкосновенность частной собственности нарушена, но это нарушение идёт на пользу владельцу имущества.

В середине августа 1812 г. старый князь Болконский умирает в Богучарове. Оставшись одна, княжна Марья хочет поскорее уехать в Рязанскую губернию или под Москву, как советовал брат, чтобы не попасть в руки французов. Однако богучаровский староста Дрон, который за 23 года службы «никогда не забывал ни одного счёта денег», ни одного пуда муки и ни одной копны хлеба, уверяет, что лошадей нет, а мужики голодают (3:2:9).

На другой день княжна Марья собирает мужиков. Она предлагает им взять весь господский хлеб и со всем имуществом скорее ехать в подмосковную, где им гарантируют кров и пропитание. Мужики, однако, уже решили остаться под французами, боясь, что иначе их хозяйства подвергнутся разграблению. Они не согласны ехать (3:2:11). Несмотря на все полезные реформы князя Андрея, крестьяне не доверяли барыне и видели в её словах не благодеяние, а обман.

Мало того, утром следующего дня мужики не дали княжне Марье выехать из поместья – фактически, взяли её в заложники. На её счастье, в Богучарово, которое тогда находилось между двумя армиями, в поисках сена заехали четверо русских гусар. Одним из них был Николай Ростов. Офицеры быстро усмирили бунт и проводили экипаж княжны до безопасного места. Товарищи Ростова по полку шутили, что он, «поехав за сеном, подцепил одну из самых богатых невест в России». Николай сердился, «потому, что мысль о женитьбе на приятной для него кроткой княжне Марье с огромным состоянием не раз против его воли приходила ему в голову» (3:2:14).

Сцену богучаровского бунта критиковали за замалчивание и отступление от правды. В.Б. Шкловский писал, что Толстой «как самый помещичий писатель» вложил в роман «Война и мир» свои манеры жить и свой способ хозяйствовать. Поскольку в пору создания романа вопрос об освобождении крестьян был крайне злободневен, Толстой обходил его стороной, а своё собственное предчувствие бунта вытеснил картиной лёгкого подавления бунта силами одного дворянина (Шкловский 1928: 12–13). Кэтрин Фойер добавляет, что Толстой не мог не знать фактов: многие крестьяне приветствовали Наполеона в надежде, что он освободит их. Однако писатель не хотел связывать освобождение с Наполеоном и потому объяснил действие крестьян весьма туманно (Фойер 2002: 165).

День Бородинского сражения, 26 августа, Пьер провёл на батарее Раевского. Вечером он побрёл по дороге в сторону Можайска и, выбившись из сил, прилёг на обочине. Трое солдат в середине ночи развели рядом огонь, сварили похлёбку и пригласили Пьера к котелку. Их кушанье из сухарей и сала «казалось самым вкусным из всех кушаний, которые он когда-либо ел». Затем солдаты проводили Пьера до Можайска.

Прощаясь, Пьер взялся за карман, чтобы дать им денег, но внутренний голос сказал ему, что это не нужно (3:3:8). Мельчайший описанный Толстым эпизод нагружен смыслом. Пьер почувствовал, что отношения людей, которые только что побывали в горниле ещё продолжающегося сражения, находятся в пространстве чистой морали. Там нет и не может быть места обманам. Будучи одним из богатейших людей империи, он принял дар от простых солдат – хлебал деревянной ложкой их нехитрую похлёбку. В эти минуты их объединило чувство родины и общей судьбы. Чтобы выдержать ноту и остаться вне социальной иерархии, от Пьера потребовалась работа души. И он её сделал.

В последний день перед сдачей Москвы на её положение указывали, как пишет Толстой, две вещи: сословие бедных и цены. Оставшийся в городе простой люд рассыпался по питейным домам и трактирам. Цены на оружие, на золото, на телеги и лошадей поднимались, а на другие вещи падали. В середине дня «за мужицкую лошадь платили 500 рублей; мебель же, зеркала, бронзы отдавали даром» (3:3:15). Обычное состояние рынков в условиях ажиотажа сменится новым выходом за пределы рынка.

Следующий эпизод широко известен. Утром 1 сентября на дворе у дома Ростовых на Поварской стояло 30 готовых к отъезду подвод с вещами. Тем временем с разных сторон к дому тянулись раненые и их посыльные – с просьбой дать транспорт для выезда из Москвы. Граф Илья Андреевич был готов уступить, но графиня не соглашалась. Исход дела решила Наташа, разгневанная она ворвалась в комнату матери и убедила её поступить по совести. Скоро на земле лежали «неубранные сундуки с посудой, с бронзой, с картинами, зеркалами, которые так старательно укладывали в прошлую ночь» (3:3:16).

Одураченным Мефистофелем, по выражению Франца Меринга, выглядит на этом фоне зять Ростовых полковник Берг (Меринг [1900]1934: 294). В обстановке всеобщего хаоса им двигало единственное желание – дёшево купить «шифоньерку и туалет» из дома Юсуповых. К тестю Илье Андреевичу он явился просить мужиков-грузчиков, и был послан к чёрту. Во втором часу дня четыре экипажа Ростовых стояли у подъезда. Подводы с ранеными, одна за другой, выезжали со двора. Несколько таких же поездов, как у Ростовых, съехались с разных сторон в Кудрине и потянулись в два ряда по Садовой (3:3:16–17). Ещё одна жертва, осмысленная и праведная. Она была особенно значимой для семейства Ростовых, у которых, по тонкому наблюдению М.А. Алданова, почти нет другой жизни, кроме материальной, тогда как все Болконские заняты напряжённой духовной работой (Алданов 1923: 21–22).

В ночь на 2 сентября Кутузов отдал приказ об отступлении русских войск через Москву на Рязанскую дорогу. Армия Наполеона наседала. Русские войска проходили через Москву с двух часов ночи и до двух часов дня. На Москворецком и Каменном мостах образовались заторы. Пользуясь остановкой, солдаты потянулись в торговые ряды. Люди почувствовали, что «можно брать без труда чужое». В Гостином дворе текли два потока: одни мундиры и солдатские шинели без ружей молчаливо выходили с ношами, а другие, без ноши, заходили. Купцы с потерянным видом отпирали и закрывали свои лавки и сами куда-то уносили свои товары (3:3:21).

Когда французские солдаты вошли в Москву, они представляли собой «измученное, истощенное, но ещё боевое и грозное войско». Но как только люди стали расходиться по пустым и богатым квартирам, занимать целые дома, выбирать себе коляски и кареты, войско уничтожилось (3:3:26).

Когда, через пять недель, те же самые люди вышли из Москвы, они уже не составляли более войска. Это была толпа мародеров, из которых каждый вёз или нёс с собой кучу вещей, которые ему казались ценны и нужны. Цель каждого из этих людей при выходе из Москвы не состояла, как прежде, в том, чтобы завоевать, а только в том, чтоб удержать приобретённое (3:3:26).

Толстой поднимает тему взаимодействия человека с миром материальных ценностей. Грабёж русских у своих же выглядит оправданным. Будучи санкционированным, он превращается в потлач для одних и в дар для других. Грабёж французов, даже если его никто не в силах остановить, не превращается в благо даже для грабителей.

Том четвёртый и эпилог. Отдать долги, стать богаче

Четвёртый том охватывает период с конца августа 1812 г. по январь 1813 г., когда армия Наполеона оставляет Москву и бежит из России, а русские войска преследуют неприятеля. Эпилог повествует о жизни семей Ростовых и Безуховых с весны 1813 г. по конец 1820 г. Лейтмотивом звучит тема возрождения и обновления жизни. Подсчёт убытков и восполнение утрат знаменуют переход к новому образу жизни на основе более глубокого понимания природы человека. Герои романа переосмысливают соотношение между материальными и нематериальными ценностями. Их система хозяйствования становится более ответственной, рациональной и устойчивой – что звучит поразительным консонансом современной общественной повестке.

Произведения Толстого всегда подкупают честностью. Вот и здесь, рассказывая о жизни до половины завоёванной России, он призывает читателя не думать, будто «все русские люди, от мала до велика, были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасать отечество или плакать над его гибелью». Правда жизни в ином. «Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени. Те же, которые пытались понять общий ход дел и с самопожертвованием и геройством хотели участвовать в нём, были самые бесполезные члены общества...» (4:1:4). Ту же мысль – о полезности следования личным интересам – Толстой проводит, как будет показано далее, и применительно к экономическим отношениям.

Оставшаяся в Москве армия Наполеона продолжала деградировать. «Фальшивые и не фальшивые ассигнации наполняли Москву, и не имели цены. Для французов, собиравших добычу, нужно было только золото». Даже серебро отдавалось ниже своей стоимости за золото. Тщетными были старания Наполеона «остановить грабежи и восстановить дисциплину» (4:2:10). Перед выездом из Москвы у неприятельской армии не было фуража, потому что в окрестных сёлах мужики жгли своё сено и не продавали французам даже по высокой цене (4:3:1).

К этим известным фактам остаётся добавить, что переизбыток денег всегда кончается одинаково, а сено XIX в. следует приравнять к современной нефти. С конца октября, «когда начались морозы, бегство французов получило только более трагический характер замерзающих и изжаривающихся на смерть

у костров людей и продолжающих в шубах и колясках ехать с награбленным добром императора, королей и герцогов» (4:3:16). Читатель невольно сочувствует французам, которые не в силах бросить награбленное, когда на кону уже стоит их жизнь. Незаметно для них наступает время потлача, подобно тому, как оно настало для Ростовых, когда они отдали подводы под раненых, и для купца Ферапонтова, запалившего свой амбар с хлебом.

Ночью с 6 на 7 октября французские войска начали покидать Москву. Первыми в опустевший город вошли казаки, крестьяне из соседних деревень и скрывавшиеся в окрестностях жители. Они грабили и увозили всё, что оставалось не разграбленным. Вслед за ними стали прибывать домовладельцы, духовенство, чиновники, ремесленники и торговцы. Все эти люди, «как кровь к сердцу» приливали к сожжённой древней столице (4:4:13).

Через неделю уже мужики, приезжавшие с пустыми подводами, для того чтоб увозить вещи, были останавливаемы начальством и принуждены к тому, чтобы вывозить мертвые тела из города. Другие мужики, прослышав про неудачу товарищей, приезжали в город с хлебом, овсом, сеном, сбивая цену друг другу до цены ниже прежней. Артели плотников, надеясь на дорогие заработки, каждый день входили в Москву, и со всех сторон рубились новые и чинились старые, погорелые дома. Купцы в балаганах открывали торговлю. Харчевни, постоянные дворы устраивались в обгорелых домах (4:4:13).

Исследователи особо выделяют данный фрагмент как пример эффективно функционирования рыночной экономики. «Невидимая рука» рынка направляет действия свободных индивидуумов, каждый из которых преследует частные, эгоистические интересы. Как справедливо отмечают Бреннан и Ватерман, успешная работа рыночных механизмов в данном случае не случилась бы без первоначального импульса властей. Они восстановили правовой порядок в городе и направили действия крестьян в полезное русло (Brennan, Waterman 2020: 401–403)

Пожар Москвы стоил Пьеру два миллиона рублей. Управляющий рекомендовал ему отказаться от долгов Элен, а также не возобновлять московских домов и подмосковного имения, на которые уходило по 80 тысяч в год. Пьер решил иначе – «покончить дела жены и строиться в Москве». Хотя это решение уменьшало его доходы на три четверти, он чувствовал, что так надо. Друзьям же он рассказывал, что он стал втрое богаче, потому что выиграл свободу (4:4:13, 17). Словами, вложенными в уста любимого героя, Толстой утверждает собственные жизненные установки: свобода личности – наивысшая ценность. Она включает свободу от долгов и свободу действовать согласно морали, а не в угоду материальному.

Ранней весной 1813 г. Наташа вышла замуж за Пьера Безухова. В тот же год умер её отец граф Илья Андреевич Ростов. «В последний день он, рыдая, просил прощения у жены и заочно у сына за разорение имения — главную вину, которую он за собой чувствовал». Известие о смерти отца застало Николая Ростова в Париже, где он был с русскими войсками. Николай подал в отставку и приехал в Москву. Открывшееся положение денежных дел графа потрясло всех: долгов было вдвое больше, чем имения. Друзья советовали Николаю отказаться от наследства, но он видел в этом «выражение укора священной для него памяти отца» и потому «принял наследство с обязательством уплаты долгов» (Эпилог:1:5).

Кредиторы, так долго молчавшие, будучи связаны при жизни графа тем неопределённым, но могучим, влиянием, которое имела на них его распушенная доброта, вдруг все подали ко взысканию. Явилось, как это всегда бывает, соревнование — кто прежде получит, — и те самые люди, которые, как Митенька и другие, имели безденежные векселя — подарки, явились теперь самыми требовательными кредиторами. Николаю не давали ни срока, ни отдыха, и те, которые, по-видимому, жалели старика, бывшего виновником их потери (если были потери), теперь безжалостно накинулись на очевидно невиновного перед ними молодого наследника, добровольно взявшего на себя уплату (Эпилог:1:5).

Имение продали с молотка за полцены, что позволило заплатить только половину долгов. Николай взял предложенные Пьером 30 тысяч «для уплаты той части долгов, которые он признавал за денежные, настоящие долги». Чтобы выплачивать остальные долги и не быть посаженным в долговую яму, чем ему угрожали кредиторы, он поступил на статскую службу. Жалованья в 1200 рублей едва хватало на скромную жизнь с матерью и Соней в маленькой квартире. Из всех сил Николай старался скрыть своё бедственное положение от матери, с детства привыкшей к роскоши. Она не понимала трудностей сына и потому требовала «то экипажа, которого у них не было», то дорогого кушанья или денег на подарки родным (Эпилог:1:5). Тяжёлый период продолжался около года.

Осенью 1814 г. Николай женился на княжне Марье и вместе с матерью и Соней переехал в Лысые Горы⁵. Он оказался умелым хозяином, в три года заплатил долги отца и ещё через три года начал переговоры «о выкупе отцовского Отрадного, что составляло его любимую мечту» (Эпилог:1:7).

⁵ Так поступил отец писателя Николай Ильич Толстой. Приняв наследство отца с большими долгами, он женился на богатой наследнице Марии Николаевне Волконской и поселился семьёй в Ясной Поляне (Кандиев 1967: 99).

Николай был хозяин простой, не любил нововведений, в особенности английских, которые входили тогда в моду, смеялся над теоретическими сочинениями о хозяйстве, не любил заводов, дорогих производств, посевов дорогих хлебов и вообще не занимался отдельно ни одною частью хозяйства. У него перед глазами всегда было только одно имя, а не какая-нибудь отдельная часть его. В имя же главным предметом был не азот и не кислород, находящиеся в почве и воздухе, не особенный плуг и наез, а то главное орудие, чрез посредство которого действует и азот, и кислород, и наез, и плуг, т. е. работник-мужик (Эпилог:1:7).

Только поняв устремления мужика, его вкусы и представления о том, что хорошо и плохо, Николай стал смело управлять делами. И тогда хозяйство его приносило «самые блестящие результаты». При этом Николай не допускал мысли, что он действует ради блага своих подданных. Его объяснение было простым: «если крестьянин гол и голоден, и лошадей у него одна, так он ни на себя, ни на меня не работает». И поэтому, как пишет Толстой, всё, что он делал, было плодотворно (Эпилог:1:7).

В том, что жить ради других – пустая затея, князь Андрей убеждал Пьера весной 1807 г. После поездки по южным имениям Безухов был полон наивной радости за улучшение жизни крестьян. Болконский был настроен скептически. Он доказывал, что человек не в состоянии облагодетельствовать других и не должен ставить такой цели. Освобождать крестьян, как он саркастически заметил, нужно не для них самих, а для тех людей, которые годами пользуются неограниченной властью и потому «наживают себе раскаяние» (2:2:11). Здесь Толстой выступает как последователь классической политической экономии. Именно эти два условия называет Адам Смит: преследуя собственный интерес человек «более действенным способом служит интересам общества, чем когда сознательно стремится делать это». Государство не должно управлять хозяйственными решениями частных лиц, поскольку власть в руках самонадеянного человека становится опасной (Смит [1776] 2007: 442–443).

Большой и просторный дом, где Николай жил с женой, тремя детьми, Софией, матерью, племянником жены и другими домочадцами, был устроен самым простым образом. Он имел некрашенные дощатые полы и был меблирован жесткими диванами, столами и стульями «из своих берёз и работы своих столяров»⁶ (Эпилог:1:9). С весны до осени Николай осенью усердно занимался хозяйством, часто бывал в поле, а порой весь день проводил в конторе управляющего. Он держал в уме текущую конъюнктуру (в современных терминах) и радовался, узнав, что за лес в Тамбовской деревне давали уже 80 тысяч, что позволяло в скором времени выкупить Отрадное (Эпилог:1:15).

⁶ Описание соответствует тому образу жизни, который Л.Н. Толстой вёл в Ясной Поляне. По воспоминаниям очевидцев, он был привычен к простой и скромной обстановке. В доме во многих комнатах были некрашенные полы и подгнившие оконные рамы (Бунин [1937] 1996: 89).

По своему устройству хозяйство Николая напоминало промышленную общину, которую создал английский социалист-утопист и промышленник Роберт Оуэн в Нью-Ланарке (Шотландия). О действовавшей в 1800–1829 гг. общине и о проектах Оуэна Толстой узнал из вышедшего в 1861 г. подробного очерка Герцена. В письме Герцену Лев Николаевич сообщал, что Оуэн и его деятельность были весьма близки ему по духу (Краснов 1981: 423). Интересно, что Роза Люксембург, которая, вероятно, не знала об этом факте, ставила Толстого в один ряд с социалистами-утопистами начала XIX столетия – Фурье, Сен-Симоном и Оуэном. Толстого, несмотря на его идеализм, она высоко ценила как социального мыслителя и критика социальной несправедливости (Люксембург 1908: 98–99; 1918: 112, 116).

Но между Оуэном и Толстым имелась существенная разница. Оуэн считал, что все действия человека зависят от его воспитания. Толстой эту идею отвергал и твёрдо следовал своему убеждению о том, что человек обладает свободной волей и способен к самовоспитанию (Струве 1908: 230). Благодаря самовоспитанию Пьер отказывается от кутежей, филантропии и расточительства, а Николай учится финансовому учёту и планированию.

Пьер и Наташа имели в 1820 г. четверых детей. Живя большим домом, Пьер, к своему удивлению, замечал, что он тратил вдвое меньше, чем раньше. Его расстроенные, особенно по причине долгов первой жены, дела стали поправляться. Жизнь стала дешевле, потому что, по словам Толстого, в ней не было прежней роскоши, а её образ был раз и навсегда определён. Имея дома в Петербурге и Москве, Наташа отказалась от высшего света и светских развлечений, найдя своё призвание в семье и детях (Эпилог:1:12).

Заключение

Исследование позволило установить, что описанные в романе «Война и мир» экономические события представляют собой цельный и непротиворечивый смысловой массив. Роман содержит несколько сюжетных линий экономического свойства с присущей им оправданной логикой развития и социальной динамикой, соответствующей мировоззрению Л.Н. Толстого.

Первый вывод состоит в том, что неявно выраженное в романе «Война мир» экономическое кредо Л.Н. Толстого отвечает духу классической политической экономии с упором на свободную волю индивида. Из двух главных сформулированных Адамом Смитом постулатов рыночной экономики (экономическая свобода и принцип невмешательства), Толстой активно воспринимал и продвигал первый постулат и косвенно признавал второй. На протяжении романа Толстой повторяет, что наиболее полезными для общества оказываются те люди, которые преследуют собственные интересы, а не стремятся реализовать интересы других или общества в целом. Примеры самопожертвования и филантропии

представлены в книге как бесполезные. Экономический либерализм Толстого вытекает из его гуманизма, из представления о ценности каждого человека, наделённого свободой воли. Писатель подчёркивает, что личная свобода и ответственность должны сочетаться с признанием законности интересов других людей.

Второй вывод касается одобряемых Толстым принципов экономического поведения. Главные герои романа, Пьер Безухов и Николай Ростов в результате саморазвития приходят к устойчивому, осознанному и рациональному хозяйствованию. Каждый из них приобретает навыки учёта, финансовой дисциплины и планирования. Центром хозяйственной системы в имении Николая Ростова является человек-труженик, а не технологии и средства производства, что созвучно трудовой теории стоимости А. Смита. Столкнувшись с крупными финансовыми потерями, оба героя принимают «нерациональное» решение заплатить долги за умерших близких. Так проявляется их ответственность перед обществом и стремление к личной свободе, которую они ставят выше материальных затрат.

Выраженный в романе экономический принцип Толстого следует назвать принципом осознанного экономического поведения. Книга призывает к разумной достаточности в потреблении, которое выступает не самоцелью или методом социального позиционирования, а служит реализации более высоких ценностей индивидуума. Книга осуждает корысть, расточительство и попустительство недобросовестному экономическому поведению.

Третий вывод состоит в том, что экономические отношения всегда вписаны в социальную систему. Они не могут развиваться автономно, вне культуры, морали и политики, вне правил и условий конкретного социума.

Основная часть описанных в романе экономических событий происходит за пределами рынков с их стандартными, массовыми и обезличенными обменами. Стремясь к жизненной правде, Толстой показывает некоторые характерные черты межличностных экономических отношений. К ним относятся: разное и подвижное представление участников о существе и форме сделки; уклонение от чёткой фиксации прав и обязанностей сторон (особенно при тесных личных отношениях); отрицание экономической действительности и перенос её проявлений в нравственно-эмоциональную сферу.

Субъективные представления героев о своём месте в социальной иерархии могут становиться оправданной точкой для манипуляций и принудительного перераспределения – нанесения материального ущерба окружающим. Свойственные людям иллюзии и заблуждения проявляются в их поступках и приводят к реальным финансовым последствиям – что подтверждает современный экономический и финансовый анализ.

Роман даёт примеры столкновения материальных и нематериальных ценностей. Читатель видит, как безрассудные, с позиций экономической целесообразности, действия, будучи вписанными в социальные, ценностные и эмоциональные отношения людей, служат задачам выживания и поддержания долгосрочной устойчивости индивидуума или группы. Потери в плоскости экономики соответствуют приобретениям за её пределами – в сфере безопасности, коллективного блага, групповой принадлежности и т. п. Сегодня этим понятиям соответствует термин экономической резильентности, означающей способность системы выдержать действие шока и вернуться на траекторию роста.

Описывая события 1812 г., Толстой непроизвольно выступает противником экономического детерминизма и рыночного фундаментализма. Неприкосновенность частной собственности может и должна быть нарушена ради более высоких целей – сохранения жизни людей и защиты отечества. Кроме того, существуют ситуации, когда социальное (принадлежность к группе и приверженность большой общей цели) переносит отношения людей из формата денежных отношений и обменов в сферу чистой морали.

Представленные выводы могут быть полезны специалистам в области экономической теории, экономической социологии и истории, а также поведенческой экономики.

Об авторе:

Ольга Витальевна Буторина – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.
E-mail: butorina@ieras.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 821.161.1.09:33
Received: February 2, 2025
Accepted: April 15, 2025

Economics and Finance in Leo Tolstoy's "War and Peace": Insights for Contemporary Economic Thought

 O.V. Butorina
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-7-43](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-7-43)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: Leo Tolstoy's *War and Peace* is widely acknowledged as one of the greatest literary masterpieces, continually captivating readers worldwide through ongoing discussions, translations, and adaptations since its original publication in 1865–1869. This article explores the novel from an economic perspective, aiming to determine whether it encapsulates a coherent and comprehensive economic worldview capable of implicitly shaping contemporary economic thinking and decision-making. Such embedded economic ideas and values have largely remained unnoticed and unexplored by scholars, thus limiting their potential integration into modern economic discourse. Recognizing and articulating these implicit economic insights could significantly broaden contemporary economic research, harmonizing established concepts such as rationality, self-interest, and market equilibrium with emerging considerations of sustainability, social norms, reciprocity, and morality.

The study systematically identifies episodes within the novel that carry distinct economic significance, organizing them logically into thematic clusters. Each identified scenario is analyzed through the lens of contemporary economic theories, supplemented by relevant interpretations from existing scholarly literature.

The analysis demonstrates that the economic content within *War and Peace* constitutes a coherent and logically consistent thematic framework without contradictions or narrative disruptions. The novel's economic storylines reflect realistic economic developments and illustrate the evolution of economic consciousness among its main characters. Tolstoy's underlying economic philosophy aligns closely with classical political economy, emphasizing individual freedom and personal responsibility. Furthermore, the text implicitly promotes principles of sustainable consumption and production, advocating disciplined budgeting and long-term financial planning. Finally, the study highlights how economic interactions within the novel are influenced or shaped by broader social, political, cultural, and ethical contexts.

Keywords: Leo Tolstoy, *War and Peace*, economic analysis, classical political economy, sustainable consumption, economic behavior, financial ethics, literature and economics, economic values, rationality and morality, social influences on economics, narrative economics

About the author:

Olga V. Butorina – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Mokhovaya st. 11-3, Moscow, Russia, 125009. E-mail: butorina@ieras.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Beugelsdijk S., Maseland R. 2011. *Culture in Economics. History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications*. Cambridge. 408 p.
- Bradley P. 1980. Henry George, Biblical Morality and Economic Ethics: Some Conclusions from a Lifetime's Study of the Relation between Ethics and Economics. *The American Journal of Economics and Sociology*. 3(39). P. 209–215. DOI: 10.1111/j.1536-7150.1980.tb01271.x
- Brennan G. and Waterman A.M.C. 2021. Economics Meets War and Peace Tolstoy's Implicit Social Theory. *The Independent Review. A Journal of Political Economy*. 3(25). P. 397–410.
- de Soto H. 2000. *The Mystery of Capital. Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. London: Bentam Press. 243 p.

Feuer K.B. 1996. *Tolstoy and the Genesis of "War and Peace"*. Edited by Robin Feuer Miller and Donna Tussing Orwin. Ithaca and London: Cornell University Press.

Horodecka A. 2022. *Human Nature in Modern Economics: Structure, Change and Perspectives*. Routledge. 272 p. DOI: 10.4324/9781003206484

Keynes J.M. [1936]. 1973. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. The Collected Writings of John Maynard Keynes. D. Moggeridge (ed.). 30 vols. Vol. VII. Macmillan.

Kyriacou C. 2019. Tolstoy's Implicit Moral Theory: An Interpretation and Appraisal. *Russian Literature*. 106, May–June. P. 117–138. DOI: 10.1016/j.ruslit.2019.06.007

Laville J.-L. 2023. Moral Economy and Human Economy. *Encyclopedia of the Social and Solidarity Economy*. Elgar Publishing. Ilcheong Yi. (Ed.) P. 68–72.

Mangold M. 2017. Space and Storytelling in Late Imperial Russia: Tolstoy, Chekhov, and the Question of Property. *The Russian Review*. 76(1). P. 72–94. DOI: 10.1111/russ.12120

McCloskey D.N. 1998. *The Rhetoric of Economics*. Second Edition. The University of Wisconsin Press Madison. 248 p.

Nabokov V. 1981. *Lectures on Russian Literature. Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorki, Tolstoy, Turgenyev*. Harcourt Brace Jovanovich. 324 p

Nicolosi R. 2024. Slum Bodies: Leo Tolstoy's What Should We Do Then?, the Moscow Poor, and Late Nineteenth-Century Russian Slum Literature. *The Russian Review*. №3. P. 348–361. DOI: 10.1111/russ.12646

Romero N. 2023. *The Alternative: How to Build a Just Economy*. New York: Public Affairs. 384 p.

Sacchetti S., Tortia E. 2024. A Needs Theory of Governance: Taking Transaction Cost Theory back to Humanistic Economics and Self-Actualisation. *Journal of Institutional Economics*. №20. P. 1–17. DOI: 10.1017/S1744137423000401

Sahlins Marshall D. 1963. Poor Man, Rich Man, Big-Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*. 5(3). P. 285–303. DOI: 10.2307/177650

Smith A. [1776]. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*.

Vdovin A. 2017. "Devilish Money" and Peasant Ethics: Leo Tolstoy's Economic Imagination and Emplotment in "Polikushka". *The Russian Review*. 76(1). P. 53–71. DOI: 10.1111/russ.12119

Wenzer K. C. 1997. Tolstoy's Georgist Spiritual Political Economy (1897–1910): Anarchism and Land Reform. *The American Journal of Economics and Sociology*. 56(4). P. 639–667. DOI: 10.1111/j.1536-7150.1997.tb02664.x

Aldanov M.A. 1923. *Zagadka Tolstogo [The Mystery of Tolstoy]*. Berlin, Izdatel'stvo I.P. Ledyzhnikova. 128 p. (In Russian)

Asmus V.F. 1961. Mirovozzrenie Tolstogo [Tolstoy's Worldview]. *Literaturnoe nasledstvo*. №69. P. 35–102. (In Russian)

Auzan A.A. 2017. Sociokul'turnaja jekonomika [Sociocultural Economy]. *Nauka i innovacii*. 2(168). P. 4–11. (In Russian)

Avtonomov V.S. 2018. Jekonomicheskaja teorija do i posle velikoj recessii. [Economic Theory Before and After the Great Recession]. *Voprosy teoreticheskoy jekonomiki*. 2(3). P. 58–64. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00011. (In Russian)

Basinskij P.V. 2022. *Lev Tolstoj: begstvo iz raja [Leo Tolstoy: Escape from Paradise]*. Moscow: Redakcija Eleny Shubinoj, AST. 637 p. (In Russian)

Bocharov S.G. 1978. *Roman L. Tolstogo «Vojna i mir» [L. Tolstoy's Novel 'War and Peace']*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. 103 p. (In Russian)

Bunin I.A. [1937] 1996. *Osvobozhdenie Tolstogo* [Liberation of Tolstoy]. Bunin I.A. *Collected Works in 6 volumes*. Moscow: Publishing Center "Terra". P. 5–145. (In Russian)

Dolinina N.G. [1973] 2023. *Po stranicam «Vojny i mira». Zametki o romane L.N. Tolstogo «Vojna i mir»* [Through the Pages of 'War and Peace'. Notes on L.N. Tolstoy's Novel 'War and Peace']. Saint Petersburg: GRIF. 288 p. (In Russian)

Eichenbaum B.M. [1919–1959] 2009. *Lev Tolstoj: issledovanija. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. School of Philology and Arts: Saint Petersburg State University. 952 p. (In Russian)

Gjunter H. 2021. Jekonomit' ili tratit'? Zapadnyj i vostochnyj jekonomicheskie diskursy v russoj hudozhestvennoj literature XIX v. [To Save or to Spend? Western and Eastern Economic Discourses In Russian Fiction of the 19th Century]. N.V. Zlydneva, Zh. Heteni et al. (Eds.) *Na perekrestkah Vostoka i Zapada: problemy pogranič'ja v Russoj i Central'noevropejskih kul'turah: Sbornik statej* [At the Crossroads of East and West: Borderland Issues In Russian and Central European Cultures: A Collection of Articles]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. P. 13–45. DOI: 10.31168/4465-3095-3.01 (In Russian)

Ivashhenko T.S. 2016. K voprosu ob istoričeskijh istočnikah romana-jepopei L.N. Tolstogo «Vojna i mir» [On the Question of the Historical Sources of L.N. Tolstoy's Epic Novel "War and Peace"]. *Yugra State University Bulletin*. 1(40). P. 92–100. (In Russian)

Ivashkovskij S.N. 2017. *Ekonomika kak fenomen kul'tury: teoretiko-metodologičeskij analiz* [Economy as a Cultural Phenomenon: Theoretical and Methodological Analysis]. *MGIMO Review of International Relations*. 3(54). P. 268–290. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290 (In Russian)

Kandiev B.I. 1967. *Roman-jepopeja L.N. Tolstogo «Vojna i mir»: kommentarij* [The Epic Novel by L.N. Tolstoy 'War and Peace': Commentary]. Moscow: Prosveshhenie. 390 p. (In Russian)

Kantor V.K. 2001. *Russkij evropec kak javlenie kul'tury (filosofsko-istoričeskij analiz)* [Russian European as a Cultural Phenomenon (Philosophical and Historical Analysis)]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 704 p. (In Russian)

Krasnov G.V. 1981. Kommentarii: L.N. Tolstoj. Vojna i mir. [Comments: L.N. Tolstoy. War and Peace]. *L.N. Tolstoy. Collected works in 22 volumes*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. Vol. 7. P. 382–430. (In Russian)

Kuricyn V.N. 2024. *Glavnaja russkaja kniga. O «Vojne i mire» L.N. Tolstogo* [The Main Russian Book. About L.N. Tolstoy's 'War and Peace']. Moscow: Vremja. 400 p. (In Russian)

Luxemburg R. [1908] 1961. Tolstoj kak social'nyj myslitel' [Tolstoy as a Social Thinker]. Luxemburg R. *O literature* [About Literature]. Moscow: Goslitizdat. P. 94–109. (In Russian)

Luxemburg R. [1918] 1961. Tolstoj [Tolstoy]. Luxemburg R. *O literature* [About Literature]. Moscow: Goslitizdat. P. 110–119. (In Russian)

Mamardashvili M.K. 2000. *Estetika myshlenija* [Aesthetics of Thinking]. Moscow: Moscow School of Political Studies. 416 p. (In Russian)

Mehring F. [1900] 1934. Lev Tolstoj [Leo Tolstoy]. Mehring F. *Literaturno-kritičeskie stat'i* [Literary Critical Articles]. Moscow, Leningrad: ACADEMIA. Vol. 2. P. 290–295. (In Russian)

Plehanov G.V. 1923. *Stat'i o L. Tolstom* [Articles about Tolstoy]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 97 p. (In Russian)

Poltavec E.Ju. 2017. *Potlach i kenosis kak ritual'nyj kod russoj hudozhestvennoj istoriosofii (v proizvedenijah A.S. Pushkina i L.N. Tolstogo)* [Potlatch and Kenosis as a Ritual Code of Russian Artistic Historiosophy (in the Works of A.S. Pushkin and L.N. Tolstoy)]. Evgenij Aleksandrovich Majmin i ego vremja [Evgeny Maymin and his Time]: Materials of the International Scientific Conference. Pskov, October 22–24. Pskov: Pskov State University. P. 123–127. (In Russian)

Shestov L. 1923. *Dobro v uchenii gr. Tolstogo i F. Nitshe: (filosofija i propoved')* [Good in the Teachings of Count Tolstoy and F. Nietzsche: (Philosophy and Preaching)]. Berlin: Skify. 122 p. (In Russian)

Shklovskij V.B. 1928. *Mater'jal i stil' v romane L'va Tolstogo «Vojna i mir»*. [Material and Style in Leo Tolstoy's Novel "War and Peace".] Moscow: Federacija. 249 p. (In Russian)

Sizova I.I. 2024. «Sojuz zolota i nasilija» v «Skazke ob Ivane-durake...» L.N. Tolstogo (1885–1886): istoriko-literaturnyj genezis. [‘The Union of Gold and Violence’ in ‘The Tale of Ivan the Fool...’ by L. N. Tolstoy (1885–1886): Historical and Literary Genesis]. *Philology. Theory & Practice*. 17(11). P. 4140–4149. DOI: 10.30853/phil20240584 (In Russian)

Struve P.B. 1908. Lev Tolstoj. Smysl zhizni [Leo Tolstoy. The Meaning of Life]. *Russkaja mysl'*. №8. P. 218–230. (In Russian)

Tambovcev V.L. 2023. Chto stoit za trebovaniem pljuralizma v jekonomicheskoy nauke? [What is behind the Demand for Pluralism in Economics?]. *Journal of Institutional Studies*. 15(1). P. 6–22. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.006-022 (In Russian)

Tolstoj L.N. [1865–69] 1982. *Vojna i mir*. Tom pervyj – chetvertyj [War and Peace. Books 1–4]. *Tolstoj L.N. Collected Works in 22 volumes*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. Vol. 4–7. (In Russian)

Tolstoj L.N. [1884] 1982. *Zapiski sumasshedshego* [Notes of a Madman]. *Tolstoj L.N. Collected Works in 22 volumes*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. Vol. 12. P. 43–51. (In Russian)

Zhdanov V. A. 2010. *Neizvestnyj Tolstoj. Tajnaja zhizn' genija* [Unknown Tolstoy. The Secret Life of a Genius]. Moscow: Exmo: Algoritm. 448 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

Автономов В.С. 2018. Экономическая теория до и после великой рецессии. *Вопросы теоретической экономики*. 2(3). С. 58–64. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00011

Алданов М.А. 1923. *Загадка Толстого*. Берлин: Издательство И.П. Ладыжникова. 128 с.

Асмус В.Ф. 1961. Мировоззрение Толстого. *Литературное наследство*. Т. 69. С. 35–102.

Аузан А.А. 2017. Социокультурная экономика. *Наука и инновации*. 2(168). С. 4–11.

Басинский П.В. 2022. *Лев Толстой: бегство из рая*. Москва: Редакция Елены Шубиной, АСТ. 637 с.

Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. 2016. *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. Пер. с англ. Н.В. Автономовой. Москва, Санкт-Петербург: Изд-во Ин-та Гайдара. 446 с.

Бочаров С.Г. 1978. *Роман Л. Толстого «Война и мир»*. Москва: Художественная литература. 103 с.

Бунин И.А. [1937] 1996. *Освобождение Толстого*. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. Москва: Изд. центр «Тerra». С. 5–145.

Гюнтер Х. 2021. Экономить или тратить? Западный и восточный экономические дискурсы в русской художественной литературе XIX в. *На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в Русской и Центральноевропейских культурах: Сборник статей*. Редакция: Н.В. Злыднева (отв.ред.), Ж. Хетени (отв.ред.) [и др.]. Москва: Институт славяноведения РАН. С. 13–45. DOI: 10.31168/4465-3095-3.01

де Сото Э. 2004. *Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всём остальном мире*. Пер. с англ. Б. Пинскер. Москва: «Олимп-Бизнес». 272 с.

Долинина Н.Г. [1973] 2023. *По страницам «Войны и мира». Заметки о романе Л.Н. Толстого «Война и мир»*. Санкт-Петербург: ГРИФ. 288 с.

Жданов В.А. 2010. *Неизвестный Толстой. Тайная жизнь гения*. Москва: Эксмо: Алгоритм. 448 с.

Ивашковский С.Н. 2017. Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(54). С. 268–290. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290

Иващенко Т.С. 2016. К вопросу об исторических источниках романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». *Вестник Югорского государственного университета*. 1(40). С. 92–100.

Кандиев Б.И. 1967. *Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир»: комментарий*. Москва: Просвещение. 390 с.

Кантор В.К. 2001. *Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ)*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 704 с.

Кейнс Дж.М. [1936] 2022. *Общая теория занятости, процента и денег* [перевод с английского]. Москва: Эксмо. 960 с.

Краснов Г.В. 1981. *Комментарии: Л.Н. Толстой. Война и мир. Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт*. Москва: Художественная литература, Т. 7. С. 382–430.

Курицын В.Н. 2024. *Главная русская книга. О «Войне и мире» Л.Н. Толстого*. Москва: Время. 400 с.

Люксембург Р. [1908] 1961. Толстой как социальный мыслитель. Люксембург Р. *О литературе*. Москва: Гослитиздат. С. 94–109.

Люксембург Р. [1918] 1961. Толстой [перевод Р. Ковнатор]. Люксембург Р. *О литературе*. Москва: Гослитиздат. С. 110–119.

Макклоски Д. [1998] 2015. *Риторика экономической науки*. Второе издание. Пер. с англ. О. Якименко. Москва; Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара; Издательство «Международные отношения». 328 с.

Мамардашвили М.К. 2000. *Эстетика мышления*. Москва: Московская школа политических исследований. 416 с.

Меринг Ф. [1900] 1934. Лев Толстой. Меринг Ф. *Литературно-критические статьи*. Москва, Ленинград: ACADEMIA. Т. 2. С. 290–295.

Набоков В.В. [1981] 2001. Лев Толстой (1828–1910). Набоков В.В. *Лекции по русской литературе*. Пер. с англ. Москва: Издательство «Независимая Газета». С. 219–315.

Плеханов Г.В. 1923. *Статьи о Л. Толстом*. Москва: Государственное издательство. 97 с.

Полтавец Е.Ю. 2017. Потlach и кенозис как ритуальный код русской художественной историософии (в произведениях А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого). *Евгений Александрович Маймин и его время: Материалы Международной научной конференции*, Псков, 22–24 октября 2015 г. Псков: Псковский государственный университет. С. 123–127.

Сизова И.И. 2024. «Союз золота и насилия» в «Сказке об Иване-дураке...» Л.Н. Толстого (1885–1886): историко-литературный генезис. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 17(11). С. 4140–4149. DOI: 10.30853/phil20240584

Смит А. [1776] 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: ЭКСМО.

Струве П.Б. 1908. Лев Толстой. Смысл жизни. *Русская мысль*. №8. С. 218–230.

Тамбовцев В.Л. 2023. Что стоит за требованием плюрализма в экономической науке? *Journal of Institutional Studies*. 15(1). С. 6–22. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.006-022

Толстой Л.Н. [1865–1869] 1982. Война и мир. Том первый – четвёртый. Толстой Л.Н. *Собрание сочинений в 22 тт.* Москва: Художественная литература. Т. 4–7.

Толстой Л.Н. [1884] 1982. Записки сумасшедшего. Толстой Л.Н. *Собрание сочинений в 22 т.* Москва: Художественная литература. Т. 12. С. 43–51.

Фойер К.Б. [1996] 2002. *Генезис «Войны и мира»*. Пер. с англ. Б. Бузиной. Санкт-Петербург: Акад. проект. 332 с.

Шестов Л. 1923. *Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше: (философия и проповедь)*. Берлин: Скифы. 122 с.

Шкловский В.Б. 1928. *Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир»*. Москва: Федерация. 249 с.

Эйхенбаум Б.М. [1919–1959] 2009. *Лев Толстой: исследования. Статьи*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 952 с.

Визуальное измерение архетипов стратегической культуры Исландии

В.В. Воротников, Е.С. Панков

МГИМО МИД России

В статье предпринята попытка рассмотрения устойчивых характерных особенностей стратегической культуры Исландии с 1945 г. по настоящее время путём связывания стратегической культуры и национальной идентичности посредством анализа визуальной репрезентации образа «Другого» в исландской прессе. Рассмотрение политических карикатур позволяет сделать вывод о том, что для стратегической культуры Исландии характерно острое неприятие военных средств достижения политических целей, в то время как применение силы оправдано лишь для самообороны. Кроме этого, Исландии свойственна «оборонительная», а не «наступательная» модель реакции на внешние вызовы. Удалось установить, что в период с 1940 по 2024 гг. происходил постепенный переход США и Великобритании из разряда «чуждых Других» в число ценностных союзников, сформировавших новый — трансатлантический — слой идентичности исландцев. При этом в 1946–1991 гг. СССР, а в 1991–2024 гг. — Россия в глазах исландцев сохраняли место в числе культурных антиподов. Восприятие России при этом происходит через призму образов Холодной войны, характеризовавших ранее восприятие СССР. Для визуальных образов СССР и России характерна преемственность: по-прежнему широко используются «советские» визуальные метафоры и образ медведя — для обозначения жёсткого внешнеполитического курса. Новым «Другим» после 1991 г. стал ЕС, который сочетает в себе привлекательные и отталкивающие признаки, что отражает неопределённость позиции Рейкьявика по отношению к европейской интеграции. В свою очередь, для «Я—образа» исландцев характерно осознание скудности материальных ресурсов и стремление к преувеличению собственной материальной слабости на фоне зависимости государства от внешних проводников безопасности (прежде всего – США). Для образа международной среды — анархичность и опасность.

Ключевые слова: стратегическая культура, идентичность, Исландия, метафора, конструктивизм, символы, семиотика, карикатура, Холодная война

УДК: 355.45(491.1)“1945/2024”:316.77

Поступила в редакцию: 13.10.2024 г.

Принята к публикации: 15.12.2024 г.

Современная безопасность в Европе формируется под воздействием двух трендов — ускоряющейся «дробности» мировой политики и возвращения «жёсткой» силы в регион после февраля 2022 г. Для Исландии, государства без регулярной армии, но с ключевым геостратегическим положением на морских коммуникациях, эта дилемма приобретает экзистенциальный характер. Это обстоятельство актуализирует интерес к стратегической культуре Исландии как совокупности установок и практик, оказывающих существенное влияние на формирование её внешнеполитического поведения.

В данном контексте исследовательский интерес представляет вопрос о том, как трансформируются архетипы стратегической культуры Исландии в 1945–2024 гг. и какие устойчивые символы фиксируют отношение исландского общества к применению военной силы и внешним проводникам безопасности? Цель данной статьи — выявить долговременные архетипы стратегической культуры Исландии в 1945–2024 гг. через анализ визуальной репрезентации образа «Другого» в карикатурах национальной прессы. Научная новизна состоит в том, что репрезентация образа «Другого» в Исландии впервые изучается в контексте стратегической культуры и через визуальные источники.

Методологическая база сочетает семиотику, имагологию и историко-генетический подход. Эмпирический корпус сформирован путём сплошной выборки карикатур из четырёх ведущих газет, относящихся к разным частям политического спектра; каждая карикатура снабжена метаданными (дата, автор). Структура статьи подчинена логике поступательного раскрытия исследовательского вопроса. В первом разделе формулируется теоретическая рамка стратегической культуры малых государств и визуального анализа. Второй раздел реконструирует смену образов «Другого» до и после Холодной войны, результаты соотносятся с ключевыми внешнеполитическими событиями. В заключении авторы приходят к выводу о сохранении умеренного евроскептицизма в основе европейского вектора внешней политики Рейкьявика и о продолжении участия государства в многостороннем сдерживании Москвы как константах стратегической культуры Исландии на современном этапе.

1989 г. Д. Твайнинг назвал стратегическую культуру «отсутствующим измерением» познания СССР среди западных аналитиков (Twining 1989: 169) — с тех пор зарубежные учёные значительно продвинулись в его «обретении»: появились работы, посвящённые концептуализации этого понятия¹, которые легли в основу рассмотрения особенностей различных государств (Dalgaard-Nielsen 2005; Matlary 2006; Endres 2018), в том числе — России (Eitelhuber 2009; Kanet 2019). Отечественные учёные, основываясь на результатах разработки понятия

¹ Оно было введено в оборот Дж. Снайдером в (Snyder 1977).

«стратегическая культура» в работах Т.А. Алексеевой (Алексеева 2012), также стремятся дополнить теоретические достижения анализом особенностей отдельных государств (Воротников 2021; Лошкарёв, Кучук 2022; Чеков 2023). Тем не менее на карте страновых исследований до сих пор остаются белые пятна, одним из которых является Исландия.

В рамках реалистской парадигмы государство с численностью населения около 375 тыс. чел. и площадью территории в 103 тыс. км² могло бы рассматриваться как не обладающий внешнеполитической автономией покорный союзник лидеров НАТО. Однако непростая история взаимоотношений Рейкьявика с Вашингтоном и Лондоном в XX в. объясняет, почему в зарубежной историографии за Исландией закрепилось звание «союзника поневоле» (Nuechterlein 1961). Кроме того, именно Исландия в 1953 г. стала первым членом НАТО, заключившим долгосрочное торговое соглашение с СССР, а в 2013 г. – первой европейской страной, подписавшей соглашение о свободной торговле с КНР. На фоне этих проявлений «тирании слабого» нельзя переоценить меткое замечание Р. Кохейна о малых государствах: «Если лилипуты могут связать Гулливера и заставить его драться за них, изучать их нужно так же внимательно, как и самого великана» (Keohane 1969: 310).

И. Клейн определял стратегическую культуру как «совокупность распространённых среди военного руководства (выделено нами – В.В., Е.П.) убеждений относительно политических целей войны, а также <...> стратегии и методов их достижения» (Klein Y. 1991: 5)². Однако даже если рассматривать стратегическую культуру исключительно как культуру применения военной силы, то наличие у Исландии с 1949 г. формализованных военно-политических обязательств не позволяет согласиться с вытекающим из определения Клейна тезисом об отсутствии стратегической культуры у государства, не обладающего собственной армией. Помимо этого, гибридизация военных конфликтов, рост значения несиловых факторов военно-политической конфронтации и ужесточение санкционного противостояния России и Запада – его участником Исландия является с 2014 г. – также позволяют говорить о наличии у Исландии стратегической культуры – даже при максимально узкой интерпретации этого понятия.

В основе данного исследования лежит более широкое понимание феномена стратегической культуры, предложенное А.А. Кокошиным, в соответствии с которым она является «атрибутом не только вооружённых сил или государственной машины, а всего народа в целом» (Кокошин 2018: 160–161). Применительно к Исландии можно исходить из следующего определения: стратегическая культура – это «разделяемая группой индивидов уникальная совокупность

² Помимо И. Клейна, такой подход к определению стратегической культуры разделяет Б. Клейн (Klein B. 1988). Автор термина Дж. Снайдер носителем стратегической культуры называл «национальное стратегическое сообщество» (Snyder 1977: 8).

убеждений и практических подходов относительно применения военной силы, которая представляет собой результат уникального исторического опыта этой группы» (Longhurst 2018: 17).

Образ «Другого» как инструмент репрезентации национальной идентичности и стратегической культуры

Конструктивистская парадигма, поставившая в центр внимания проблему восприятия, придала особое значение культурным детерминантам поведения государств (Wendt 1995: 73–74). При этом разность подходов к оценке связи между поведением государств и их стратегической культурой стала причиной дебатов между представителями первого (Gray 1999) и третьего (Johnston 1999) поколений её исследования. Если, по мнению А. Джонстона, стратегическая культура как система символов (языка, аналогий, метафор и др.) лишь задаёт ограничения для внешнеполитических решений посредством формирования в обществе устойчивого подхода к определению параметров эффективности применения военной силы (Johnston 1995a: 36), то для К. Грэя, исходящего из расширенного понимания культуры как набора «передаваемых в обществе идей, взглядов, традиций, привычек и предпочитаемых методов работы» (Gray 1999: 51), понятия «стратегическое поведение» и «стратегическая культура» неотделимы друг от друга: ограничивая вариативность внешнеполитических решений, культура, по мнению Грэя, обуславливает и их содержание ввиду того, что индивиды принимают решения, находясь под влиянием культурной среды.

Однако оба эти подхода объединяет отнесение различий в характере реагирования отдельных социальных общностей на схожие внешние вызовы на счёт уникальных устойчивых характеристик культуры каждого из них, что соответствует логике изучения внешней политики государств через призму «национального характера» и идентичности. В этой связи некоторые современные исследователи заявляют о наличии связи между национальной идентичностью и стратегической культурой (Kuznar et al. 2023: 7–13; Larsen 2006).

В таком случае, несмотря на популярное среди исследователей стратегической культуры стремление концентрироваться на проблематике войны и мира, смещение аналитического фокуса на бинарную оппозицию «мы – они» – её оформление всегда предшествует политическому и силовому противостоянию государств – способствует расширению исследовательского поля за счёт опосредования понятий «стратегическая культура» и «национальная идентичность». При этом, если исходить из того, что «внешняя политика – это одно из проявлений многогранного процесса встраивания индивида в пространственно-временную конструкцию внутреннего и внешнего, собственного «Я» и «Других»» (Campbell 1992: 62), анализ устойчивых особенностей внешней политики государства через призму репрезентации «Другого» – понятия, лежащего на стыке стратегической культуры и национальной идентичности – удовлетворяет описанным позициям

представителей первого и третьего поколений исследователей стратегической культуры, поскольку образ «Другого» со всеми характерными для него признаками, с одной стороны, *ограничивает* вариативность внешнеполитических решений в конкретный момент их принятия, а с другой – его трансформация во времени является *результатом* взаимодействия государства с этим «Другим» в меняющейся международной среде.

Попытки рассмотрения дихотомии «мы – они» в контексте стратегической культуры предпринимались представителями второго поколения её исследователей: актуализацию образа «Другого» в национальной культуре они в граммшианском духе объясняли стремлением политических элит достичь собственных целей в русле *Realpolitik*, которое, в свою очередь, благоволит инструментализации образа «Другого» для конструирования внешней угрозы³.

Таким образом, концепт «Другого» находится на стыке трёх подходов к исследованию стратегической культуры.

Методология исследования

А.Я. Гуревич предлагал рассматривать культуру социума как «всеобъемлющую знаковую систему», в основе которой лежит «картина мира» – набор установок, неосознанно навязываемых индивиду обществом и разделяемых всеми членами социальной группы независимо от их мировоззрения или идеологии, который поддаётся анализу посредством рассмотрения знаковых систем, отражающих эти установки (Гуревич 1972: 15–16). Развивая этот подход, можно заключить, что стратегическая культура, будучи элементом «всеобъемлющей знаковой системы», может рассматриваться на основе анализа соответствующей ей части «картины мира» – знаковой *подсистемы*, ограничивающей вариативность восприятия «Другого» и, как следствие, внешнеполитических решений.

В соответствии с замечанием А.А. Кокошина о том, что стратегическая культура представляет собой устойчивый социально-психологический феномен, подверженный минимальным изменениям при смене политических элит и при более масштабных политических трансформациях (Кокошин 2018: 161), цель настоящего исследования состоит в выделении длительных архетипов стратегической культуры Исландии посредством рассмотрения визуальных знаков, которые используются для конструирования образа «Другого», и анализа символов и метафор, отражающих восприятие международной среды и положения Исландии в ней. Такой вариант решения исследовательской задачи соответствует также логике имагологического подхода к осмыслению роли восприятия в международных отношениях: распространённые в обществе устойчивые

³ Подробнее см.: (Johnston 1995b: 39–41).

образы и стереотипы о «Другом» всегда в той или иной степени влияют на действия политических субъектов. При этом в качестве единицы анализа могут выступать не только визуальные символы, но и непосредственно текст, содержащий вербальные свидетельства об этнических стереотипах и имидже «Другого» (см., например, Баталов и др. 2009; Курилла 2018).

Источниковая база данного исследования сформирована на основе политических карикатур из исландской прессы: использованы материалы, опубликованные в консервативной Morgunblaðið, центристской Vísir, социалистической Alþýðublaðið и коммунистической Þjóðvillin⁴. Полная подборка карикатур, использованных в ходе данного исследования, в порядке, соответствующем очередности упоминания в настоящей статье, доступна по адресу: www.archive.org/details/icelandiccartoons⁵. При указании подстрочной ссылки на карикатуру номер страницы в цифровой подборке приведён рядом – в квадратных скобках.

Использование карикатур для ответа на поставленный исследовательский вопрос позволяет рассмотреть объект исследования в русле «визуального поворота» в теории международных отношений (Callahan 2020). Как отмечают М.А. Кучеров и М.В. Харкевич, из-за распространения цифровых технологий рост влияния визуальных образов на международно-политические процессы привёл к усилению роли негосударственных субъектов в процессе конструирования и интерпретации внешних угроз — произошла «секьюритизация снизу», или «народная секьюритизация» (Кучеров, Харкевич 2023). Таким образом, анализ рисунков, созданных негосударственными субъектами, позволяет выйти далеко за рамки рассмотрения стратегической культуры исключительно через призму публичной риторики официальных лиц и вместо этого охарактеризовать устойчивые культурные факторы, которые побуждали исландских политиков к корректровке внешнеполитического курса.

Ввиду того, что политическая карикатура устойчиво закрепляется в массовых газетах Исландии после Второй мировой войны, хронологические рамки исследования охватывают период с 1945 г. по настоящее время.

Образы «Другого» в стратегической культуре Исландии

Соотнесение содержания политических карикатур с характером происходящих во время их публикации международных событий позволяет заметить: яркая актуализация образа «Другого» происходит в тех случаях, когда действия «Другого» затрагивают национальные интересы Исландии напрямую либо создают угрозу распространения потенциальной военной конфронтации

⁴ Tímarit. Landsbókasafn Íslands Háskólabókasafn. URL: <https://timarit.is/> (accessed 24.10.2023).

⁵ Icelandic Political Cartoons, 1945–2023. archive.org. URL: <https://archive.org/details/icelandiccartoons> (accessed 24.10.2023).

на территорию острова (в том числе – воздушное пространство над ним). При этом журналисты не прибегают к визуализации образа «Другого» в условиях отсутствия непосредственного давления на Рейкьявик со стороны внешних раздражителей: в таких случаях наиболее распространены лишь уничижительные изображения популярных политиков в соответствии с общей логикой идеологической конфронтации Запада и Востока. Показательным примером в этой связи является статья из левой Þjóðvillin: рассказывая о выборах во Франции, журналисты поместили в текст реальную фотографию коммуниста Ж. Дюкло рядом с карикатурным образом его конкурента Ш. Де Голля (см. рис. 1⁶).

Рисунок 1. Изображение Ж. Дюкло и Ш. де Голля на странице газеты Þjóðvillin, 1951 г.

Figure 1. Jacques Duclos and Charles de Gaulle in the Þjóðvillin, 1951

В образах США и СССР в годы биполярного противостояния действительно прослеживаются метафоры войны и мира – отношение к ним является центральным элементом стратегической культуры. Среди наиболее популярных символов агрессивной политики выделяются *стрелковое оружие, ракеты, солдатская экипировка, самолёты, корабли и ядерная бомба*. При этом гораздо реже встречаются танки – этот вид вооружений не использовался бы в ходе потенциальных попыток завладеть территорией Исландии и, вероятно, поэтому в исландской карикатуре для визуальной репрезентации «Другого» образы сухопутной военной техники задействовались крайне редко.

С другой стороны, наиболее популярными символами мира являются *голубь и оливковая ветвь*. При этом для восприятия биполярного противостояния в исландской культуре характерно ярко проявляющееся на символическом уровне недовольство эскалацией международной напряжённости: привычные символы мира приобретают военную окраску: голуби, отбрасывая оливковые ветви, вступают в конфронтацию друг с другом либо предстают перед зрителем в военной экипировке (см. рис. 2^{7,8}). Своего пика этот процесс достиг весной 1951 г. – на фоне разработки и подписания американо-исландского соглашения о размещении военных США на базе в Кеблавике⁹.

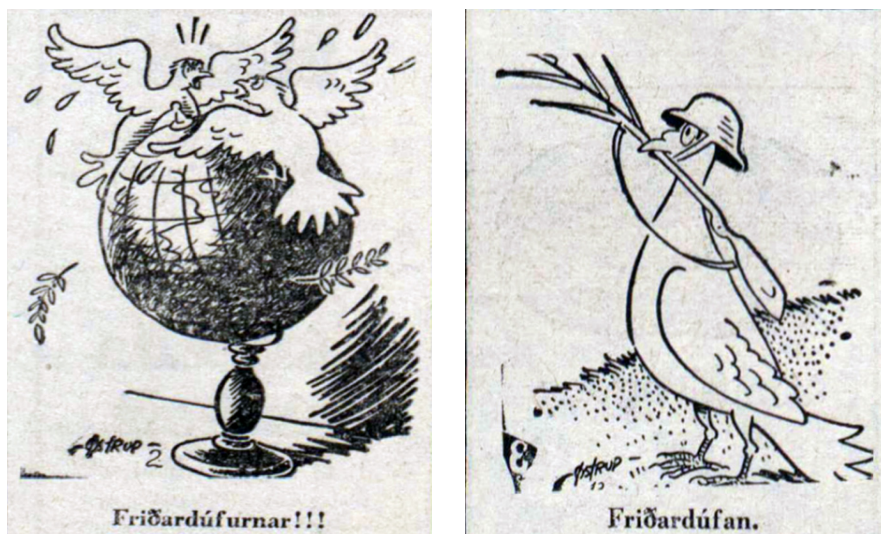

Рисунок 2. Превращение символов мира в символы войны на фоне переговоров Вашингтона и Рейкьявика о постоянном размещении военных в Исландии, 1951 г.
Figure 2. Symbols of peace turn into symbols of war amid the US–Iceland negotiations about a permanent stationing of the US military in Iceland, 1951

⁶ Þjóðviljinn, 27.06.1951. Bls. 5. [P. 1].

⁷ Morgunblaðið, 23.05.1951. Bls. 3. [P. 2].

⁸ Morgunblaðið, 21.05.1951. Bls. 3. [P. 3].

⁹ Defense of Iceland: Agreement Between the United States and the Republic of Iceland, May 5, 1951. 1957. *American Foreign Policy 1950-1955: Basic Documents*. Vol. I. Washington, DC: U.S. Government Printing Office. P. 1677–1679.

В связи с этим для стратегической культуры Исландии в эпоху биполярности характерна своеобразная «раздвоенность»: левые газеты приписывают символы войны образу США, а знаки мира – СССР, консервативные издания поступают преимущественно наоборот, однако в подавляющем большинстве случаев изображения средств ведения войны используются именно для дискредитации «Другого». Схожий феномен замечен в годы холодной войны и в советской политической карикатуре (Мамедова 2013: 113) – в этом проявляется заимствование политических символов и практик, отражающее инкорпорацию исландской стратегической культуры в не свойственный ей до 1940-х гг. глобальный контекст.

Несмотря на то, что вокруг Второй мировой войны – она стимулировала экономический рост и не имела для Исландии такого разрушительного эффекта, как для большинства государств Европы и Азии – в исландской историографии сформировался ореол «приятной войны» (Hálfðanarson 2011: 79), образ оружия в исландской культуре обладает значительным дискредитирующим потенциалом: это связано с многолетней традицией нейтралитета, которая не прервалась даже после отказа Исландии от политики неприсоединения к военным альянсам в 1949 г.¹⁰ Значение традиции нейтралитета для исландской стратегической культуры демонстрирует имевший место в 1945 г. отказ Рейкьявика от символического объявления войны странам «оси» ввиду принципиального нежелания вступать в международный конфликт, что не позволило Исландии войти в число основателей Организации Объединённых Наций (Whitehead 2006: 56–57).

Что касается образа СССР, то символической константой его визуализации в исландской карикатуре является изображение медведя: использование этого животного как символа России, появившееся в английских газетах и закрепившееся в европейской карикатуре к концу XVIII в. (Хрусталёв 2011: 137), скорее всего, было заимствовано исландцами из бывшей метрополии – Дании. При этом медведь, символизирующий послевоенный СССР, предстаёт не ослабленным, а сильным и угрожающим: уже в январе 1946 г. – за несколько месяцев до Фултонской речи У. Черчилля и за более чем год до провозглашения «доктрины Трумэна» – журналисты Morgunblaðið изображали исландских коммунистов, несущих Королеву Гор (традиционный антропоморфный образ Исландии) на съедение советскому медведю (см. рис. 3¹¹).

¹⁰ Наиболее известным художественным выражением традиции нейтралитета в послевоенной Исландии является роман Х. Лакснеса «Атомная база» (Laxness 1948).

¹¹ Morgunblaðið, 22.01.1946. Bls. 2. [Р. 4].

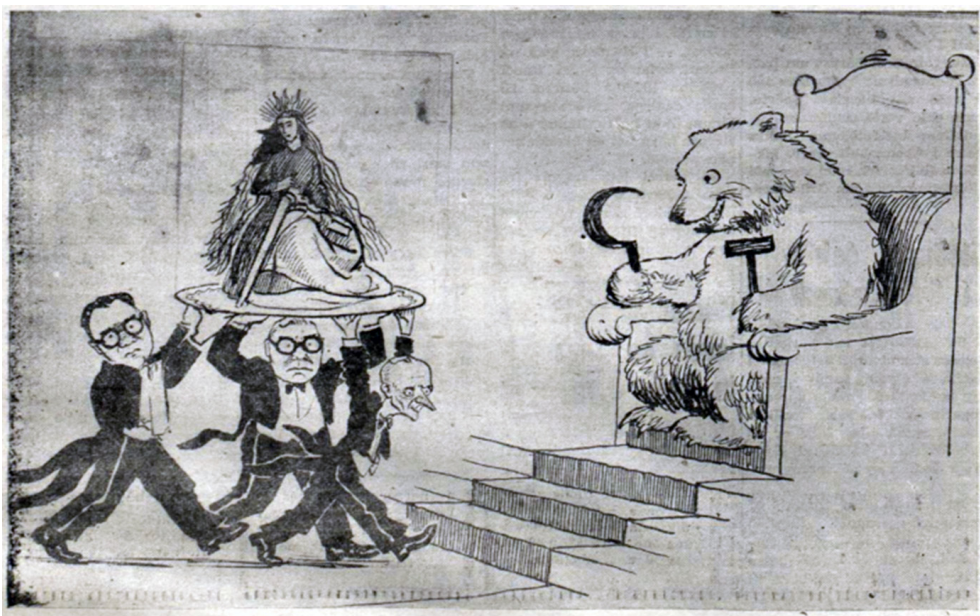

Рисунок 3. Коммунисты Исландии скормливают её советскому медведю, январь 1946 г.

Figure 3. Communists feed Iceland to the Soviet bear, January 1946

Поэтому медведь для исландцев – не столько общее олицетворение России, сколько символ жёсткого внешнеполитического курса Москвы. Так, в 1986 г. издание *Alþýðublaðið* выражало уверенность в способности М.С. Горбачёва «укротить русского медведя и заставить его танцевать в ритме гласности» – при этом на соответствующей карикатуре политик держит на поводке зверя, который во много раз больше него самого¹². В частности, во время августовского путча 1991 г. «старым русским медведем» издание *DV* называло Д. Язова¹³ – одного из кремлёвских «ястребов».

Изображение медведя, закованного в кандалы, как символ несвободы русского народа, в исландской карикатуре не встречается – несмотря на популярность этой визуальной метафоры в английской традиции (Успенский 2012: 92). Тем не менее сама по себе *цепь* тоже является ещё одним устойчивым компонентом репрезентации Советского Союза. С одной стороны, она символизирует жёсткую политику Москвы в сфере прав человека¹⁴, с другой – стремление советского руководства установить контроль над внешней политикой союзников¹⁵.

¹² *Alþýðublaðið*, 04.06.1988. Bls. 11. [P. 5].

¹³ *DV*, 20.08.1991. Bls. 6.

¹⁴ *Morgunblaðið*, 31.07.1949. Bls. 7 [P. 6].

¹⁵ *Morgunblaðið*, 18.05.1952. Bls. 9. [P. 7].

Помимо этого, советский медведь несколько раз появляется в исландских газетах с головой И.В. Сталина¹⁶. Анимализация Сталина развивается также через образ *мотылька*, летящего к огню – мировому господству, от стремления к которому уже погибли А. Гитлер и Б. Муссолини¹⁷. Таким образом, свойственное начальному периоду Холодной войны уподобление идеологических противников Гитлеру¹⁸ не обошло стороной и Исландию.

Другие лидеры СССР изображаются преимущественно с оружием в руках. По завершении начавшейся после смерти Сталина «первой разрядки» в карикатурах закрепился образ Н.С. Хрущёва, который вновь *исполняет «старые песни»*¹⁹: способствует эскалации международной напряжённости (разжигает кризисы вокруг Кубы и Берлина) и направляет *ракеты* в сторону США. На изображении 1956 г. над испуганными советскими гражданами нависает падающий с постамента памятник Сталину – аллюзия на события XX съезда КПСС²⁰.

Преемник Хрущёва Л.И. Брежнев *«хоронит»* Чехословакию и, превращаясь в *голубя*, направляет орудия на Китай, прикрывая агрессивные намерения *оливковой ветвью* миролюбивой риторики. При этом Москва, по мнению исландских художников, не отказывается от стремления установить глобальное доминирование коммунистической идеологии²¹.

Единственным «безоружным» руководителем СССР оказался М.С. Горбачёв: максимальный уровень «конфронтации» с его участием – игра в снежки с Р. Рейганом, где на каждом снежном шаре написано слово «да» как символ высокого уровня взаимопонимания, достигнутого политиками на саммите в Рейкьявике в 1986 г.²². Показательно также, что на одной из карикатур Горбачёв и Рейган изображены выходящими из самолёта вымышленной авиакомпании «Мирные авиалинии»²³.

США, в свою очередь, часто предстают перед исландской аудиторией в образе Дяди Сэма. Однако в коммунистической прессе ему сопутствуют символ *доллара*²⁴ и *ядерное оружие*²⁵. Карикатурный «первый американец» также изображён с кобурой на поясе²⁶, а инициатор «Стратегической оборонной инициативы» Р. Рейган – с космическим бластером²⁷.

¹⁶ *Morgunblaðið*, 22.01.1946. Bls. 15. [P. 8].

¹⁷ *Morgunblaðið*, 20.05.1951. Bls. 7. [P. 9].

¹⁸ См., например: Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля (18.03.1946 г.). 1997. *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 16. Москва: Издательство «Писатель». С. 25 («Черчилль и его друзья паразитически напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей...»).

¹⁹ *Morgunblaðið*, 27.09.1957. Bls. 7. [P. 10].

²⁰ *Morgunblaðið*, 05.06.1956. Bls. 4. [P. 11].

²¹ *Morgunblaðið*, 16.01.1980. Bls. 6. [P. 12]; *Morgunblaðið*, 20.01.1980. Bls. 6. [P. 13].

²² *Morgunblaðið*, 12.10.1986. Bls. 8. [P. 14].

²³ *Morgunblaðið*, 09.10.1986. Bls. 8. [P. 15].

²⁴ *Þjóðvillin*, 20.05.1951. Bls. 1. [P. 16]; *Þjóðvillin*, 09.05.1951. Bls. 1. [P. 17].

²⁵ *Þjóðvillin*, 20.05.1951. Bls. 1. [P. 16].

²⁶ *Þjóðvillin*, 20.08.1960. Bls. 7. [P. 18].

²⁷ *Morgunblaðið*, 10.10.1986. Bls. 8. [P. 19].

Однако, в отличие от советского, американское оружие может использоваться и для защиты Исландии. В частности, именно за спиной вооружённого американца безоружный исландец пытается спрятаться от напавшего на него англичанина²⁸ – это карикатура появилась на фоне четвёртого раунда дипломатического противостояния Рейкьявика и Лондона о разграничении морских пространств («тресковые войны»²⁹ 1958–1976 гг.).

Изображение признаков инаковости Великобритании в исландской карикатуре времён Холодной войны катализировали территориальные споры между правительствами Исландии и Соединённого Королевства – союзников по НАТО. Столкновения исландских рыболовецких судов с военными кораблями королевского флота привели к тому, что главным визуальным символом Великобритании в карикатуре стал крупный *военный корабль*³⁰, во много раз превосходящий по размеру изображаемые на его фоне лодки исландских рыбаков. На некоторых рисунках такие корабли окружают остров со всех сторон, что символизирует многократное силовое превосходство британского флота. Иногда они идут под *пиратским флагом* – символ подчёркнутой опоры Рейкьявика на международно-правовые нормы и нелегитимность действий британского правительства.

Помимо этого, важность сохранения контроля над районами рыбной ловли для исландской промышленности стала причиной изображения Великобритании в виде *тучного богача*, отбирающего еду у исландских рабочих³¹.

Однако неожиданные успехи Рейкьявика в реализации территориальных интересов (в 1976 г. ядерная держава в четвёртый раз уступила требованиям Исландии) позволили исландскому художнику изобразить Великобританию в виде *вооружённого льва*, которому премьер-министр Гейр Хадльгримссон отрезает хвост, – примечательно, что отрезанную часть тела он в качестве символа победы демонстрирует ликующей толпе, собравшейся под надписью «Северный совет» (см. рис. 4)³².

²⁸ *Morgunblaðið*, 15.05.1976. Bls. 2. [P. 20]

²⁹ «Силовая» коннотация закрепившегося в исторической науке названия политико-дипломатических споров Рейкьявика и Лондона не должна вводить в заблуждение: термин ввели в оборот англоязычные журналисты из-за его созвучия (англ. *Cod War*) со словосочетанием «Холодная война» (англ. *Cold War*). В действительности противостояние может быть квалифицировано скорее как межгосударственный спор с угрозой применения вооружённых сил (англ. *militarized interstate dispute*). Подробнее, см.: (Steinsson 2016).

³⁰ *Þjóðvillin*, 07.09.1958. Bls. 5. [P. 21]; *Morgunblaðið*, 18.02.1976. Bls. 6. [P. 22]; *Morgunblaðið*, 11.03.1976. Bls. 6. [P. 23]; *Morgunblaðið*, 12.10.2008. Bls. 30. [P. 24].

³¹ *Þjóðvillin*, 14.09.1958. Bls. 11. [P. 25]; *Þjóðvillin*, 06.09.1958. Bls. 1. [P. 26]; *Þjóðvillin*, 17.09.1958. Bls. 11. [P. 27].

³² *Morgunblaðið*, 09.03.1976. Bls. 2. [P. 28],

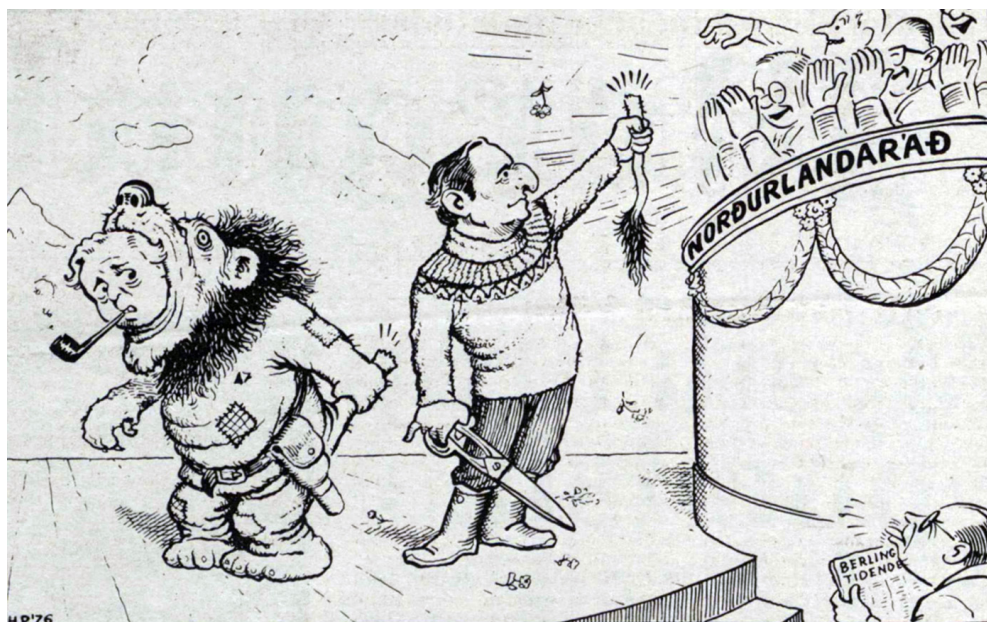

Рисунок 4. Гейр Хадльгримссон демонстрирует партнёрам по Северному совету хвост поверженного британского льва, 1976 г.

Figure 4. Geir Hallgrímsson showing his Nordic Council partners the tail of a downed British lion, 1976.

Это проявление солидарности Исландии с другими государствами Северной Европы не случайно: в карикатуре эпохи Холодной войны скандинавские страны не изображаются в образе «Других», хотя до её начала – применительно к периоду активной борьбы Рейкьявика за независимость (первая половина XX в.) – таким «Другим» с уверенностью можно назвать Данию, метрополию Исландии³³. Скорее всего, это говорит о формировании второго слоя «матрёшки» коллективной идентичности исландцев: укрепление скандинавского компонента самоидентификации могло быть ответом на давление со стороны нескандинавских «Других» – США и Великобритании, которое выразилось в размещении на острове военного контингента во время Второй мировой войны (это решение критиковала значительная часть этнически гомогенного общества) и в дальнейшем втягивании Исландии в НАТО – вопреки массовым протестам местного населения³⁴.

³³ Этот тезис не поддаётся проверке с помощью использованной в настоящем исследовании методологии ввиду того, что политическая карикатура как газетный жанр и средство визуализации «Другого» закрепились в исландской культуре уже после обретения независимости.

³⁴ См., например: (Jóhannesson 2004: 117).

Примечательно, что после окончания Холодной войны образ США как «Другого» встречается в исландских карикатурах крайне редко. Это может свидетельствовать о формировании после распада СССР третьего – трансатлантического – слоя исландской идентичности.

После 1991 г. лишь радикальное отклонение администрации Д. Трампа от политического курса его предшественников побудило исландских художников актуализировать США в качестве «Другого». Воинственная риторика республиканца привела к реанимации символов эпохи биполярности: *ракет и ядерного оружия*³⁵. Символом внешнеполитического стиля Трампа стала синяя птица, характеризующая нетрадиционный подход политика к дипломатической коммуникации (англ. *twiplomacy*) (Green 2022: 29).

В условиях стремительной эрозии инаковости США и распада СССР образовавшийся вакуум заполнила Европа – в биполярную эпоху проблемы европейской интеграции почти не волновали исландских карикатуристов³⁶. Актуализация Европы в качестве «Другого» не предполагает усиления конфликтности в отношениях Рейкьявика с европейскими государствами: об этом говорит отсутствие символов войны в карикатурном образе Европы. Рассмотрение визуализированных образов восприятия Старого Света в исландской культуре позволяет сделать вывод о том, что для характеристики места ЕС в стратегической культуре Исландии применима формула У. Черчилля, предложенная им для Великобритании в 1930 г.: «Быть с Европой, но не растворяться в ней»³⁷.

Такой двойственный характер подхода Рейкьявика к взаимодействию с континентальными партнёрами выражается в сосуществовании в образе Старого Света противоречащих друг другу визуальных символов.

С одной стороны, в условиях рецессии 2008–2011 гг. Европа стала для Исландии значимым раздражителем, что выражается через образы *падающего метеорита*³⁸ и *звенящего будильника*³⁹, тогда как кризисные тенденции в европейской экономике сформировали вокруг ЕС образ *нищего*⁴⁰ и позволили персонифицированному образу Исландии победить в направлении, противоположном европейскому⁴¹. С другой стороны, изображение Европейского союза в каче-

³⁵ *Vísir*, 31.07.2017. [P. 29]; *Vísir*, 06.09.2017. [P. 30].

³⁶ Для формулировки достоверных выводов о восприятии европейского интеграционного проекта в годы Холодной войны не удалось обнаружить достаточного количества карикатур, содержащих соответствующие образы. Это свидетельствует о том, что европейские интеграционные проекты – в отличие от отдельных государств – нельзя рассматривать в качестве конституирующих «Других» исландской стратегической культуры в 1945–1991 гг.

³⁷ Churchill W. S. The United States of Europe. *The Saturday Evening Post*. 15.02.1930. ("We are with Europe, but not of it. We are linked but not comprised. We are interested and associated but not absorbed.")

³⁸ *Morgunblaðið*, 17.11.2008. [P. 31].

³⁹ *Vísir*, 06.09.2010. [P. 32].

⁴⁰ *Vísir*, 01.12.2011. [P. 33].

⁴¹ *Vísir*, 25.11.2011. [P. 34].

стве *запретного плода* (зона евро представлена в виде яблока на дереве соседа⁴²) и родственная этому образу реминисценция на сюжет *поклонения волхвов* (см. рис. 5)⁴³ символизируют симпатию Рейкьявика по отношению к европейскому интеграционному проекту.

Рисунок 5. Используя приём фальшивой цитации, карикатурист высмеивает политику премьер-министра Йоханны Сигурдардоуттир: «Быстрее! Туда! Надо успеть, пока они все не упали и мы не утратили ориентир!», 2011 г.

Figure 5. The cartoon mocks the policy of Prime Minister Jóhanna Sigurðardóttir: "Faster! Over there! We have to get there before they all fall and we lose our reference point!", 2011

Точной характеристикой сформировавшейся двойственности восприятия ЕС стало изображение Исландии в виде женщины, которая с 1992 г. сожительствует с мужчиной, уже родила ему двух дочерей и сына по имени Шенген, но до сих пор не готова выйти замуж⁴⁴.

⁴² *Vísir*, 07.07.2010. [P. 35].

⁴³ *Morgunblaðið*, 02.11.2013. [P. 36].

⁴⁴ *Vísir*, 08.07.2010. [P. 37].

В то же время отсутствие конфронтационных мотивов в отношениях Рейкьявика с Лондоном практически нивелировало инаковость визуального образа Великобритании. Единственным её проявлением стало уничижительное изображение британских премьер-министров, участвовавшее во время экономического кризиса и на фоне брекзита⁴⁵.

В 2014 г. в число «Других» вошла Россия, которая остаётся там до сих пор. Заявления о причастности российских властей к катастрофе рейса МН-17 стали причиной атрибуции военных символов к образу Российской Федерации, в большинстве случаев персонифицированному в облике президента В.В. Путина⁴⁶. Примечательно, что возвращение России в категорию «Других» исландской стратегической культуры вновь побудило художников к использованию образа медведя⁴⁷.

Помимо этого, европейский миграционный кризис 2015 г. привёл к ситуативной вспышке образов новых «Других»: ближневосточных беженцев и экстремистов⁴⁸. В этой связи использование образов Б. Нетаньяху и Ким Чен Ына, в свою очередь, также является признаком постепенной «глобализации» стратегической культуры Исландии и расширения сферы стратегического восприятия.

Анализ визуальных образов, характеризующих среду, в которой происходит взаимодействие Исландии с «Другими», позволяет сделать вывод о наличии устойчивых символов, которые проявляются как во время Холодной войны, так и после её окончания. Традиционным символом анархии как имманентного качества международной среды является образ окружившего Исландию моря⁴⁹. Классический библейский мотив всемирного потопа⁵⁰ переплетается здесь с отдалённым географическим положением островной Исландии и социальными реалиями: ещё в середине XX в. умение плавать было редким навыком среди исландцев, что побудило парламент принять закон о обязательных занятиях плаванием для школьников⁵¹.

Кризисные тенденции в этой связи могут изображаться в виде *кораблекрушения*⁵², а для эмоционального усиления привлекаются образы *шторма*⁵³ и *акул*⁵⁴. На одной из карикатур эпохи «тресковых войн» именно в сторону

⁴⁵ См., например: *Morgunblaðið*, 18.11.2008. Bls. 10. [P. 38]; *Vísir*, 19.06.2017. [P. 39].

⁴⁶ *Vísir*, 08.07.2015 [P. 40]; *Vísir*, 04.08.2015 [P. 41]; *Vísir*, 10.10.2017 [P. 42].

⁴⁷ *Vísir*, 20.04.2018 [P. 43].

⁴⁸ *Vísir*, 21.04.2015 [P. 44]; *Vísir*, 17.11.2015 [P. 45]; *Vísir*, 15.02.2016 [P. 46]; *Vísir*, 02.07.2016 [P. 47].

⁴⁹ См., например: *Morgunblaðið*, 03.01.2008. Bls. 10. [P. 48]; *Morgunblaðið*, 08.10.2008. Bls. 10. [P. 49]; *Morgunblaðið*, 04.11.2008. Bls. 10. [P. 50]; *Vísir*, 02.06.2018. [P. 51].

⁵⁰ *Morgunblaðið*, 25.02.1976. Bls. 6. [P. 52].

⁵¹ Iceland's Water Cure. *The New York Times*. 19.04.2016.

⁵² *Morgunblaðið*, 23.09.2012. Bls. 8. [P. 53]; *Vísir*, 22.03.2019. [P. 54].

⁵³ *Þjóðvillin*, 26.09.1958. Bls. 6. [P. 55]; *Vísir*, 22.08.2015. [P. 56].

⁵⁴ *Morgunblaðið*, 03.01.2008. Bls. 10. [P. 48]; *Morgunblaðið*, 04.11.2008. Bls. 10. [P. 50].

акулы толкает Исландию премьер-министр Великобритании Дж. Кэллаган, приговорив исландского матроса к «прогулке по доске» – популярному у пиратов способу казни (см. рис. 6)⁵⁵.

Рисунок 6. Уникальная карикатура объединяет почти все популярные «морские» метафоры стратегической культуры Исландии. Среди них – море, акула, спасательный круг и британский военный корабль.

Figure 6. The cartoon combines almost all the popular “maritime” metaphors of Iceland's strategic culture: the sea, the shark, the lifeboat and the British warship.

Если для описания анархии международной среды Дж. Миршаймер использовал известный афоризм о том, что в случае агрессивного поведения одного из государств, другие не могут вызвать полицейского, чтобы восстановить порядок⁵⁶, то для Рейкьявика таким полицейским всё же является НАТО: визуальное выражение безальтернативной необходимости формализованного военно-политического сотрудничества для выживания Исландии в бурном

⁵⁵ *Morgunblaðið*, 25.02.1976. Bls. 5. [P. 57].

⁵⁶ Так называемая «Проблема 911», см.: (Conversations in International Relations... 2006: 232).

море международной среды осуществляется путём изображения *спасательного круга*⁵⁷. Таким образом, спасательный круг как иллюстрация опоры Рейкьявика на взаимодействие с внешними проводниками безопасности является символическим выражением разработанной исландскими аналитиками теории убежища (англ. *shelter theory*), в соответствии с которой малые государства вынуждены компенсировать внутренние слабости и внешний недостаток материальных ресурсов, необходимых для выживания в условиях международной анархии, посредством углубления сотрудничества с более влиятельными государствами и многосторонними военно-политическими институтами⁵⁸.

В таких условиях, изображая самих себя, исландцы прибегают к автовиктимизации и используют подчёркнуто «слабые» и безоружные образы⁵⁹. Редкий случай изображения персонифицированного образа послевоенной Исландии с оружием – *кортик* на поясе министра иностранных дел Бьярни Бенедиктссона как средство самообороны⁶⁰.

Действительно, несмотря на устойчивую традицию нейтралитета, для исландской стратегической культуры не характерен абсолютный пацифизм. Для описания такого подхода к военной силе подходит предложенная А.Д. Богатуровым формулировка «минимально вооружённый нейтралитет» (Богатуров и др. 2010: 20). При этом историческая традиция, культурное наследие и укрепление скандинавской идентичности в исландской стратегической культуре создают отдалённые предпосылки для перехода Рейкьявика от политики «минимально вооружённого нейтралитета» к «максимально пацифистскому милитаризму» в случае серьёзной эскалации напряжённости в Северной Атлантике: единственным положительным из всех вооружённых персонажей в исландской карикатуре является *храбрый викинг*⁶¹ – положительный образ прошлого исландцев, географических открытий и территориальной экспансии. Актуализация этого образа в годы Холодной войны происходила в условиях нарастания напряжённости из-за «тресковых войн» – после 1991 г. он стал гораздо менее заметным. Однако устойчивость соответствующего мифа как элемента национальной

⁵⁷ *Morgunblaðið*, 25.02.1976. Bls. 5. [P. 52]; *Morgunblaðið*, 16.01.1980. Bls. 6. [P. 12]. *Morgunblaðið*, 24.10.2008. Bls. 10. [P. 58]; *Morgunblaðið*, 26.10.2008. Bls. 9. [P. 59].

⁵⁸ Подробнее см.: (Thorhallsson 2019). Этот подход развивает положения классиков неореализма и теории альянсов о «примыкании» (англ. *bandwagoning*) как одном из способов адаптации малых государств к структурным вызовам посредством формирования устойчивых формальных связей с великими державами.

⁵⁹ См., например: *Morgunblaðið*, 12.03.1976. Bls. 3. [P. 60]; *Morgunblaðið*, 14.03.1976. Bls. 6. [P. 61]; *Morgunblaðið*, 28.10.2008. Bls. 10. [P. 62].

⁶⁰ *Þjóðvillin*, 20.05.1951. Bls. 1. [P. 16].

⁶¹ *Morgunblaðið*, 22.02.1976. Bls. 6. [P. 63]; *Þjóðvillin*, 13.10.1974, Bls. 1 [P. 64].

идентичности и образа исландцев за рубежом⁶² всё же позволяет говорить о том, что именно он обладает наибольшим потенциалом для культурной «легитимации» потенциальной милитаризации внешнеполитического курса Рейкьявика, признаки которой начали проявляться после 2022 г.

При этом в случаях, когда наблюдается нарастание общей неопределённости, кризисных тенденций внутри исландского общества и турбулентности внешней среды (одной из таких ситуаций стал тяжёлый экономический кризис 2008–2011 гг.), в карикатуре наблюдается актуализация «оборонительного» образа острова-крепости (см. рис. 7)⁶³ и синонимичных ему метафор.

Рисунок 7. Примеры актуализации «оборонительных» метафор в ответ на внешние угрозы: экономический кризис в 2011 г. и нелегальная миграция в 2016 г. Образ оружия на левой карикатуре вновь используется для выражения несогласия автора с действиями изображённого политика

Figure 7. “Defensive” metaphors amid external threats: the economic crisis in 2011 and illegal migration in 2016. The gun in the left cartoon is again used to express the cartoonist's disagreement with the politician

Помимо этого, в таких случаях учащается визуальная репрезентация границы между Исландией и «Другим» и других символов отчуждения, в том числе – футбольных метафор как удобного средства визуализации бинарных оппозиций⁶⁴.

⁶² В частности, так называемый «хлопок викингов» (англ. *viking clap*) стал визитной карточкой исландских футбольных фанатов во время Чемпионата Европы по футболу в 2016 г. Не имея непосредственного отношения к культуре викингов, этот «боевой клич» всё равно воспринимается зарубежной публикой как элемент древнеисландской военной культуры. Подробнее см.: Исландские болельщики устроили свой знаменитый перформанс в Москве. *Sportbox.ru*. 16.06.2018. URL: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/world_cup/spbnews_Nl861621_Islandskije_boleshniki_ustroili_svoj_znamenityj_performans_v_Moskve (дата обращения: 23.09.2024).

⁶³ *Vísir*, 17.05.2011. [P. 65]; *Vísir*, 15.02.2016 [P. 46].

⁶⁴ *Vísir*, 19.11.2010. [P. 66]; *Vísir*, 12.04.2011. [P. 67].

Заключение

Таким образом, анализ трансформации особенностей восприятия и репрезентации «Других» в национальных СМИ может способствовать осмыслению универсальных мотивов внешнеполитического поведения государства.

Выделяя сквозные мотивы, проявляющиеся в стратегической культуре Исландии независимо от ситуативных изменений внешнеполитического контекста, необходимо отметить, что для исландского общества характерно ярко выраженное негативное отношение к применению военной силы для достижения политических целей: визуальный образ оружия активно используется для дискредитации «Другого».

Для описания положения Исландии в анархичной среде во времена кризисов актуализируются не наступательные, а оборонительные метафоры, используемые в контексте общего осознания материальной слабости Исландии как участника международных отношений. В условиях дефицита материальных ресурсов сосуществование образов *острова-крепости* и *спасательного круга* на символическом уровне выражает устойчивую дилемму внешней политики Исландии: необходимость балансировать между автономией и зависимостью. Именно США воспринимаются в этой связи как основной проводник безопасности, однако дальнейшее сближение с Вашингтоном считается оправданным лишь в случае неблагоприятных изменений состояния международной среды и усиления непосредственного давления на Исландию.

Тем не менее на фоне устойчивой приверженности исландского общества традиции нейтралитета для его стратегической культуры не характерен полный отказ от возможности применения силы в целях обеспечения национальных интересов: границы допустимого соответствуют пределам самообороны. При этом особенности культивируемых в национальной культуре визуально-исторических образов позволяют постулировать наличие в исландской стратегической культуре предпосылок к смягчению неприятия военной силы как элемента международной реальности в долгосрочной перспективе.

Помимо этого, в контексте происходивших в XX в. структурных изменений системы международных отношений для послевоенного развития национальной идентичности исландцев характерно последовательное формирование новых слоёв – скандинавского и трансатлантического: из сферы «Других» вышли сначала скандинавские страны, а после распада СССР и окончания эпохи биполярности – США. В этом же направлении происходит трансформация образа Великобритании: на современном этапе актуализация Лондона и Вашингтона в качестве «Других» происходит крайне редко – как правило, когда они внешне меняют подход к международным проблемам, напрямую затрагивающим

безопасность Исландии, или ставят под угрозу дальнейшее функционирование многосторонних военных и политических механизмов, представляющих собой «убежище» для островного государства.

Вместе с тем наблюдается последовательное расширение спектра проблем, представляющих интерес для исландской аудитории, некоторые из них имеют глобальный характер. С середины XX в. стратегический кругозор исландского общества заметно расширился и в географическом смысле.

На современном этапе устойчивыми «Другими» для исландцев являются Европейский союз и Россия, что, в свою очередь, позволяет сделать прогноз о сохранении умеренного евроскептицизма в основе европейского вектора внешней политики Рейкьявика и о продолжении участия государства в многостороннем сдерживании Москвы. При этом между образами России и Советского Союза в стратегической культуре Исландии прослеживаются яркие черты преемственности.

Об авторах:

Владислав Владиславович Воротников – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76.

E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Евгений Сергеевич Панков – младший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: pankov_e_s@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Исследование проведено в рамках реализации гранта РНФ по проекту «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)», №20-78-10159.

UDC: 355.45(491.1)"1945/2024":316.77

Received: October 13, 2024

Accepted: December 15, 2024

Archetypes of Icelandic Strategic Culture: A Visual Analysis

 V.V. Vorotnikov, E.S. Pankov[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-44-68](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-44-68)

MGIMO University

Abstract: This article traces the evolution of Iceland's strategic culture from 1945 to 2024 by examining how Icelandic media visually construct the "Other." Political cartoons serve as the primary evidence base: their recurring motifs and metaphors reveal the values that underpin national security thinking.

The analysis yields three core findings. First, Icelandic strategic culture is founded on a normative aversion to force: military power is portrayed as legitimate only when exercised in self-defence. Second, this pacific norm produces a consistently defensive—rather than offensive—posture toward external threats. Third, Icelandic identity is forged relationally, through shifting depictions of major international actors.

These relational patterns unfold as follows. Between 1945 and 2024 the United States and the United Kingdom transition from suspicious "Others" to trusted allies, adding a distinct trans-Atlantic layer to Icelandic self-conception. By contrast, the Soviet Union (1945–1991) and its successor, Russia (1991–2024), remain durable cultural antagonists: Cold-War tropes such as the Russian bear continue to symbolize an assertive, menacing foreign policy. After 1991 the European Union emerges as an ambivalent figure, blending attractive and repulsive traits that mirror Reykjavik's own indecision over deeper European integration.

The cartoons also project a reflexive self-image: Icelanders emphasise their small size and material weakness while acknowledging reliance on external security guarantors—above all, the United States. Finally, the broader international environment is depicted as anarchic and inherently hazardous, reinforcing Iceland's defensive orientation and its search for reliable partners.

Keywords: strategic culture, identity, Iceland, metaphor, constructivism, symbols, semiotics, political cartoon, Cold War

About the author:

Vladislav V. Vorotnikov – PhD (Candidate of Historical Sciences), Associate Professor of Department for European and American Studies, MGIMO-University; Leading Research Fellow of the Institute for International Studies of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Evgeni S. Pankov – Intern of the Centre for European Studies of Institute for International Studies of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: pankov_e_s@my.mgimo.ru, ORCID: 0009-0003-6889-9083

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This article forms part of the research project “The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: Specificity of Its Influence on Security Policy (Case of the Scandinavian–Baltic Region),” funded by the Russian Science Foundation, grant No. 20-78-10159.

References:

- Callahan W.A. 2020. *Sensible Politics: Visualizing International Relations*. New York: Oxford University Press. 364 p.
- Campbell D. 1992. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. University of Minnesota Press. 308 p.
- Conversations in International Relations: Interview with John J. Mearsheimer (Part II). 2006. *International Relations*. 20(2). P. 231–243. DOI: 10.1177/0047117806063851.
- Dalgaard-Nielsen A. 2005. The Test of Strategic Culture: Germany, Pacifism and Pre-Emptive Strikes. *Security Dialogue*. 36(3). P. 339–359. DOI: 10.1177/0967010605057020.
- Eitelhuber N. 2009. The Russian Bear: Russian Strategic Culture and What it Implies for the West. *Connections*. 9(1). P. 1–28. DOI: 10.11610/Connections.09.1.01.
- Endres F. 2018. *Öffentliche Meinung und strategische Kulturen. Außenpolitische Überzeugungen in Deutschland, Frankreich und Großbritannien*. Wiesbaden: Springer. 244 p.
- Gray C.S. 1999. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back. *Review of International Studies*. 25(1). P. 49–69.
- Green J.A. 2022. The Rise of Twiplomacy and the Making of Customary International Law on Social Media. *Chinese Journal of International Law*. 21(1). P. 1–53. DOI: 10.1093/chinesejil/jmac007.
- Hálfðanarson G. 2011. “The Beloved War”: The Second World War and the Icelandic National Narrative”. *Nordic Narratives of the Second World War: National Historiographies Revisited*. Ed. by Stenius H., Österberg M., Östling J. Lund: Nordic Academic Press. P. 89–100.
- Johnston A.I. 1995a. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*. Princeton University Press. 307 p.
- Johnston A.I. 1995b. Thinking about Strategic Culture. *International Security*. 19(4). P. 32–64. DOI: 10.2307/2539119.
- Johnston A.I. 1999. Strategic Cultures Revisited: Reply to Colin Gray. *Review of International Studies*. 25(3). P. 519–523.
- Jóhannesson G.Th. 2004. To the Edge of Nowhere? U.S.–Icelandic Defense Relations During and after the Cold War. *Naval War College Review*. LVII(3/4). P. 115–137.
- Kanet R.E. 2019. Russian Strategic Culture, Domestic Politics and Cold War 2.0. *European Politics and Society*. 20(2). P. 190–206. DOI: 10.1080/23745118.2018.1545184.
- Keohane R.O. 1969. Review: Lilliputians’ Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*. 23(2). P. 291–310.
- Klein B.S. 1988. Hegemony and Strategic Culture: American Power Projection and Alliance Defence Politics. *Review of International Studies*. 14(2). P. 133–148.
- Klein Y. 1991. A Theory of Strategic Culture. *Comparative Strategy*. 10(1). P. 3–23.
- Kuznar L.A., Heath N., Popp G. 2023. Strategic Culture – Its History, Issues, and Complexity. *NSI Inc. Prepared for Strategic Multilayer Assessment, Joint Staff*. J3. 22 p.
- Larsen J.A. 2006. *Comparative Strategic Cultures Project: Assessing Strategic Culture as a Methodological Approach to Understanding WMD Decision-Making by States and Non-State Actors*. Washington, D.C.: Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office. 457 p.

Longhurst K. 2018. *Germany and the Use of Force: The Evolution of German Security Policy 1990–2003*. Manchester University Press. 244 p.

Matlary J.H. 2006. When Soft Power Turns Hard: Is an EU Strategic Culture Possible? *Security Dialogue*. 37(1). P. 105–121. DOI: 10.1177/0967010606064140.

Nuechterlein D. 1961. *Iceland: Reluctant Ally*. New York: Cornell University Press. 213 p.

Snyder J. 1977. *The Soviet Strategic Culture. Implications for Limited Nuclear Operations*. Rand Corporation. R-2154-AF. September. 40 p.

Steinsson S. 2016. The Cod Wars: a re-analysis. *European Security*. P. 1–20. DOI: 10.1080/09662839.2016.1160376.

Thorhallsson B. 2019. *Small States and Shelter Theory: Iceland's External Affairs*. New York: Routledge. 242 p.

Twining D.T. 1989. Soviet Strategic Culture – The Missing Dimension. *Intelligence and National Security*. 4(1). P. 169–187.

Wendt A. 1995. Constructing International Politics. *International Security*. 20(1). P. 71–81.

Whitehead P. 2006. Hlutleysi Íslands á hverfanda hveli, 1918–1945. *Saga*. 44(1). Bls. 21–64.

Alekseeva T.A. 2012. Strategicheskaya kul'tura: evolyuciya koncepcii [Strategic Culture: Evolution of the Concept]. *Polis. Political Studies*. №5. P. 130–147. (In Russian).

Batalov E.Ya., Zhuravleva V.Yu., Hozinskaya K.V. 2009. "Rychashchij medved" na "dikom Vostoke" (obrazy sovremennoj Rossii v rabotah amerikanskikh avtorov: 1992—2007) ["Roaring Bear" in the "Wild East" (Images of Modern Russia in the Works of American Authors: 1992–2007)] Moscow: ROSSPEN. 380 p. (In Russian).

Bogaturov A.D., Dundich A.S., Troickij M.A. 2010. *Centralnaya Aziya: "otlozhennyy nejtralitet" i mezhdunarodnye otnosheniya v 2000-h godah* [Central Asia: "Deferred Neutrality" and International Relations in the 2000s]. Moscow: NOFMO. 99 p. (In Russian).

Chekov A.D. 2023. Estonskaya «pribaltiyskost» kak social'nyj konstrukt: smysly i kontekstual'naya specifika [Estonian "Balticness" as a Social Construct: Meanings and Contextual Specificity]. *Baltic Region*. 15(1). P. 34–51. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-3. (In Russian).

Gurevich A.Ya. 1972. *Kategorii srednevekovoj kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo. 318 p. (In Russian).

Khrustal'ov D.G. 2011. Proiskhozhdenie "russkogo medvedya" [The Origin of the "Russian Bear"] Moscow: NLO. №107. P. 137–152. (In Russian).

Kokoshin A.A. 2018. *Voprosy prikladnoj teorii vojny* [Issues in Applied War Theory]. Moscow: HSE. 227 p. (In Russian).

Kurilla I.I. 2018. *Zaklyatye druzya. Istoriya mnenij, fantazij, kontraktov, vzaimo(ne)ponimaniya Rossii i SSHA* [Sworn friends. A History of Opinions, Fantasies, Contracts, and Mutual (Non) Understanding of Russia and the United States]. Moscow: NLO. 424 p. (In Russian).

Kucherov M.A., Kharkevich M.V. 2023. "Narodnaya sekyuritizaciya": vizualnyj povorot v issledovaniyah bezopasnosti ["Popular Securitization": A Visual Turn in Security Research]. *Lomonosov World Politics Journal*. 15(4). P. 61–83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83. (In Russian).

Loshkarev I.D., Kuchuk A.V. 2022. Strategicheskaya kul'tura Pol'shi: variacii i ih otrazhenie v oficial'nom diskurse [Poland's Strategic Culture: Variations and their Reflection in Official Discourse]. *Contemporary Europe*. 4(111). P. 37–49. DOI: 10.31857/S0201708322040039. (In Russian).

Mamedova A.O. 2013. Simvol'y vojny i mira v sovetskom politicheskom plakate i karikature perioda "holodnoj vojny" [Symbols of War and Peace in Soviet Political Posters and Cartoons of the Cold War Period]. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. №1. P. 110–115. (In Russian).

Uspenskij V.M. 2012. Tipologiya izobrazhenij russkih medvedej v evropejskoj karikature XVIII — pervoj treti XIX vv. *“Russkij medved’”: istoriya, semiotika, politika*. Ryabov O.V., De Lazari A. (ed.) [Typology of Images of Russian Bears in European Caricature of the 18 – First Third of 19 Centuries. “Russian bear”: History, Semiotics, Politics]. Ryabov O.V., De Lazari A. (ed.). Moscow: NLO. P. 87–105. (In Russian).

Vorotnikov V.V. 2021. Nacionalnyj istoricheskij mif kak element strategicheskikh kultur gosudarstv Baltii: na primere tematiki pochtovyh marok [National Historical Myth as an Element of Strategic Cultures of the Baltic States: the Example of Postage Stamps]. *The Journal of Education and Science “ISTORIYA”*. 12(7(105)). DOI: 10.18254/S207987840016559-3. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Алексеева Т.А. 2012. Стратегическая культура: эволюция концепции. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 130–147.

Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. 2009. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992—2007). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 380 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий М.А. 2010. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Москва: НОФМО. 99 с.

Воротников В.В. 2021. Национальный исторический миф как элемент стратегических культур государств Балтии: на примере тематики почтовых марок. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 12(7(105)). DOI: 10.18254/S207987840016559-3.

Гуревич А.Я. 1972. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство. 318 с.

Кокошин А.А. 2018. Вопросы прикладной теории войны. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 227 с.

Куриллы И.И. 2018. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контрактов, взаимо(не)понимания России и США. Москва: Новое литературное обозрение. 424 с.

Кучеров М.А., Харкевич М.В. 2023. «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 15(4). С. 61–83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83.

Лошкарев И.Д., Кучук А.В. 2022. Стратегическая культура Польши: вариации и их отражение в официальном дискурсе. *Современная Европа*. 4(111). С. 37–49. DOI: 10.31857/S0201708322040039.

Мамедова А.О. 2013. Символы войны и мира в советском политическом плакате и карикатуре периода Холодной войны. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. №1. С. 110–115.

Успенский В.М. 2012. Типология изображений русских медведей в европейской карикатуре XVIII — первой трети XIX вв. *«Русский медведь»: история, семиотика, политика*. Рябов О.В., Де Лазари А. (ред.) Москва: Новое литературное обозрение. С. 87–105.

Хрусталёв Д.Г. 2011. Происхождение «русского медведя». *НЛО*. № 107. С. 137–152.

Чеков А.Д. 2023. Эстонская «прибалтийскость» как социальный конструкт: смыслы и контекстуальная специфика. *Балтийский регион*. 15(1). С. 34–51. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-3.

Русский заграничный дипломатический корпус в период кризиса Белого движения. Начало 1920 г.

Е.М. Миронова

Институт всеобщей истории РАН

В статье на основе обширного источникового материала представлен сложный период деятельности Заграничного дипломатического корпуса Белого движения. В условиях поражений, которые терпели белые в России, их внешнеполитическое представительство продолжало работать. Более того, руководство Корпуса приняло решение о том, что для его учреждений не только подчинение органам Советской власти невозможно, но недопустима и передача дел дипломатическим представительствам Москвы. Был взят курс на продолжение самостоятельного и независимого существования Корпуса в случае поражения белых в Гражданской войне. Предпринимались усилия по восстановлению в дипломатической структуре иерархии и дисциплины. Был сокращён личный состав, но сохранена репрезентативность учреждений Корпуса в мире. Велась работа по обеспечению финансирования его дальнейшей деятельности. Ведомство продолжало повседневную работу, в которой выделились и усиливались новые направления. Оно активно оказывало помощь растущему количеству русских беженцев, искало пути сохранения русского имущества за рубежом. Руководство структуры начало разрабатывать вопрос о правовой защите покинувших родину соотечественников на случай поражения Белого движения. Приход к власти в Крыму генерала барона Врангеля был неоднозначно встречен русским обществом за рубежом. Возглавлявший дипломатическое ведомство с января 1919 г. С.Д. Сазонов проявил полную лояльность по отношению к созданному в Севастополе правительству. Тем не менее Врангель отправил его в отставку, передав управление внешней политикой П.Б. Струве. Однако С.Д. Сазонов успел подготовить позиции для старейшины Корпуса – посла в Риме М.Н. Гирса, который и возглавил Корпус после отставки Сазонова. П.Б. Струве разделил с ним руководство и ответственность. Корпус укрепил свои независимые позиции и вошёл в последний этап противостояния с большевиками как партнёр, а не подчинённая центру структура, что дало ему перспективу продолжения работы после окончания Гражданской войны на Родине.

Ключевые слова: Белое движение, Гражданская война в России, небольшевистская дипломатия, Зарубежный дипломатический корпус, русская эмиграция, Сергей Сазонов, Пётр Струве, барон Врангель, дипломатическая автономия, русские эмигранты

Русский Заграничный дипломатический корпус как структура государственных учреждений Российской империи, а затем Временного правительства практически без потерь пережил две революции¹. Отказавшись сотрудничать с Советской властью, он создал Совет послов и продолжил свою деятельность в автономном режиме в ожидании образования на Родине власти, с которой смог бы сотрудничать. Формально подчинившись омскому правительству адмирала Колчака в ноябре 1918 г. и получив от него подтверждение своих полномочий в июле 1919 г.², он представлял интересы всех антибольшевистских сил России (Миронова 2023а: 443). Кризис Белого движения на рубеже 1919 г. поставил перед Заграничным корпусом вопрос не только о его дальнейшей судьбе, но и о его долге и ответственности перед теми соотечественниками, кто уже находился за границей, о будущем всех, кто мог оказаться в изгнании в случае поражения антибольшевистского движения.

Исследование деятельности русской небольшевистской дипломатии постепенно занимает значимое место в историографии Гражданской войны в России. В этой связи следует отметить работы А.В. Шмелёва, А.В. Смолина, С.В. Листикова³, О.В. Будницкого (Будницкий 2001; 2008) и Е.М. Мироновой (Миронова 2013). Однако в исторической литературе пока не сложилось целостной картины: одни исследователи рассматривают внешнюю политику Колчака, другие – правительства Деникина или Врангеля. При этом, как правило, речь идёт о некой абстрактной «дипломатии Белого движения» без учёта того факта, что сосуществовавшие в 1919 г. антибольшевистские правительства имели собственные, нередко входившие в противоречие с политикой Омска, взгляды по внешнеполитическим вопросам, а кроме них, большое, зачастую самостоятельное воздействие на международные сношения оказывал зарубежный центр в Париже.

Белые унаследовали по сути имперское Заграничное представительство. Временное правительство ограничило своё вмешательство в кадровую политику министерства замещениями вакантных посольских постов. Двое из его назначенцев – послы в Вашингтоне Б.А. Бахметев и в Париже В.А. Маклаков – вошли в руководство Корпуса и на протяжении всей Гражданской войны активно участвовали в формировании его политической линии.

¹ После Февральской революции только два дипломата, посол в Дании К.К. Буксгевден и временный поверенный в Берне М.М. Бибилов, по идейным соображениям покинули свои посты. После Октябрьской революции на контакт с НКВД пошли трое из глав заграничных представительств: временный поверенный в делах в Испании Ю.Я. Соловьёв и поверенный в делах в Португалии барон П.Л. Унгерн-Штернберг, за что Корпусом они были подвергнуты остракизму и были вынуждены покинуть свои посты. Соловьёв позже работал в НКВД. Об «отступничестве» посланника в Сиаме И.Г. Лорис-Меликова Корпус узнал позднее. Руководство не стало возвращаться к санкциям. Посланник признал свою ошибку и продолжил работать в белых структурах.

² До этого Корпус продолжал работать на основании, как писал К.Н. Гулькевич, «благодати преемственности». ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 19 об.

³ Tongour N.N. 1979. *Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925*. Ph.D. Dissertation. Stanford University; см. также (Шмелёв 2017; Смолин 2017; Листиков 2009).

Вопросами деятельности Заграничного дипломатического корпуса в период кризиса Белого движения начала 1920 г. предметно не интересовался никто из историков⁴. Некоторые аспекты исследуемой темы получили освещение в наших работах разных лет (Миронова 2022, 2023).

Целью данной статьи является исследование состояния и роли дипломатического Корпуса в системе российских заграничных учреждений, а также восприятия его деятельности со стороны великих держав в начале 1920 г. Особое внимание уделяется внутренним процессам, происходившим в российских дипломатических представительствах за рубежом в этот период. Анализируется также роль министра иностранных дел С.Д. Сазонова в укреплении и сохранении Корпуса как действующего института внешней политики России. Кроме того, рассматривается начавшаяся среди российских дипломатов разработка возможных сценариев организации жизни русских беженцев за границей в случае поражения Белого движения в Гражданской войне.

Исследование проведено на основе мемуаров⁵, опубликованных документов⁶, коллекций дипломатической переписки Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Русского архива Университета Лидса (Великобритания) (далее – LRA).

Внутренняя и внешнеполитическая ситуация в начале 1920 г.

Период с осени 1919 по март-апрель 1920 гг. – время смутное. В Белом стане царит хаос. Отступление войск Колчака на восток, эвакуация правительства из Омска в Иркутск, предательство союзниками Верховного правителя, арест, расстрел большевиками Колчака; начавшиеся с двадцатых чисел октября поражения армий Деникина, которые после Тихорецкого сражения (14 февраля – 2 марта) превратились в беспорядочное отступление на Екатеринодар и Новороссийск, ужас деникинской эвакуации – всё происходящее доходило за рубеж лишь отголосками. Было неизвестно, в частности, спасён ли золотой запас: ходили слухи, что он попал в руки чехов⁷. И если один из высших чинов деникинского управления внешних сношений в февральской телеграмме характеризовал положение как «неясное»⁸, то посольство в Вашингтоне с января по

⁴ Английский исследователь Н. Ullman завершил в 1968 г. своё фундаментальное исследование «*Britain and the Russian civil war*» февралем 1920 г.

⁵ Михайловский Г.Н. 1992. *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920*. в 2 кн. Москва. 687 с.; Врангель В.Н. 2013. *Воспоминания*. Москва.: Вече. 478 с.; Набоков К.Д. 2014. *Испытания дипломата*. Санкт-Петербург: Симпозиум. 320 с.

⁶ «Чему свидетели мы были...»: переписка бывших царских дипломатов (1934–1940). 1998. В 2 кн. М. Кн. 2; 561 с. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка, 1919–1951. Москва; Стэнфорд, 2001–2003, в 3 тт. Т. 1. 569 с.; К 50-летию окончания гражданской войны в России. Неизданные документы из архивов П.Б. Струве 1970. Мосты. №15. С. 413–427.

⁷ Г.М. Лунц – К.Н. Гулькевичу 30 декабря 1919 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 80. Л. 3–6.

⁸ Б.А. Татищев – послу 4/17 февраля 1920 г. № 89. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 255.

своим каналам получало известия о полном развале на юге России, о «фигии Добровольческого правительства, обладающего разрозненной территорией нескольких портов», о том, что не признанный пока официально конец уже наступил, так как «ни Особого совещания, ни армии уже нет, а есть отдельные отряды разных ориентаций и отдельные министры, десятки раз сменявшиеся»⁹. Мнение представителей дипломатической среды выразил юрист-международник (в марте – мае 1917 г. – товарищ министра иностранных дел) Б.Э. Нольде: «... боюсь, что бывшая Россия, базирующаяся на иностранной помощи, снята историей с очереди»¹⁰.

Начался разворот союзников от Белого движения. Современник писал: «То, что предпринимается по поводу России за границей, так противоречиво, недоговорено и во многом положительно не понятно, что все здесь ходят в потёмках»¹¹. Лондон в конце ноября 1919 г. в Копенгагене начал переговоры с представителями Советского правительства, официально – об обмене военнопленными, а в январе выступил с проектом решения об отмене принятого в октябре 1919 г. постановления об экономической блокаде РСФСР. Охладевала к русским делам и американская администрация (Будницкий 2008: 237). Антибольшевистским политикам оставалось только надеяться на твёрдый курс пришедшего к власти во Франции правительства А. Мильерана.

Одновременно в русской зарубежной среде росло возмущение политикой союзников, направленной на ослабление и раздробление России. Крепло мнение, что «большевизм – явление временное и скоропреходящее, от него Россия непременно излечится, но расчленение России – вот более глубокое и основное зло, которое подкосит её силу на долгие, долгие времена и послужит источником неизбежных новых кровопролитных войн»¹². Дело дошло до того, что лозунг «против большевиков с кем угодно, хоть с чёртом» стал замещаться другим: «против расчленителей России с кем угодно», хоть с большевиками¹³.

Это была импульсивная реакция общественности. Официальные круги в этой тяжёлой обстановке хранили молчание, что создавало опасное для них впечатление бессилия и выжидания событий. «Политическое совещание в Париже (Сазонов, Маклаков, Львов)¹⁴ не пользуется никаким влиянием, – говорится в составленной в то время анонимной аналитической записке. – Никакой

⁹ В. Ильяшенко – С.А. Угету 31 января 1920 г. *ИИА.РПУС* 19-2. Цит. по: (Будницкий 2008: 242).

¹⁰ Письмо Б.Э. Нольде К.Н. Гулькевичу 31 января, 3 марта 1920 г. *ГАРФ*. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 11 об.

¹¹ А. Акимов – И.Н. Ефремову 20 января 1920 г. *ГАРФ*. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 60. Л. 6–15.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Политическая делегация была создана в январе 1919 г. Русским политическим совещанием для участия в Версальской конференции. В её состав входили Г.Е. Львов (председатель), Н.В. Чайковский, С.Д. Сазонов, В.А. Маклаков, Б.В. Савинков. Политическое совещание закрылось 1 августа 1919 г. В данном случае аноним путает понятия «Политическое совещание» и «Политическая делегация».

определённой политики у них нет. Сейчас обнаруживают полную растерянность, недостаток понимания – что делать дальше. Никаких директив другим представителям не дают»¹⁵. Однако это было не совсем так.

Политическая делегация (Львов, Сазонов, Чайковский, Савинков, Маклаков) лишилась тогда своих, пожалуй, самых активных членов: Париж временно покинули Н.В. Чайковский и Б.В. Савинков. Глава белой дипломатии, в прошлом министр иностранных дел Российской империи, С.Д. Сазонов не счёл нужным протестовать против отмены блокады России – вопрос был непростой, грозивший репутационными потерями, ибо был связан с выживанием оставшихся под властью большевиков соотечественников, да и, как показывал опыт, практической пользы от таких заявлений не было: союзники их игнорировали.

Постановка вопроса о сохранении русского Заграничного дипломатического корпуса

В обстановке безвременья начала 1920 г. во весь рост встал вопрос о том, что будет с многотысячным русским беженством в случае поражения антибольшевистского сопротивления. Руководство Заграничного корпуса видело путь к его решению через сохранение дипломатического представительства в новых политических реалиях и искало возможности сохранить ведомство. Европейский истеблишмент, который именно на дипломатов возложил ответственность за бескомпромиссную патриотическую позицию Белого движения, уже некоторое время выказывал в отношении него крайнее раздражение (Миронова 2023b: 68). «Мы до того всем надоели, что наша благодарность за ту или услугу нам нигде не признаётся стоящей медного гроша»¹⁶, – писал Нольде. Он полагал, что в сложившихся обстоятельствах «ни одна канцелярия в мире не будет признавать вне-официального представительства русских»¹⁷. Иначе ему виделось отношение к представительству «для внутренних надобностей русской заграничной колонии». Этот вопрос «со всех сторон» рассматривался в Париже. Приходило осознание необходимости сплотиться, предпринимались попытки создать некий аналог закрытого летом 1919 г. Русского политического совещания (РПС) или Национального комитета.

В дальнейшем именно предложение Нольде было взято на вооружение. Но для его проведения в жизнь надо было мобилизовать и привести в действенное состояние находившийся не в лучшем состоянии Корпус.

Ещё в 1919 г. у части посланников появились сомнения в целесообразности продолжения работы: они предлагали закрыть свои миссии, представлявшие им в сложившихся обстоятельствах «бесполезными»¹⁸. Революционные потрясе-

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 72. Л. 12.

¹⁶ Письмо Б.Э. Нольде К.Н. Гулькевичу 20 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ И.И. Сукин – министру 19 июня 1919 г. № 1041. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1041.

ния и Гражданская война привели к нарушению иерархии и падению дисциплины в ведомстве. Кадровые дипломаты, поверенные в делах в Лондоне К.Д. Набоков и Кристиании (совр. Осло) Д.Ф. Коцебу Пилар фон Пильхау, например, последовательно не подчинялись министру, что не могло быть скрыто от властей стран, где они работали, и подрывало доверие ко всему Корпусу. О.В. Будницкий отметил отказ посольства в Вашингтоне безоговорочно подчиняться указаниям из Парижа (Будницкий 2008: 224, 238–239). Посланник в Стокгольме – опытный и уважаемый в ведомстве К.Н. Гулькевич – писал, что «*ville des lumières*¹⁹ авторитет для старослужащих только постольку-поскольку»²⁰. Неслыханное дело: С.Д. Сазонову пришлось напоминать сотрудникам, что Заграничное дипломатическое и консульское представительство подчинены ему как министру иностранных дел и обязаны исполнять его распоряжения²¹.

В начале 1920 г. из-за прекращения финансирования из России содержание представительств было переведено с опозданием. Это вызвало естественные опасения, «будут ли они сохранены или ликвидированы»²².

В этой тяжёлой ситуации вновь, как в 1917 г., проявился разный менталитет послов, назначенных Временным правительством, и карьерных дипломатов. Если первые, Бахметев и Маклаков, обсуждали будущее Движения, строили интересные, логически выверенные проекты его дальнейшей борьбы с большевиками, то дипломаты, прежде всего, министр Сазонов и старейшина Корпуса, посол в Италии М.Н. Гирс, думали о сплочении ведомства, об обеспечении ему возможности продолжить деятельность в новых условиях.

Корпус к тому времени сохранил практически все представительства военного времени, более того, руководство поспешило возродить миссии в бывших враждебных странах (Турции, Болгарии), в Берлине были созданы организации, которые стали сотрудничать с ведомством, возвращались на места служившие ранее в Германии консулы. Министр был озабочен восстановлением русского присутствия в Святой Земле²³. На протяжении 1919 г. создавались новые представительства в обретших независимость Чехословакии и Польше. Несмотря на то, что белые дипломаты категорически не признавали отделение лимитрофов от России, необходимость защищать русских граждан на их территориях вызвала к жизни решение поддерживать там учреждения консульского характера. Много усилий потребовало создание представительства в Финляндии (Миронова 2011: 77–83).

¹⁹ *Ville des lumières* – фр. «город огней», подразумевается руководство русским дипломатическим ведомством, находившееся в Париже.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.

²¹ Министр – Российской миссии в Христиании. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 208.

²² ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 13.

²³ Министр А.А. – Смирнову 22 мая 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 336.

Великие державы по-разному реагировали на усилия русского министра иностранных дел. Лондон, исключив новые назначения, неохотно, но допускал восстановление деятельности представителей, назначенных «законным», т. е. добольшевистским правительством²⁴. Французские власти сами проявили заинтересованность в продолжении деятельности генерального консула в Танжере А.Л. Воеводского²⁵. А швейцарское правительство, два года не впускавшее на свою территорию депутата Думы И.Н. Ефремова, не успевшего вручить верительные грамоты Временного правительства до его падения, в самом конце 1919 г. разрешило русскому политику возглавить миссию в качестве представителя Омска (Миронова 2015: 132–145).

Меры по сохранению Корпуса

На рубеже 1919–1920 гг. Сазонову, видимо, удалось добиться от западных политиков обещаний, что русскому Заграничному корпусу будет предоставлена возможность продолжить работу в случае, если вооружённая борьба в России завершится неблагоприятно для Белого движения. Афишировать эту договорённость и даже информировать коллег об этом он, разумеется, не мог, но меры по сохранению ведомства должен был предпринять.

В этой связи перед ним стоял ряд задач:

- определение формы, в которой Корпус мог бы продолжить свою деятельность;
- поиск источника финансирования дальнейшей работы посольств и миссий и ограничение расходов: транши из Омска поступать перестали, финансирование части представительств по договорённостям местными правительствами в счёт русского долга или взаимобразно с теми странами, которые послали миссии в Россию, должны были в скором времени прекратиться;
- проведение кадровых сокращений;
- укрепление дисциплины и вертикали власти в ведомстве.

Трудностей с разрешением первой проблемы не возникло. Опыт существования Корпуса в 1918 г. показал его способность работать без опоры на правительство на Родине. Его и использовали, приняв решение о возрождении Соевещения русских послов. Один из функционеров парижского офиса министра Л.Х. Ревеллиотти говорил Г.Н. Михайловскому о М.Н. Гирсе как о будущем главе этой организации²⁶.

Решению двух других задач были посвящены первые месяцы 1920 г.

²⁴ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 318, 334; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 51 об.

²⁵ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 13, 23, 25.

²⁶ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 374.

Приказом от 12 января министр начал кампанию перемещений «чинов» ведомства, чего не делалось с конца 1917 г. Её главная цель состояла в том, чтобы поддержать авторитет единоначалия, восстановить иерархию и заметно расширившуюся дисциплину, а также укрепить те представительства, которые столкнулись с резким увеличением объёма работы.

Ещё в сентябре глава ведомства отдал К.Д. Набокову распоряжение отправиться к месту службы в Норвегию, куда он был назначен Временным правительством в качестве посланника²⁷. Тем самым министр решал сразу две проблемы: переводил дипломата, с которым у него были серьёзные трения, из Лондона на периферию Европы, в страну, не игравшую активной роли в международных делах, одновременно отрешая от должности отказывавшегося ему подчиняться главу миссии в Христиании – графа Д.Ф. Пилара. В ответ Пилар отказался признавать Сазонова министром и сообщил об этом норвежским властям²⁸. К.Д. Набоков, без сопротивления оставив свой пост в Англии, в январе приехал в Норвегию, но, обсудив ситуацию с Пиларом, возвратил ему управление миссией и вернулся в Лондон в качестве частного лица²⁹.

Наплыв беженцев в Константинополь в начале 1920 г. выявил слабость действовавшей там миссии, что заставило министра укрепить и расширить её состав. Сюда получили назначения только что окончивший курс в Русском коммерческом училище в Константинополе Иван Деудес, подпоручик запаса Лазарь Феодоров (Феодориди); сверх штата в распоряжение начальника миссии был направлен переводчик Константин Засецкий³⁰.

Первый приказ министра, коснувшийся шестнадцати человек³¹, вернул к службе часть коллег, отозванных из стран, где они несли службу, в связи с началом Мировой войны. В январе – феврале работа над кадровыми перемещениями была продолжена.

Корпус встретил начинания министра по-разному. Посланник в Тегеране воспользовался случаем, чтобы походатайствовать о продвижении по службе двоих своих подчинённых, Минорского и Григорьева³². Глава миссии в Стокгольме К.Н. Гулькевич, не подобрав русского слова, охарактеризовал происходящее французским *ridicule*³³.

Реакция ведомства на распоряжения министра показала, что он не зря затеял эту кампанию. Одни дипломаты, согласно традиции, благодарили руководство и паковали чемоданы, другие саботировали распоряжения министра; не всем

²⁷ Доклад. Российская миссия в Христиании от 14/27 ноября 1918 г. № 431. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 226. Л. 3. В мемуарах Набоков пишет о том, что получил назначение в Швейцарию, см.: Набоков К.Д. Указ. соч. С. 53.

²⁸ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 224.

²⁹ К.Д. Набоков – В.А. Маклакову 13 января 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 191.

³⁰ Приказ по ведомству иностранных дел от 1 января 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 3, Л. 30б, Л. 4.

³² А.К. Беляев – министру 3 января 1920 г. № 6. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 181.

³³ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 19 об. *Ridicule* (фр.) – смешной, нелепый.

главам нравились изменения в личном составе представительств, некоторые из них потворствовали подчинённым, не желавшим в сложной обстановке менять насиженные места. Так, секретарь посольства в Пекине И.П. Митрофанов, поблагодарив С.Д. Сазонова за добрую память, от нового назначения уклонился, и посланник кн. Кудашев с радостью удержал полезного для его посольства сотрудника³⁴. Б.А. Бахметев попытался воспрепятствовать изменениям в личном составе посольства в Вашингтоне³⁵. Сазонов сердился, настаивал на исполнении своих распоряжений. Он добился устранения Пилара, передав управление миссией молодому дипломату барону Л.Р. Розену³⁶. Жёстко и нетерпеливо он требовал исполнения своего предписания о переводе из Рима в Стамбул В.А. Бардашевского, до войны служившего во втором политическом (ближневосточном) отделе³⁷. В середине февраля посол в Вашингтоне, отказывавшийся ранее принимать назначенцев министра под предлогом того, что американские власти терпят существование представительства по факту, но им не понравятся изменения в его составе (аргумент, нередко использовавшийся главами миссий), сообщил, что служивший до войны в Румынии кн. М.А. Гагарин прибыл к месту службы и приступил к исполнению обязанностей первого секретаря³⁸.

Для проведения преобразований в заграничном представительстве в тревожной и запутанной обстановке начала 1920 г. необходим был центральный «общероссийский» орган. Ещё в начале декабря 1919 г. Б.А. Бахметев, один из наиболее активных глав представительств Заграничного корпуса, предложил министру узурпировать власть, перенеся центр управления внешней политикой в Париж или Лондон, и выражал готовность подписаться под общим заявлением послов по этому вопросу³⁹. Однако умудрённый опытом министр на это не пошёл. Более того, приняв во внимание, что после роспуска Русского политического совещания (РПС) и падения Верховного правителя не оставалось другого органа, который хотя бы условно мог говорить от имени России, он уступил «власть» Политической делегации. Это было нелёгкое решение. Будучи членом этого органа, С.Д. Сазонов давно находился в жёсткой конфронтации с большей частью его состава. Рассчитывать на то, что он сможет контролировать его деятельность, не было никаких оснований.

Делегации было доверено право распоряжаться сохранившимися в Европе русскими деньгами, на неё была возложена ответственность за сокращение необоснованно разросшегося представительства за рубежом (помимо Заграничного дипломатического корпуса, существовало множество военных, торговых и иных миссий, за границей пребывали делегации, командированные разными

³⁴ Кн. Кудашев – министру 13 января 1920 г. № 20. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 190.

³⁵ Б.А. Бахметев – министру 14 января 1920 г. № 27. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 192.

³⁶ Там же. Л. 197.

³⁷ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 243, 240, 246, 247, 248.

³⁸ Б.А. Бахметев – министру 17 февраля 1920 г. № 106. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 271.

³⁹ Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову 8 декабря 1919 г. «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 130.

белыми правительствами). В условиях поражений Белого движения в России эти учреждения не только не стремились сократить свои расходы, но боролись за увеличение ассигнований.

Однако разработка новой структуры представительства и его штатного расписания требовала кропотливой бюрократической работы, к которой члены Делегации, по преимуществу общественные и политические деятели, явно не тяготели. Не обременяя себя рутинной перепиской с посольствами в разных странах с тем, чтобы уточнить состав представительств и понять, как и на сколько их можно или нужно сократить с минимальным ущербом для дела, Делегация, по выражению её члена Маклакова, стала «наседать» на руководителей ведомств и получила закономерный результат в виде саботажа⁴⁰.

Исключением стал С.Д. Сазонов, который сам поставил вопрос о сокращении Заграничного корпуса. При этом он изъявил готовность урезать собственное жалованье до уровня даже не посла, а посланника. Для разработки вопроса министр создал комиссию под руководством барона Нольде. Последняя видела два пути решения задачи: уменьшение окладов, «и без того не соответствующих условиям теперешней жизни», при сохранении всего личного состава, «который при этом не мог бы искать дополнительного заработка на стороне», или же сокращение штатов, «при сохранении существующих окладов, за исключением посольского и посланниковского»⁴¹. Предпочтение при соблюдении условия сохранения репрезентативности Корпуса в мире было отдано второму варианту.

Сокращения были чрезвычайно болезненными для ведомства, где многие сотрудники работали десятилетиями, будучи связаны родством или дружбой, не имели знаний и опыта в других сферах. Естественно, не обошлось без ошибок, разочарований, обид и закулисных интриг. По свидетельству Г.Н. Михайловского, «находившиеся в Париже чиновники, всячески старались сократить штаты дипломатического ведомства вне Парижа, чтобы как можно больше мест оставить за собой в центральном управлении»⁴². Комиссия Нольде не стала советоваться по кадровым вопросам с главами представительств, поставив всех перед фактом урезанного штатного расписания.

В итоге было решено ограничить штат посольств в Париже, Лондоне и Вашингтоне послом, советником, одним первым секретарём и двумя вторыми. В Париже были сохранены места двух помощников секретаря. В посольствах Рима и Токио работу должен был продолжить только один второй секретарь. Штаты всех миссий лишились должности советника. Она была сохранена лишь в Стокгольме – для возможности командирования лица достаточно высокого ранга в Финляндию, где не существовало полноценного дипломатического представительства. Представительствам в Стокгольме, Белграде, Бухаресте

⁴⁰ Там же. С. 185.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 25. Л. 3-6.

⁴² Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 468.

и Афинах предстояло продолжить деятельность в составе посланника, первого и второго секретарей; в Берлине и Брюсселе – посланника и первого секретаря. Лишались своих сотрудников посланник при Ватикане, поверенные в делах в Мадриде, Гааге, Каире, Праге, Христиании, Копенгагене и Цетине. В составе миссий в Тегеране и Пекине были сохранены должности посланника, первого и второго секретарей, первого и второго драгоманов. Также были выделены средства на содержание консульств – не более четырёх в Китае и Персии, не более трёх во Франции, Англии, Соединённых Штатах и Японии, не более двух в Италии, Норвегии, Румынии и Сербии и не более одного в остальных странах, где имелось российское консульское представительство⁴³.

Интересно, что в подготовленном комиссией Нольде итоговом документе не упоминаются существовавшие на тот момент учреждения Корпуса в Швейцарии, Болгарии, ряд представительств на Дальнем Востоке, в Латинской Америке, Канаде. Это, однако, не выводило их за рамки кампании сокращения. Возможно, существовал какой-то дополнительный, пока не выявленный акт, регулировавший вопрос в их отношении.

Содержание послов по новому штатному расписанию должно было составлять 250 ф. ст. в месяц, посланников – 125, посланника в Ватикане – 100 ф. ст., остальных чинов «в размере, установленном действующими законами»⁴⁴.

Утвердив ряд общих положений о составе служащих, комиссия в вопросе об их жалованье ограничилась словами «узаконенное содержание», а Делегация, не рассмотрев проект по существу и ориентируясь исключительно на сокращение сметы, этот документ одобрила. «А затем на подпись Сазонову было представлено особое “разъяснение”, согласно которому это “узаконенное содержание” исчислялось следующим образом: из рублей переводилось в фунты по старому курсу, а из фунтов в местную валюту – по новому. В результате жалованье, например, в Париже, возросло в 2,5 раза»⁴⁵. Маклаков как анекдот передаёт факт, что он сам, член Делегации, первым выступил с протестом против уже утверждённой ею схемы. Вопрос был пересмотрен, размен на фунты отменён⁴⁶.

Адаптация Корпуса к работе в новых реалиях

Решение Делегации циркуляром под номером 55 было разослано представителям. Их реакция, с одной стороны, выявила слабые места и упущения в подготовленном акте, с другой – состояние Корпуса, его управляемость. Так, И.Н. Ефремов, при том, что в циркуляре возглавлявшаяся им миссия в Берне не упомянута, задался вопросами юридического положения попавших под

⁴³ ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 25. Л. 3–6.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 185.

⁴⁶ Там же.

сокращение подчинённых. Его беспокоило, надо ли их считать уволенными или оставленными за штатом; сохраняют ли они право носить звания по занимаемым должностям и могут ли рассчитывать на восстановление в служебных правах (на пенсии и т. п.) при изменении ситуации. Его заботило также, приобретают ли сокращаемые штатные служащие свободу в выборе новой службы, имеют ли они, в частности, право поступать на службу другого государства. Посланник предложил централизованно, от имени ведомства, с пометкой «по приказанию г. Министра иностранных дел» выдать на руки уходящим документ, содержащий ответы на эти вопросы⁴⁷. Нольде ответил Ефремову, что не видит препятствий к тому, чтобы лица, подлежащие увольнению по циркуляру №55, сохраняли звание состоящих при миссии⁴⁸, но, насколько можно судить, никакой акт, регулирующий их положение, так и не был создан.

Если общее недовольство принятыми решениями и даже сопротивление им можно было предвидеть, то в процессе их осуществления возникали казусы, вероятность которых не мог предположить никто. Так, возмущение Бахметева вызвало получение телеграмм и даже предписаний, в которых РПД устанавливала содержание чинов финансовой части, циркуляров, касавшихся закрытия консульств в США. Всю эту «деятельность» посол охарактеризовал как смехотворную⁴⁹. Резкую отповедь вызвал у него запрос кн. Львова заместителю торгового агента о предположениях по дальнейшему финансированию агентства⁵⁰. Бахметев просил напомнить Львову, что «сношения с официальными учреждениями, фактически подчинёнными посольству, помимо последнего, вносят смуту и беспорядок»⁵¹. Посол запросил у министра иностранных дел полномочий на преобразование представительства в США и в дальнейшем переписку по всем вопросам, связанным с сокращениями, вёл только с ним⁵².

На Дальнем Востоке, который уже год финансировался автономно за счёт боксёрских выплат⁵³, общее недовольство ведомства сокращениями достигло апогея и грозило перерасти в бунт⁵⁴.

Новое штатное расписание МИДа оставляло в Китае четыре консульства против существовавших девятнадцати, до трёх с прежних пяти должно было сократиться их количество в Японии. Посланник в Пекине кн. Н.А. Кудашев писал «в центр» о принципиальной невозможности изменить служебное расписание

⁴⁷ И.Н. Ефремов – С.Д. Сазонову 21 февраля 1920 г. ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–6.

⁴⁸ Б.Э. Нольде – И.Н. Ефремову 26 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

⁴⁹ Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову 27 февраля 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!..» Т. 1. С. 182.

⁵⁰ Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову 30 марта 1920 г. Там же. С. 196.

⁵¹ Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову 25 марта 1920 г. № 175. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 271.

⁵² ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 279, 285, 287.

⁵³ Боксёрские выплаты – контрибуция, наложенная странами-союзниками (Великобритания, Австро-Венгрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Япония, Россия, Нидерланды, Испания, Соединённые Штаты) на Китай после подавления ими боксёрского восстания 1898–1901 гг. Всего около в пересчёте 1,5 млрд золотых руб., из которых России причиталось около 29%.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 15, 21.

на Дальнем Востоке, ссылаясь на то, что 1) в решении вопроса об использовании средств, поступающих в счёт контрибуции, участвовали Китай и Франция; 2) в Китае трактатные права, особенно консульской юрисдикции, базировались на нормальном функционировании всех консульств; 3) внесение изменений в сложившийся status quo грозит привести к тому, что «при царивших в Китае настроениях, восстановить утраченное будет невозможно». Сгоряча он написал даже, что «положение в Китае отлично от положения в других странах, особенно в Европе и Америке, где можно будет совсем упразднить всякое представительство без ущерба русскому делу и где сохранение его ценно почти исключительно в видах сохранения старого аппарата»⁵⁵. Кн. Кудашев отказался выполнять распоряжения в отношении подведомственных ему учреждений в Китае, Гонконге и Сингапуре, пообещав «при первой возможности» ликвидировать консульство в Сиаме (совр. Таиланд)⁵⁶. Его позицию разделил посол в Японии, дополнивший возможные отрицательные последствия предписанной Парижем меры опасением полного разложения в представительстве в Японии, «в котором и без того лишь с трудом удаётся поддержать дисциплину и порядок»⁵⁷. Соотношение сил было таково, что на некоторое время вопрос был отложен. В апреле уже М.Н. Гирс, в качестве старейшины Корпуса, вернулся к этой проблеме. Указав на то, что «в Европе проведены с 1 февраля решительные сокращения расходов и штатов служащих»⁵⁸, он предложил главам влиятельнейших представительства дальневосточного региона сообщить свои соображения по сокращению штатов на основании положений циркуляра №55. Отдавая себе отчёт в том, что деньги Русско-азиатского банка от боксёрских поступлений фактически находятся в руках Кудашева, Гирс согласился на сохранение всех консульств в Китае при условии, что их штаты будут сокращены до минимума, и выразил готовность рассмотреть соображения посланника по поводу сохранения консульств в Сингапуре и Гонконге⁵⁹. В июле он сделал новую уступку, сняв этот вопрос с рассмотрения. Такую же вынужденную лояльность он проявил и в отношении представительства в Японии, предложив послу в Токио самому разработать проект сокращений, «имея ввиду, что рассчитывать на кредиты в 100 тыс. фунтов нельзя»⁶⁰. Введение новых штатов на Дальнем Востоке было отложено до 1 сентября⁶¹.

⁵⁵ Там же. Д. 3548. Л. 161об.

⁵⁶ Там же. Л. 162об.

⁵⁷ В.Н. Крупенский – М.Н. Гирсу 21 июня 1920 г. № 204. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 193об.

⁵⁸ М.Н. Гирс – В.Н. Крупенскому 9 апреля 1920 г. № 769. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 133.

⁵⁹ М.Н. Гирс – Н.А. Кудашеву 10 апреля 1920 г. № 775. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 143.

⁶⁰ М.Н. Гирс – В.Н. Крупенскому 9 апреля 1920 г. № 769. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 133.

⁶¹ Там же.

Телеграммы с просьбами откорректировать положение в зависимости от местных условий сыпались в Париж из разных городов и стран. Неофициальный представитель Белого движения в Праге В.Т. Рафальский⁶² просил разрешения сохранить на службе своего единственного, крайне необходимого ему сотрудника, до момента прекращения выплаты кредита на содержание миссии чешским МИД⁶³. А.А. Смирнов, камергер императорского двора, действительный статский советник, более полутора десятка лет проводивший в Египте в качестве чрезвычайного посланника, согласился с понижением своего ранга до поверенного в делах и соответствующим снижением жалованья, но отчаянно искал возможности сохранения на службе своих подчинённых. При этом он использовал широко применявшийся в это время и другими главами миссий аргумент, заключавшийся в том, что агентство, которым он руководил, за отсутствием законно признанного правительства продолжало действовать «по инерции», и любые изменения статуса или новые назначения могли лишь ускорить его закрытие⁶⁴. В феврале он просил разрешения сохранить все консульские учреждения, рассчитывая содержать их в первую треть года за счёт англо-египетских субсидий, а в случае высылки ему «причитающейся по закону суммы на содержание агентства и одного консульства (за две трети – 3.529 фунтов), просуществовать в условиях жёсткой экономии до конца года, оставляя одно консульство в Александрии, сохраняя заведование консульскими делами в Каире и Порт-Саиде»⁶⁵. Урезав своё жалованье, он готов был в случае необходимости сократить содержание штатных сотрудников, но указывал, что «ничтожные оклады» нештатных уменьшить невозможно⁶⁶. В конце апреля Смирнов сообщил, что в связи с наплывом беженцев он сохранил на службе полный состав агентства и консульств. Более того, в связи с многократно возросшим объёмом работы он просил разрешения увеличить состав учреждений по крайней мере на двоих служащих с жалованьем по 40 фунтов в месяц. Не получив ответа, он повторил своё обращение в июне 1920 г.⁶⁷

Меняющаяся обстановка в остававшиеся Белому движению месяцы активно требовала корректировки как штатного расписания Корпуса, так и его сметы. Несмотря на меры по сокращению штатов, уже в феврале острая необходимость вынудила управлявшего представительство в Константинополе генерального консула Н.П. Якимова ходатайствовать о временном

⁶² В.Т. Рафальский Министру 9 февраля 1920 г. № 7. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 22об. Чешские власти в ответ на запрос колчаковского правительства об установлении дипломатических отношений предложили прислать неофициальное представительство, которое должно было бы получить формальную аккредитацию сразу после признания русского правительства. Решение о признании официальная Прага готова была принять вслед за Великобританией и Францией.

⁶³ В.Т. Рафальский – министру 9 февраля 1920 г. № 7. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 22об.

⁶⁴ А.А. Смирнов – министру 4 февраля 1920 г. *ГАРФ*. Ф. 6851. Д. 57. Л. 207.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ А.А. Смирнов – министру 5 февраля 1920 г. № 13. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 92.

⁶⁷ А.А. Смирнов – министру 26 апреля, 8 июня 1920 г. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 234об. Д. 3548. Л. 134об.

причислении к миссии прибывшего с юга России бывшего помощника секретаря второго (ближневосточного) политического отдела кн. Сергея Гагарина⁶⁸. Весной с просьбой утвердить ассигнования на юрисконсульта обратился в Париж возглавивший это посольство А.А. Нератов. Он аргументировал свой запрос юридическими проблемами, которые должны были возникнуть в связи с планами держав расширить капитуляционный режим, а также валом проблем, вызванным «вторжением» резко выросшего количества беженцев в экономику Турции⁶⁹. Назначенный в 1919 г. главой представительства в Варшаве бывший секретарь миссии в Карлсруэ Г.Н. Кутепов возмущался сокращением ассигнований в четвёртый раз за восьмимесячный срок, уменьшением вдвое окладов штатных служащих, и настаивал на невозможности урезать размер содержания пяти нештатных сотрудников, «совершенно необходимых для работы»⁷⁰.

Приходили и просьбы за подлежащих сокращению чиновников. Министр по мере возможности оказывал снисхождение тому или иному подчинённому. Так, он разрешил посланнику в Румынии «ввиду больших заслуг вице-консула Сроева» оставить его на службе⁷¹.

Обстоятельства вынуждали создавать не только новые должности в некоторых представительствах, но и сами представительства. В начале года приступила к работе миссия в Софии. Министр беспокоился о представительстве русских интересов в Иерусалиме. Ввиду затруднений с возвращением к месту службы бывшего вице-консула в Яффе С.П. Разумовского, Сазонов передал управление делами в Святой Земле находившемуся на месте генеральному консулу в Иерусалиме А.Ф. Круглову и поручил посланнику в Каире урегулировать этот вопрос с англичанами⁷². Была профинансирована деятельность назначенного Северо-Западным правительством представлять русские интересы в Риге В.А. Преснякова, при этом, однако, ему было указано на недопустимость именовать консулом, «так как это предопределяло бы признание нами отделения латышской части Прибалтики»⁷³. Курировавший финскую политику посланник в Стокгольме К.Н. Гулькевич поднял вопрос о выделении средств на содержание возглавлявшего Русский комитет в Гельсингфорсе последнего директора Пажеского корпуса полковника А.Н. Фену, обосновав это необходимостью для соотечественников иметь в Финляндии защитника русской колонии⁷⁴.

⁶⁸ Н.П. Якимов – министру 10 февраля 1920 г. № 32. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 216.

⁶⁹ А.А. Нератов – В.А. Маклакову 6 апреля 1920 г. №340. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 134об.

⁷⁰ Г.Н. Кутепов – министру 13 апреля 1920 г. № 60. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 193об.

⁷¹ Министр – С.А. Поклевскому-Козелл 17 марта 1920 г. № 375. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 263.

⁷² Министр – А.А. Смирнову 28 апреля 1920 г. № 592. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 223.

⁷³ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 8.

⁷⁴ К.Н. Гулькевич – министру 23 марта 1920 г. № 349. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 155об.

Изменения в практике заграничных представительств

Представительства в разных странах продолжали работать в соответствии со своим функционалом, но в исследуемый период начались изменения в структуре их деятельности.

Всё больше внимания практически всех представительств, от работавших в Финляндии, Норвегии и Швеции на северо-западе, в Египте – на юге, в Китае и Японии на востоке – занимала поддержка русского беженства. К весне 1920 г., после разгрома Колчака, эвакуации Миллера с севера России, интернирования частей Северо-Западной армии в Эстонии, после новороссийской катастрофы, эта работа приобрела весьма серьёзные масштабы. Перед представительствами встали задачи согласовать разрешения на въезд в страны новых и новых групп соотечественников, помочь их разместить, и найти для них средства существования. Против всех действовавших ранее правил, порой беженцы находили приют в зданиях посольств. В апреле 1920 г. назначенный Деникиным представлять интересы его правительства в Турции А.И. Щербатской сообщал из Константинополя: «В главном здании посольства все жилые и нежилые комнаты заполнены сотнями беженцев⁷⁵, среди коих за последние дни произошёл один установленный и два подозрительных случая сыпного тифа»⁷⁶.

Затруднения с приёмом новых партий русских появились у Королевства сербов, хорватов и словенцев. В Сербии ещё в 1919 г. сформировалась довольно значительная русская колония. Для помощи оставшимся без средств к существованию «гостям» правительство ежемесячно выделяло квоту для размена русской валюты по льготному курсу, во много раз превышавшему её биржевую стоимость. К началу 1920 г. королевство оказалось не в состоянии выделить дополнительные средства, а увеличение претендентов на льготный размен неизбежно ухудшило бы положение тех, кто уже находился в стране. Русский посланник В.Н. Штрандтман, работавший в Сербии с 1911 г., прошёл путь от 1-го секретаря посольства до поверенного в делах в 1914 г., и в 1919 г. возглавил колчаковскую миссию. Он не считал допустимым отказывать в помощи на том основании, что кто-то оказался в тяжелейшей ситуации позже других. Весной 1920 г. ему пришлось вести переговоры с правительством о переезде в королевство 2,5 тысяч человек из Эстонии, 15 тысяч военнослужащих армии Бредова из Польши, 400 офицеров из Тульчи, 500 русских беженцев с острова Принкипо (Миронова 2021: 81–97).

⁷⁵ По данным, приведённым В. Ильяшенко, только за один январский день в здание посольства было заселено 470 человек. Здание не отапливалось, периодически гасло электричество. *НИА. РПУС* 19-2. Цит. по: (Будницкий 2008: 240–241).

⁷⁶ А.И. Щербатской – министру 13 апреля 1920 г. № 145. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 191об.

Дипломаты старались подготовить для соотечественников запасы одежды, отправив в Сербию часть обмундирования, доставленного в Японию⁷⁷. Людей надо было кормить, помочь им хотя бы минимально обустроиться, на что нужны были деньги. Посланник в Пекине раз за разом запрашивал разрешение послать полученные им для армии Войцеховского 25 тыс. ф. ст. на помощь остаткам армии атамана Анненкова и беженцам из Туркестана, пребывавшим в ужасных условиях в западном Китае⁷⁸. Смирнов из Каира сообщал, что благодаря полученным из Парижа деньгам удалось оказать «существенную поддержку врачебному персоналу, сёстрам, отдельным лицам». Но нужду в помощи беженцам, численность которых достигла трёх тысяч, удовлетворить не удавалось, в связи с чем он просил новых переводов⁷⁹.

Уже в первые месяцы 1920 г. дипломаты подняли вопрос о том, что раздачей денег нужду не удовлетворить: надо не просто кормить людей, а дать им возможность зарабатывать. «Так как содержание наших выселенцев не может продолжаться неопределённое время, – писал Щербатской из Константинополя, – то является, по моему мнению, делом особой важности уделять часть отпускаемых средств на поощрение предприятий, могущих дать пропитание»⁸⁰. Е.В. Саблин, возглавивший представительство в Лондоне, сообщал об открытии при приходском совете кооперативе для трудоустройства нуждающихся русских, особенно офицеров⁸¹.

Важной составляющей работы посольств стала борьба за сохранение русского имущества за рубежом, как государственного, так и частного, на которое появилось много претендентов.

Так, в Китае в центре внимания были Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) и отделение созданного в 1910 г. Русско-азиатского банка, куда, в том числе, поступали средства от боксёрских выплат. Посланник в Пекине кн. Н.А. Кудашев предложил спасти банк путём создания под французским флагом новой финансовой организации «для русско-азиатской торговли», все акции которой, или только их контрольный пакет, оставались бы в распоряжении Русско-азиатского банка. Он полагал возможным передать этому учреждению в пользование всё имущество банка за границей и все его неполитические операции. В Пекине и Шанхае должны были, по его мысли, остаться представители Русско-азиатского банка «для заведования де-юре вместе с французами такими операциями, для которых русское участие было необходимо: боксёрские вознаграждения, займы, КВЖД и др.»⁸². Что касается железной дороги, то дипломат

⁷⁷ В.А. Маклаков – послу в Вашингтон 17, 19 апреля 1920 г. № 531, 543. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 197, 201.

⁷⁸ Н.А. Кудашев – министру 21, 25 мая 1920 г. № 383, 392. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Лл. 59об., 68об.

⁷⁹ А.А. Смирнов – министру апрель 1920 г. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 199об.

⁸⁰ А.И. Щербатской – министру 13 апреля 1920 г. № 145. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 191об.

⁸¹ Е.В. Саблин – министру 11 мая 1920 г. № 257. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 35об.

⁸² Н.А. Кудашев 31 января 1920 г. № 157. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 213.

рекомендовал созвать собрание акционеров для выбора нового русско-китайского правления в Пекине и для рассмотрения вопроса её финансирования. По его мысли, последнее следовало поручить новому банку при условии фактического контроля его агентами «хозяйства дороги через посредство Совета при Управляющем железной дорогой в Харбине (состоящего из двоих русских, двоих французов, двоих китайских членов с широкими административными полномочиями)». Посланник полагал, что проект основан на праве и достаточно учитывает французские интересы, чтобы устроить Париж⁸³. Однако ввиду угрозы пересмотра актов, определявших положение КВЖД, с этим планом не согласился Сазонов, уповав на обещание Франции поддержать интересы Дороги на основе status quo. Кредит на разрешение острого финансового кризиса КВЖД Сазонов рассчитывал получить в Америке, особо оговорив при этом, что займ не должен сопровождаться политическими требованиями⁸⁴. В июле 1920 г. посол в Японии, извещая центр об инициативе Лондона по поводу финансирования КВЖД действующим в Китае международным консорциумом, занял, по существу, такую же позицию. В.Н. Крупенский высказывал опасение, что такое решение проблемы привело бы к губительным последствиям – «интернационализации дороги и, следовательно, к окончательной её потере для нас»⁸⁵.

Посланника в Белграде В.Н. Штрандтмана в середине апреля обеспокоила судьба сохранившихся за рубежом денег Добармии: его английский коллега обмолвился о планах Лондона арестовать их, а также продать находившиеся в иностранных портах русские военные суда с тем, чтобы вырученные деньги «направить на помощь нашим беженцам»⁸⁶. Британские власти и в самом деле стали захватывать русские корабли, задача вызволения которых пала на долю поверенного в делах в Англии⁸⁷.

Решение повседневных задач не вытеснило из поля зрения руководства Корпуса вопросы будущего соотечественников за рубежом в случае неблагоприятного окончания вооружённой борьбы на Родине.

Начало переговоров Италии с большевистской Россией побудило посла в Риме задуматься о судьбе находившейся на его попечении русской колонии. Категорическое неприятие беженцами перспективы признания над собой юрисдикции Советского правительства ставило вопрос о том, кто и каким образом возьмёт на себя защиту их интересов. Опытный дипломат М.Н. Гирс подготовил специальный «мемуар» для правительства, при котором он был аккредитован. Разрабатывая этот документ, дипломат пришёл к выводу, что будущее – за созданием русских беженских организаций, поставленных под защиту местных

⁸³ Там же. Л. 213об.

⁸⁴ С.Д. Сазонов – Б.А. Бахметеву 21 мая 1920 г. № 688. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 33.

⁸⁵ В.Н. Крупенский – М.Н. Гирсу 1 июля 1920 г. № 209. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 230об.

⁸⁶ В.Н. Штрандтман – министру 17 апреля 1920 г. № 157. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 213об.

⁸⁷ Е.В. Саблин – министру 14 мая 1920 г. № 208. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547 Л. 160об; Д. 3548. Л. 38об.

законов и властей. Он не исключал возможности обращения беженцев к итальянским властям для получения необходимых актов гражданского состояния, хотя считал, что «эта практика может быть заменена рекомендациями и аттестациями» эмигрантских организаций. Специально остановился он на защите прав русских на их движимую и недвижимую собственность в Италии вне зависимости от того, живут ли они в стране⁸⁸. «Мемуар» Гирса был одобрен министром и по его распоряжению циркулярно разослан представительствам с рекомендацией подготовить аналогичные предложения применительно к местным условиям.

Финансовая проблема

Дипломаты понимали, что ни продолжение борьбы, ни поддержка беженцев, ни существование русских учреждений невозможны без финансового обеспечения. В конце декабря 1919 г. хранители казённых средств в Великобритании К.Е. фон Замен и Франции Н.Л. Рафалович передали контроль над фондами, которые оставались в их распоряжении, Политической делегации. Это означало, что «трата денег впредь будет делаться по журналам Делегации»⁸⁹. Решение, как писал Маклаков, не лучшее, но другого «общерусского» политического органа на тот момент просто не существовало⁹⁰. При этом за скобками оставались очень большие суммы на счетах финансовых агентов С.Д. Угета в США и К.К. Миллера в Японии.

В январе парижское руководство предприняло попытку существенно ограничить финансовую независимость русского посольства в Вашингтоне, предписав перевести в Европу 5 млн 847 тыс. долларов из хранившихся на его счетах средств. Финансовый агент понимал, что такая сумма требовалась для обеспечения материального положения «центра» и его платёжеспособности. В своё время европейские правительства секвестировали все хранившиеся за рубежом русские государственные фонды (Миронова 2023а: 435–436), и Угет опасался за судьбу затребованной суммы. Впрочем, как считает специально изучавший вопрос О.В. Будницкий, беспокоился он напрасно. Опытнейший финансист, находившийся на пике своего профессионализма, К.Е. фон Замен «принял меры для сокрытия казённых сумм от докучливых кредиторов Российского государства, как и от советских агентов» (Будницкий 2008: 225).

На первую треть года (финансирование зарубежных представительств традиционно велось по третям) деньги были ассигнованы ещё в декабре⁹¹. 6 февраля 1920 г. фон Замен доложил делегации о суммах, на которые она могла

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–36 об.

⁸⁹ Б.Э. Нольде – К.Н. Гулькевичу, 31 января 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.

⁹⁰ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву, 12 марта 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 184.

⁹¹ Б.Э. Нольде – К.Н. Гулькевичу, 31 января 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.

рассчитывать, и о мерах по их защите. Дипломаты тогда уже думали на перспективу, беспокоились о выделении средств, пусть и меньших, на будущий год. Однако, как констатировал Нольде, в дело было внесено столько «политиканства», что результат переговоров оказался минимален⁹². Дальнейшая деятельность дипломатического ведомства по сбору средств небольшевистской России легла на М.Н. Гирса и велась после создания правительства в Крыму.

Вопрос о возможности сдачи дел советским представительствам

В связи с плохими вестями из России посол Крупенский ещё в первой половине февраля 1920 г. инициировал рассмотрение вопроса об образе действий миссий в случае международного признания Советского правительства и прибытия в страны представителей большевиков⁹³. Разделив эти опасения, Сазонов подготовил циркуляр №307, который 3 марта 1920 г. под грифом «совершенно секретно» был разослан представительствам. Согласно его смыслу, никакая преемственность, передача дипломатического учреждения «большевикам» не допускалась. Предписывалось закрыть представительство, уничтожить наиболее секретный архив последних лет и шифры в случае сохранения опасности их передачи советским агентам. Всё казённое имущество надлежало по описи передать местному правительству. Сазонов настаивал на сохранении связи даже закрытых представительств с правительством Деникина и с «парижским центром» вне зависимости от того, будет ли во главе него стоять он или М.Н. Гирс⁹⁴. Сообщая о получении циркуляра, посланник и генеральный консул в Копенгагене отвечали, что «в случае наступления предвидимых событий ... [ими – Авт.] будут приняты меры к точному исполнению преподанных инструкций»⁹⁵.

Положение С.Д. Сазонова в первые месяцы 1920 г.

В начале февраля 1920 г. забрезжила надежда на преодоление кризиса Белого движения, вызванного падением Колчака. Министр написал послу в Вашингтон, что «полнота власти сосредотачивается ныне в руках генерала Деникина, от имени которого будете по-прежнему получать указания от меня»⁹⁶. Однако не всё было благополучно лично для Сазонова. В военной среде, где давно зрело недовольство деятельностью министра иностранных дел, возобладало мнение, что русское дело в Версале испорчено «протестами Сазонова и всей его политикой»⁹⁷.

⁹² Б.Э. Нольде – К.Н. Гулькевичу, 27 февраля 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 9об.

⁹³ В.Н. Крупенский – министру 11 февраля 1920 г. № 43. ГАРФ. Ф. 6851. Оп.1. Д. 57. Л.181. Д. 56. Л. 213.

⁹⁴ Циркуляр № 307 от 3 марта 1920 г. ГАРФ. Ф. 5680. Оп.1. Д. 18. Л. 1.

⁹⁵ М.Ф. Мейейндорф – С.Д. Сазонову 16 марта 1920. № 13. ГАРФ. Ф. 5680. Оп.1. Д. 47. Л. 1.

⁹⁶ Министр – Б.А. Бахметеву 6 февраля 1920 г. № 159. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 8.

⁹⁷ Михайловский Г.Н. *Указ. соч.* Кн. 2. С. 189.

Главнокомандующий ВСЮР санкционировал создание Южно-Русского правительства под руководством Н.М. Мельникова, пост главы внешнеполитического ведомства в котором передал генералу Н.Н. Баратову. Это была уже вторая попытка сместить Сазонова. В конце своего правления (29 октября 1919 г.) Колчак назначил исполняющим обязанности председателя совета министров и министра иностранных дел Сергея Николаевича Третьякова⁹⁸. Сумятица тех дней, проблемы со связью стали, по-видимому, причиной того, что в русской политической среде этот акт прошёл незамеченным. Напротив, решение Деникина, по свидетельству Михайловского, было для русского Парижа «секретом Полишинеля». Однако Сазонов проигнорировал распоряжение главнокомандующего, в которого уже не верил, которого позволял себе называть «конченным человеком»⁹⁹. С другой стороны, и генерал Баратов, судя по всему, думал больше о деле, чем о власти. Он не спешил заявлять свои права и устранять предшественника, но вступил с Сазоновым в деловую переписку, адресуясь к нему как к министру¹⁰⁰. Проявляя невероятную выдержку, пренебрегая враждебностью некоторых коллег, Сергей Дмитриевич продолжал работать над обеспечением будущего Корпуса: «с прежним видом принимал посетителей» и «чины его канцелярии по-прежнему беспрекословно ему подчинялись»¹⁰¹. Министр сам – невозможная ситуация при нормально функционирующем государстве – выбрал себе преемника, М.Н. Гирса, и готовил для него позиции¹⁰². Михайловский следующим образом описывал происходившее: «В это неопределённое время, когда сам Сазонов не знал, министр он или нет (март 1920 г.), Гирс появлялся иногда в посольстве, любезно беседовал с членами дипломатического ведомства, заходил на короткое время к Сазонову и никогда – к Маклакову, подчёркивая этим, что пришёл, так сказать, в качестве частного лица. Мы знали, впрочем, что недалеко то время, когда Гирс появится на горизонте, как *Deus ex machine* [бог из машины, то есть неожиданная развязка – *Авт.*] для решения вопроса о главенстве в дипломатическом ведомстве»¹⁰³.

Установление отношений Корпуса с севастопольским правительством П.Н. Врангеля

Генерал барон П.Н. Врангель возглавил Белое движение 4 апреля, в критический момент его истории, когда оно не только потерпело целую серию стратегических поражений, но и когда серьёзная проблема обозначилась на внешнеполитическом фронте. Главные спонсоры Вооружённых сил юга России,

⁹⁸ Вербальная нота от 12 декабря 1919 г. *АВПРИ*. Ф.166. Оп. 508/3. Д. 30. Л. 17.

⁹⁹ Михайловский Г.Н. *Указ. соч.* Т. 2. С. 371.

¹⁰⁰ 28 февраля/12 марта 1920 г. № 182. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 170об.

¹⁰¹ Михайловский Г.Н. *Указ. соч.* Т. 2. С. 371.

¹⁰² Там же. С. 373.

¹⁰³ Там же. Т. 2. С. 338.

англичане, выдвинули ультиматум с требованием прекратить Гражданскую войну, ставшую «наиболее раздражающим фактором в Европе». Выразив готовность добиться от советского правительства обязательства амнистировать армию и население Крыма, Лондон без обиняков заявил, что прекращает какую-либо помощь Белому движению¹⁰⁴.

Новый главнокомандующий понимал, что ведение активной борьбы без поддержки союзников невозможно. Неотложную внешнеполитическую задачу он видел в том, чтобы «не дать возможности англичанам выйти из игры». С этой целью он решил переложить на них «всю тяжесть переговоров, всячески затягивая таковые»¹⁰⁵.

В первый месяц своего правления, не устанавливая связь с Заграничным корпусом, не консультируясь с министром иностранных дел, генерал лично вёл внешнюю политику. Он сумел договориться с британцами об условиях принятия ультиматума, согласно которым оглашение и исполнение его было отложено на два месяца. Целью было выиграть время¹⁰⁶.

Врангель в полной мере разделял недовольство своего окружения Сазоновым. Он считал, что глава внешнеполитического ведомства, «далеко стоявший от нашей борьбы, не был в состоянии учесть новую обстановку, приспособиться к новым условиям работы. Он не мог, – писал генерал, – примириться с тем, что положение представителя Великой России теперь другое, и, оберегая своё достоинство, всё время уходил от дела. Его присутствие в Париже стало бесполезным, да и по существу место руководителя внешней политикой должно было быть в центре государственного управления»¹⁰⁷.

Проводя полную реорганизацию правительственного аппарата, главнокомандующий сменил руководство управления иностранных сношений. Во главе своей дипломатии он поставил крупного учёного – экономиста и известного русского политика, в прошлом члена кадетского ЦК, активного члена Национального центра П.Б. Струве¹⁰⁸. На пост своего заместителя последний пригласил кн. Г. Трубецкого, профессионального дипломата, пользовавшегося большим уважением в ведомстве. Фактически возглавлявшего в отсутствие С.Д. Сазонова Управление внешних сношений Деникина А.А. Нератова Врангель отправил своим дипломатическим представителем в Константинополь с подчинением ему миссий на Балканском полуострове.

¹⁰⁴ Врангель П.Н. *Воспоминания...* С. 273.

¹⁰⁵ Там же. С. 281.

¹⁰⁶ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 6 мая 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 205.

¹⁰⁷ Врангель П.Н. *Указ. соч.* С. 305.

¹⁰⁸ А.И. Щербатской – министру 14 апреля 1920 г. № 155. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 331.

Однако в условиях, которые сложились к тому времени в Белом стане, само по себе создание «центрального ведомства» иностранных сношений в Севастополе не могло означать ни автоматического подчинения ему Заграничного корпуса, ни обязательной отставки Сазонова. Дипломатический аппарат продолжал действовать в автономном режиме.

Барон Врангель не прислушался к совету А.В. Кривошеина, который в скором времени возглавил его правительство. Этот опытный политик, стараясь навести мосты между двумя центрами антибольшевистской борьбы, уже в начале апреля рекомендовал разъяснить миссиям, что новое правительство преследует прежние задачи, а также «воздержаться от всяких перемен (в) составе представительства [в рукописном оригинале телеграммы зачёркнуто «особенно в Париже» – Авт.]»¹⁰⁹. Однако Севастополь решил полностью игнорировать не сдавшего дела Сазонова и сделал ставку на Маклакова. «В Париже, – писал Струве послу, – ...мы решили видеть только Вас»¹¹⁰.

Русские политические круги за границей чрезвычайно настороженно встретили известие о появлении на политической арене новых руководителей антибольшевистского движения. Они серьёзно изучали вопрос о своём отношении к попыткам создать в Крыму новое антибольшевистское правительство¹¹¹. Дипломатическое ведомство, будучи государственной структурой, не могло занять независимую позицию (В.А. Маклаков в начале 1920 г. призывал «держаться за последний кусочек территории, где остаётся хотя бы остаточек национальной власти...»¹¹²). Руководству Корпуса не могли не импонировать действия генерала по приведению армии в боеспособное состояние, наведению порядка в Крыму. Однако за действиями Врангеля дипломаты наблюдали с недоумением: их смущали создание правительства на фоне переговоров о «сдаче Крыма», не согласованные ни с кем распоряжения о смещении посланника в Константинополе Щербатского и назначении на этот пост Нератова, увольнении Сазонова, устранении Делегации, высказанная Врангелем готовность назначить «верховным» представителем на Западе генерала Драгомирова. Своё отношение к частным «актам власти» они поставили в зависимость от не слишком дипломатично заданного вопроса о том, собирается ли Крым бороться с большевиками¹¹³.

Несмотря на свои симпатии к благоволившему ему барону, Маклаков задавался вопросом: «нужно ли нам так же относиться к его [Врангеля – Авт.] поддержке, как мы делали относительно Колчака и Деникина»¹¹⁴. Не удивительно, что серьёзно сомневался в этом и Сазонов. В сложной, запутанной обстановке

¹⁰⁹ Министр – А.И. Щербатскому 2 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 304.

¹¹⁰ П.Б. Струве – В.А.Маклакову 13 апреля 1920 г. *Мосты*. 1970. № 15. С. 416.

¹¹¹ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 446.

¹¹² «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 158.

¹¹³ Письмо Б.Э. Нольдэ – К.Н. Гулькевичу 20 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 12об - 13.

¹¹⁴ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 6 мая 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!..» Т. 1. С. 208.

он задался оскорбившим Струве вопросом, следует ли подчиняться генералу Врангеля¹¹⁵. Пытаясь уточнить полномочия нового главкома, министр обратился к представителю в Константинополе, на тот момент ещё Щербатскому, с вопросом, «передал ли генерал Деникин барону Врангелю только военную власть и какой в Крыму порядок управления»¹¹⁶. В ответ глава временной миссии донёс об избрании Врангеля советом военачальников и утверждении этого решения Деникиным¹¹⁷. Однако эта корректная информация не устроила и обеспокоила сменившего как раз в тот момент Щербатского на посту в Константинополе А.А. Нератова, поспешившего заявить, что власть сосредоточена в руках Врангеля в самой широкой полноте¹¹⁸. Струве не ограничился горячей поддержкой этого тезиса. Ему настолько претила сама постановка вопроса, что всегда следовавший букве закона и распоряжениям руководства «вечный» товарищ министра¹¹⁹ пошёл на явную фальсификацию, заявив несколькими днями позже, будто Врангель назначен Деникиным, а не избран советом¹²⁰.

Ситуация между тем лишней раз подтверждала справедливость присущей дипломатам иронии по поводу чуждости военным юридических тонкостей. В ходе бесед с Деникиным, которые призваны были разъяснить противоречия в донесениях Щербатского и Нератова, в этом вновь убедился поверенный в Лондоне. Генерал сообщил ему, что передал командование вооружёнными силами барону Врангелю. В вопросе о полноте государственной власти, полученной от Верховного правителя, бывший главнокомандующий не обнаружил уверенности, что такая передача состоялась в отношении него самого. «Генерал, – писал Е.В. Саблин, – не уяснивший себе, по-видимому, юридической стороны дела, считает в отношении барона Врангеля это несущественным, так как (по его замечанию) “Главномандующий располагает, очевидно, и гражданской властью, каковой располагал и я”». На замечание дипломата, что речь идёт не о гражданской власти, а о полноте государственной власти, «генерал предложил не возбуждать вопроса о “юридических тонкостях”¹²¹ и не мешать барону Врангелю делать дело»¹²².

¹¹⁵ П.Б. Струве – В.А. Маклакову 25 апреля 1920 г. *Мосты*. 1970. № 15. С. 419.

¹¹⁶ Министр – А.И. Щербатскому 14 апреля 1920 г. № 513. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 187.

¹¹⁷ А.И. Щербатской – министру 17 апреля 1920 № 162. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 201об.

¹¹⁸ А.И. Щербатской – министру 19 апреля 1920 № 165. Передаёт личную телеграмму А.А. Нератова. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 210об.

¹¹⁹ А.А. Нератов занимал пост товарища министра при сменяющихся министрах иностранных дел с 1910 по конец 1917 г.

¹²⁰ А.А. Нератов – В.А. Маклакову 22 апреля 1920 г. № 174. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 221об.

¹²¹ По этому вопросу в политическом истеблишменте Белых имелись разногласия. О.В. Будницкий приводит свидетельства П.Н. Милюкова о том, что генерал Деникин считал, что передал Врангелю только военное командование, но не верховную власть, и министра финансов Бернацкого о том, что Деникин передал Врангелю всю полноту власти. (Будницкий 2008: 245).

¹²² Е.В. Саблин – Министру 19 апреля 1920 г. № 209. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 213об.

14 апреля 1920 г. П.Б. Струве телеграфировал в Париж о том, что он принял пост с просьбой «оповестить» об этом глав заграничных представительств. В историографии высказывалось мнение об «идеальности» выбора Врангелем руководителя своего внешнеполитического ведомства (Brinkley 1966: 245). Однако у руководства Корпуса, вероятно, были основания в этом сомневаться: оно взяло паузу. П.Б. Струве не помогло даже то, что для дипломатов он не был совсем «чуждым элементом» – в своё время успел поработать в МИД, а весной 1919 г. активно действовал в Париже в качестве уполномоченного Национального центра (Пайпс 2001: 348). В ведомстве сложившаяся ситуация отзывалась определённым замешательством. «Правда ли что ушёл в отставку С.Д. Сазонов? – беспокоился из Хельсинки А.В. Карташов. – Кто на место его и кто вообще теперь наше начальство?»¹²³.

23 апреля Врангель командировал главу своего внешнеполитического ведомства в тот самый Париж, пребывание в котором сделало Сазонова «бесплезным»¹²⁴. Руководители дипломатического ведомства, судя по телеграммам Маклакова, торопили с приездом финансиста Бернадского, однако настойчиво пытались отговорить от поездки во Францию Струве¹²⁵. Их не могло не беспокоить сообщение главнокомандующего о том, что глава его внешнеполитического ведомства, помимо решения политических проблем, должен «организовать Русское представительство за границей на твёрдых и определённых началах, как равно и руководство деятельностью наших дипломатических представителей за границей»¹²⁶. Кроме того, Сазонов, неоднократно демонстрировавший лично и рекомендовавший другим лояльность по отношению к Врангелю, мог продолжать свою деятельность, пока Струве был в Севастополе, но прибытие последнего в Париж должно было положить конец двусмысленной ситуации, сложившейся в верхах белой дипломатии.

Врангель в русских общественных кругах за границей имел репутацию консерватора, монархиста и реакционера, а Струве – «централиста и украинофаба»¹²⁷, но ещё до установления отношений с дипломатическим корпусом они оба выказали готовность считаться с реалиями времени, что в значительной степени сняло сомнения дипломатов на их счёт.

В этой ситуации Сазонов проявил готовность поступиться личным положением, но не делом, в которое верил, на которое работал. В начале мая, чувствуя приближение конца своей карьеры, он настоял на возвращении Гирса из Рима в Париж¹²⁸.

¹²³ А.В. Карташов – К.Н. Гулькевичу 26 мая 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Струве Д. 72. Л. 41об.

¹²⁴ П.Н. Врангель – В.А. Маклакову 23 апреля / 6 мая 1920 г. № 411. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 181. Д. 56. Л. 328.

¹²⁵ В.А. Маклаков – А.А. Нератову. 30 апреля, 15 мая, №№ 603, 667. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 229, Д. 3548. Л. 21.

¹²⁶ П.Н. Врангель – В.А. Маклакову 23 апреля 1920 г. № 411. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 328.

¹²⁷ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 6 мая 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!..» Т. 1. С. 206.

¹²⁸ Министр – М.Н. Гирсу 3 мая 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 312.

27 мая в Париже Струве выступил с докладом в русской Политической делегации (Чемакин 2020: 365), членом которой был и Сазонов. В тот же день министр циркуляром известил Корпус о сложении с себя полномочий. С вопроса о направлении дальнейшей работы и о согласовании действий он предложил своим бывшим подчинённым адресоваться к Михаилу Николаевичу Гирсу¹²⁹.

Заключение

В последний этап Гражданской войны русский Заграничный корпус вошёл не в качестве структуры севастопольского правительства, а как его партнёр. Руководство Корпуса признало опасным связывать свободу действий и саму судьбу ведомства с имевшим сомнительные перспективы Крымским правительством, усматривая свою задачу в защите ведомства от вмешательства «посторонних и малокомпетентных элементов»¹³⁰. При этом представительство приняло на себя обязательство всемерно помогать белой борьбе в России. Согласно заранее разработанной программе был предложен компромисс, по которому П.Б. Струве был признан министром, а М.Н. Гирс¹³¹ принял на себя согласование деятельности российского дипломатического представительства за границей с работой Управления внешних сношений при Главнокомандующем вооружёнными силами Юга России¹³². Таким образом, весной 1920 г. дипломатическое представительство приняло на себя осуществление внешнеполитических акций севастопольского правительства «по договорённости» как самостоятельная организация.

Сравнительно незначительный в рамках Гражданской войны период начала 1920 г. стал отправной точкой для решения вопросов продолжения деятельности Корпуса и форм бытия русского беженства в межвоенный период XX века.

История в полной мере подтвердила правоту С.Д. Сазонова и его сподвижников, которые не могли переломить объективные социальные и политические процессы в мире, но сумели сохранить своё ведомство, создать первые наметки удивительного феномена отечественной истории – государства «вне границ» – Русского Зарубежья, и благодаря этому способствовать спасению сотен тысяч жизней лишившихся Родины русских людей.

¹²⁹ С.Д. Сазонов – циркулярно посольствам и миссиям 27 мая 1920 г. № 709. ГАРФ. Ф. 6851. Оп.1. Д. 56. Л. 174.

¹³⁰ М.Н. Гирс – посланнику в Белграде В.Н. Штрандтману 13 января 1921 г. «Чему свидетели мы были...» Кн. 2. С. 404–405.

¹³¹ О.В. Будницкий приводит данные о том, что П.Б. Струве пытался провести на роль главы Корпуса В.А. Маклакова, но разделявший взгляды Сазонова и Гирса в последний год посол отклонил это предложение (Будницкий 2008: 249).

¹³² М.Н. Гирс – посольствам и миссиям 28 мая 1920 г. № 709. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 174; Ф. 5760. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

Об авторе:

Елена Михайловна Миронова – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. 119334, Москва, Ленинский проспект 32-А,
E-mail: alena.stankina@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: January 30, 2025
Accepted for publication: March 15, 2025
UDC: 94(47).083:327.82"1920"

Russian Non-Bolshevik Diplomacy Amidst the Crisis of the White Movement: Early 1920

 E.M. Mironova
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-69-98](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-69-98)

Institute of world history RAS

Abstract: Drawing upon extensive archival sources, this article examines a critical and challenging period in the history of the Foreign Diplomatic Corps of the White Movement. Despite the successive defeats experienced by the White armies within Russia, the diplomatic arm of the movement persisted in its operations abroad. Recognizing that subordination to Soviet authorities or the transfer of diplomatic responsibilities to representatives appointed by Moscow was unacceptable, the Corps' leadership opted to maintain organizational autonomy in the event of an unfavorable outcome to the Civil War. To achieve this goal, efforts were made to restore internal hierarchy and discipline, streamline the diplomatic staff, and preserve the representational functions of Corps institutions worldwide. Securing sustainable financial support for ongoing diplomatic activities also emerged as a priority.

Amid these organizational transformations, the Corps expanded its responsibilities by actively addressing the pressing needs of the rapidly growing Russian émigré community and protecting Russian assets overseas. The diplomatic leadership initiated discussions regarding legal safeguards for Russian citizens abroad, anticipating a potential defeat of the White Movement within Russia.

The rise of General Baron Wrangel to power in Sevastopol provoked mixed reactions among Russian émigré circles. Despite Foreign Minister S.D. Sazonov's demonstrated loyalty to Wrangel's government, the general chose to replace him, entrusting foreign policy management to P.B. Struve. Nevertheless, Sazonov successfully positioned Ambassador M.N. Girs, the Corps' most senior diplomat based in Rome, as the head of the Diplomatic Corps. Consequently, Struve and Girs jointly shared leadership and responsibility. Under this new arrangement, the Diplomatic Corps significantly reinforced its autonomous standing, effectively transforming itself from a subordinate agency into a fully recognized partner of the central authorities. This enhanced status provided the Corps with greater prospects for continuing its diplomatic activities following the conclusion of the Civil War in Russia.

Keywords: White Movement, Russian Civil War, Non-Bolshevik diplomacy, Foreign Diplomatic Corps, Russian emigration, Sergei Sazonov, Pyotr Struve, Baron Wrangel, diplomatic autonomy, Russian émigrés

About the author:

Elena M. Mironova – PhD (Historical science), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of world history RAS. Russia, 119334 Moscow, Leninsky Prospekt 32-A.
E-mail: alena.stankina@mail.ru.

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Brinkley G.A. 1966. *The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917–1921. A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War*. London. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 466 p.
- Ullman R.H. 1968. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*. In 3 vols. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. 396 p.
- Budnickij O.V. 2001. *Posly nesushchestvuyushchej strany* [Ambassadors of a Non-Existent Country]. «Sovershenno lichno i doveritel'no» B.A.Bahmetev – V.A.Maklakov. Perepiska 1919–1951. Moscow: Rosspen; Stenford: Izdatel'stvo Guverovskogo instituta, T. 1. P. 16–113. (In Russian)
- Budnickij O.V. 2008. *Den'gi russkoj emigracii: kolchakovskoe zoloto 1918–1957* [Money of the Russian Emigration: Kolchak's Gold 1918–1957]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 508 p. (In Russian)
- Chemakin A.A. 2020. Deyatel'nost' P.B. Struve kak ministra inostrannyh del pravitel'stva Yuga Rossii (1920) [Struve's Activities as Minister of Foreign Affairs of the Government of the South of Russia (1920)]. *Nauchnyj dialog* №12. P. 362–377. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377
- Ermakov V.P., Grishanin P.I. 2002. God 1920 v Krymu: «beloe delo» generala P.N. Vrangelya i pozicii pravitel'stva SShA [The Year 1920 in Crimea: The "White Case" of General P.N. Wrangel and the Position of the US Government]. *Aktual'nye problemy rossijskoj i mirovoj istorii*. Uchyonye zapiski. Vypusk I. Pyatigorsk. P. 99–107. (In Russian)
- Kroner E. 2011. *Belaya armiya, Chernyj baron: zhizn' generala Petra Vrangelya* [The White Army, the Black Baron: the Life of General Peter Wrangel.] Moscow: ROSSPEN. 462 p. (In Russian)
- Karlej M.D. 2017. Antibol'shevizm vo vneshnej politike Francii: pol'skij krizis 1920 g. [Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Polish Crisis of 1920]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*. Moscow. 3(10). P. 52–73. (In Russian).
- Listikov S.V. 2009. World without Russia. "White" Representation at the Paris Peace Conference. *MGIMO Review of International Relations*. 1(4). P. 15–29. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29 (In Russian)
- Mironova E.M. 2011. Polozhenie russkoj kolonii i sozdanie nebol'shevistskogo predstavitel'stva v Finlyandii (1917–1921) [The Situation of the Russian Colony and the Establishment of a Non-Bolshevik Representative Office in Finland (1917–1921)]. Saint Petersburg. *Klio*. №4. P. 77–83 (In Russian)

Mironova E.M. 2015. Kazusy rossijskogo predstavitel'stva v Shvejcarii v pervye porevolucionnyye gody (1917–1925 gg.) [Incidents of the Russian Representation in Switzerland in The Early Post-Revolutionary Years (1917–1925)]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Special'nyj vypusk «Istoriya bez kupyur». P. 132–145. (In Russian)

Mironova E.M. 2021. Zashchita russkoj diplomaticheskoy missiej v Belgrade interesov sootchestvennikov v Yugoslavii. 1919–1940 [Protection of the Interests of Compatriots in Yugoslavia by the Russian Diplomatic Mission in Belgrade. 1919–1940]. *Russkaya emigraciya na Balkanah*. Sbornik nauchnyh trudov. Skop'e. P. 81–97. (In Russian)

Mironova E.M. 2022. Mihail Nikolaevich Girs. Russkij diplomat v period grazhdanskoj vojny v Rossii i emigracii [Mikhail Nikolaevich Girs. Russian Diplomat During the Russian Civil War and Emigration]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 13(7(117)). (In Russian) DOI: 12.18254/S207987840022194-2

Mironova E.M. 2023a. Imperskaya diplomatiya na sluzhbe Rossii posle gibeli imperii (1917–1940) [Imperial Diplomacy in the Service of Russia after the Fall of the Empire (1917–1940)]. *Rossiya v centre istorii. Nauchnyj sbornik pamyati Niny Stepanovny Kinyapinoj (1920–2003)*. Moscow: Modest Kolerov, P. 433–467. (In Russian)

Mironova E.M. 2023b. Russkaya nebol'shevistskaya diplomatiya i vopros mezhdunarodnogo priznaniya Belogo dvizheniya v 1918–1920 gg. [Russian non-Bolshevik Diplomacy and the Issue of International Recognition of the White Movement in 1918–1920]. Moscow. *MGIMO Review of International Relations*. 16(1). P. 52–86. (In Russian) DOI: 10.24833/2071-8160-2023-1-88-52-86

Ross N. 1982. *Vrangel' v Krymu* [Wrangel is in Crimea]. Frankfurt am Main: Posev. 362 p. (In Russian)

Pajps P. 2001. *Struve. Biografiya* [Struve. Biography]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij. T. 2. 348 p. (In Russian)

Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918—1924 gg.: ot intervencii k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924: from Intervention to Recognition]. Saint Petersburg: Nauka. 830 p. (In Russian)

Shmelyov A.V. 2017. *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka. 1918–1919* [The Foreign Policy of Admiral Kolchak's Government. 1918–1919]. Saint Petersburg. 266 p. (In Russian)

Smolin V. 2017. *U zakrytyh dverej Versal'skogo dvorca. Parizhskaya mirnaya konferenciya i russkaya diplomatiya v 1919 g.* [At the Closed Doors of the Palace of Versailles. The Paris Peace Conference and Russian Diplomacy in 1919]. Saint Petersburg: Nauka. 419 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Будницкий О.В. 2001. *Послы несуществующей страны. «Совершенно лично и доверительно» Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков. Переписка 1919–1951*. Москва: РОССПЭН; Стэнфорд: Издательство Гюверовского института, Т. 1. С. 16–113.

Будницкий О.В. 2008. *Деньги русской эмиграции: колчаковское золото 1918–1957*. Москва: Новое литературное обозрение. 508 с.

Ермаков В.П., Гришанин П.И. 2002. Год 1920 в Крыму: «белое дело» генерала П.Н. Врангеля и позиции правительства США. *Актуальные проблемы российской и мировой истории. Учёные записки*. Выпуск I. Пятигорск С. 99–107.

Кронер Э. 2011. *Белая армия, Чёрный барон: жизнь генерала Петра Врангеля*. Москва: РОССПЭН. 462 с.

Карлей М.Д. 2017. Антибольшевизм во внешней политике Франции: польский кризис 1920 г. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. RF. 3(10). С. 52–73.

Листиков С.В. 2009. Мир без России: Белое представительство на Парижской мирной конференции. *Вестник МГИМО-университета*. 1(4) С. 15–29. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29

Миронова Е.М. 2011. Положение русской колонии и создание небольшевистского представительства в Финляндии (1917–1921). Санкт-Петербург. *Клио*. №4. С. 77–83.

Миронова Е.М. 2015. Казусы российского представительства в Швейцарии в первые пореволюционные годы (1917–1925 гг.). *Международная жизнь. Специальный выпуск «История без купюр»*. С. 132–145.

Миронова Е.М. 2021. Защита русской дипломатической миссией в Белграде интересов соотечественников в Югославии. 1919 – 1940. Русская эмиграция на Балканах. *Сборник научных трудов*. Скопье: Институт национальной истории. С. 81–97.

Миронова Е.М. 2022. Михаил Николаевич Гирс. Русский дипломат в период гражданской войны в России и эмиграции. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 13(7(117)). DOI: 12.18254/S207987840022194-2

Миронова Е.М. 2023а. Имперская дипломатия на службе России после гибели империи (1917–1940). *Россия в центре истории*. Научный сборник памяти Нины Степановны Киняпиной (1920–2003). Москва: Модест Колеров. С. 433–467.

Миронова Е.М. 2023б. Русская небольшевистская дипломатия и вопрос международного признания Белого движения в 1918–1920 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 16(1). Р. 52–86. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-1-88-52-86

Росс Н. 1982. *Врангель в Крыму*. Frankfurt am Main: Посев. 362 с.

Пайпс П. 2001. *Струве. Биография*. Москва: Московская школа политических исследований. Т. 2. 348 с.

Сергеев Е.Ю. 2019. *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918—1924 гг.: от интервенции к признанию*. Санкт-Петербург: Наука. 830 с.

Смолин В. 2017. *У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 г.* Санкт-Петербург: Наука. 419 с.;

Чемакин А.А. 2020. Деятельность П.Б. Струве как министра иностранных дел правительства Юга России (1920). *Научный диалог*. №12. С. 362–377.

Шмелёв А.В. 2017. *Внешняя политика правительства адмирала Колчака. 1918–1919*. Санкт-Петербург. 266 с.

Фактор антиядерного движения в Западной Европе в подходах США к переговорам с СССР о сокращении вооружений, 1979–1984 гг.

М.В. Бакшаев

Вятский государственный университет

В статье анализируются международные условия, способствовавшие возникновению и активизации антивоенных (антиядерных) движений в странах Западной Европы на рубеже 1970–1980-х гг., а также раскрываются подходы администрации США к этим движениям в контексте советско-американских переговоров. Исследование основано на широком круге источников, среди которых опубликованные документы администраций президентов США Дж. Картера и Р. Рейгана, материалы Государственного департамента и Центрального разведывательного управления США (включая электронные архивные коллекции), а также неопубликованные документы ЦК КПСС из фондов Российского государственного архива новейшей истории, пресса и мемуары современников. На основе анализа архивных документов и иных источников автор приходит к следующим выводам: 1) ключевым фактором, спровоцировавшим массовую активизацию антивоенных движений в Западной Европе, стало решение НАТО о размещении на европейской территории ракет средней дальности; 2) американские государственные ведомства рассматривали рост активности антивоенных движений в Европе не изолированно, а в тесной взаимосвязи с переговорным процессом по сокращению стратегических наступательных вооружений с Советским Союзом; 3) политика США была направлена на то, чтобы убедить западноевропейскую общественность в прочности американских гарантий безопасности и безальтернативности трансатлантического сотрудничества, тем самым ослабляя влияние Советского Союза на европейские антиядерные движения. Автор показывает, что данный подход американской администрации имел важное значение не только для нейтрализации антиамериканских настроений, но и для создания благоприятных условий для переговоров с СССР по вопросам стратегического разоружения.

Ключевые слова: американо-советские отношения, антивоенное движение, движение за ядерное разоружение, ракеты средней дальности, Брежнев, Бжезинский, Громыко, Картер, Рейган, Устинов

В середине 1970-х гг. общественно-политические движения Запада оказались перед выбором долгосрочной линии поведения: радикализация или «долгий марш через институты». Первое направление выбрали «Красные бригады», «Фракция Красной армии» и ряд других городских партизанских движений, считавших себя наследниками антифашистского Сопrotивления периода Второй мировой войны. По другому пути пошли участники гражданских инициатив, новых социальных и альтернативных движений – антивоенных, экологических, женских, антиядерных, коммунитарных, антиавторитарных, контркультурных¹, отказавшиеся участвовать в традиционной политике в пользу тактики прямого действия и методов гражданского неповиновения. Гражданские инициативы и новые социальные движения на Западе развивались во внепроизводственной среде, объединяли в своих рядах людей самых разных политических убеждений, членов различных партий, беспартийных и имели слабую организационную структуру (Вдовиченко, Загорский 1984: 7). Их растущая активность постепенно вытесняла рабочее движение на периферию общественно-политической борьбы.

Разрядка международной напряжённости в отношениях между СССР и США² способствовала созреванию на Западе движений «третьего пути» – не советского и не американского. И Москва, и Вашингтон учитывали фрагментированность этих движений и пытались привлечь их на свою сторону в идеологической борьбе блоков.

Одной из перспективных для исследования проблем является политика Вашингтона и Москвы в отношении антиядерных движений, заметно активизировавшихся во второй половине 1970-х гг. на фоне модернизации сверхдержавами своих стратегических arsenалов и переговоров об их ограничении. В настоящей статье будет показано, как ключевые американские ведомства (Конгресс, Государственный департамент, Совет национальной безопасности, Центральное разведывательное управление) реагировали на активность антивоенных, антиядерных движений в странах Западной Европы. Какие меры использовали

¹ Примеры некоторых значимых движений: Немецкий союз мира, Партия зелёных, Демократическая инициатива женщин, спонти, сквоттеры (кракеры), группы самопомощи в ФРГ; Комитет за ядерное разоружение в Европе (КОДЕНЕ), Экологическая конфедерация, Самоуправляющийся фронт: права женщин, экология, социализм; Движение за ненасильственную альтернативу во Франции; Национальная ассамблея комитетов за мир; Лига окружающей среды, Движение за освобождение женщин; «Лотта континуа», «Рабочая автономия», движения фабрично-заводских и зональных советов, Федеративное демократическое движение в Италии; Ассоциация за мир и разоружение, Гражданская платформа за выход Испании из НАТО, Христиане за мир, Координационная ассамблея экологического движения, Феминистская революционная организация (Феминистская партия), Координационный комитет гражданских организаций в Испании; Матери за мир и Кампания за ядерное разоружение в Великобритании; Мобилизация за спасение, Коалиция за новую внешнюю и военную политику, Друзья Земли, «Гринпис», Женщины за расовое и экономическое равенство, Национальный союз борьбы против расовых и политических репрессий в США; Движение христиан за мир и Женщины за мир в Швеции.

² О подходах к понятию «разрядка» в современной историографии см.: (Юнгблуд, Ильин 2023: 77–78).

администрации Дж. Картера и Р. Рейгана для дерадикализации и нейтрализации этих движений? Какие внешнеполитические решения принимали Белый дом, Конгресс, Госдепартамент в отношении Москвы с учётом активности движений за ядерное разоружение в странах Западной Европы?

Исследование основано на корпусе источников, включающем дипломатическую переписку, аналитические обзоры разведки США, материалы слушаний Конгресса, воспоминания государственных и общественных деятелей, а также публикации советской и зарубежной печати.

Историографическая база статьи многосоставна. В первую очередь, это исследования новых социальных, массовых, гражданских, альтернативных движений Запада в 1970–1990-х гг., к которым относятся антивоенные, антиядерные организации. Во-вторых, это труды по истории кризиса «евроракет». Третью группу работ составляют исследования европейских движений за ядерное разоружение в контексте советско-американских отношений 1980-х гг.

Советские обществоведы С.Г. Айвазова, М.А. Басманов, Г.И. Вайнштейн, Л.Н. Вдовиченко, Л.И. Гинцберг, Г.Л. Кертман, Б.Е. Зарицкий, И.М. Савельева, А.Б. Трухан, В.Ц. Худавердян изучали социальный состав и формы протестной активности новых социальных движений – антивоенных, экологических, студенческих, женских (Айвазова 1988; Вайнштейн 1988, 1990; Гинцберг 1988; Зарицкий 1988; Красин 1984; Иноземцева 1992, Худавердян 1986). В работах этих учёных подчёркивался международный аспект антивоенного движения, его зависимость от внешнеполитических шагов СССР и США, осуждалась идея равной ответственности СССР и США за усиление международной напряжённости в конце 1970-х – начале 1980-х гг., распространённая среди европейских пацифистов.

В российской историографии новые социальные движения детально исследованы в работах Я.С. Драбкина (Драбкин 1994) и В.В. Дамье (Дамье 2015), которые изучали данную проблематику ещё в советский период (Драбкин, Дамье 1985). В.В. Дамье выделяет два этапа развития антивоенного движения ФРГ 1980-х гг.: 1) период расширения и углубления (1980–1983), характеризовавшийся массовыми и сплочёнными акциями противников размещения ракет; 2) период «паузы для размышлений» (1984–1986), когда после принятия решения бундестага о размещении ракет в рядах движения за мир начались споры между организациями антиимпериалистической (антиамериканской) направленности и сторонниками равной ответственности сверхдержав.

Точки зрения российских и зарубежных историков сходятся в толковании причины возникновения антивоенного движения 1980-х гг.: это нарастание международной напряжённости (Janning, Legrand, Zander 1987; Lankowski 2004). Принятие «двойного решения» НАТО в 1979 г. привело к кризису, ответом на который стала антивоенная мобилизация западноевропейской общественности. Советские исследователи возлагали вину за кризис на США и положительно оценивали роль антивоенного, антиядерного движения на Западе. В со-

временной российской историографии советский подход оспаривается в свете новых источников и исследований. Согласно В.И. Михайленко, движение за мир против размещения американских ракет, поддерживаемое Москвой, потерпело неудачу из-за ошибочного расчёта Старой площади на то, что массовая антивоенная мобилизация в Европе повлияет на позицию США (Михайленко 2013). Н.В. Петров считает, что неуступчивость касательно предложения «нулевого решения» Р. Рейгана загнала советское руководство в тупик, вследствие чего оно было вынуждено сочетать «политику запугивания» с надеждой на активизацию антивоенного движения на Западе (Петров 2023: 678).

Намного раньше подобная точка зрения появилась в трудах англоязычных историков. Дж. Хаслэм полагал, что надежды на рост «межимпериалистических противоречий» и рост влияния западноевропейских движений за мир оказались иллюзорными, что проявилось во время переговоров в Женеве (Haslam 1989: 139–140). Вследствие этого, данные движения не стали действенным рычагом воздействия на позицию США. Другой вариант концепции ответственности СССР за кризис «евроракет» предложил Л. Нути, указавший, что «советская внешняя политика парадоксальным образом в конечном итоге способствовала реализации политики НАТО, принятие которой обсуждали западные союзники, но боялись претворять в жизнь» (Nuti 2009: 68).

Сторонник концепции «двойной» ответственности сверхдержав за кризис «евроракет» Р. Гартофф полагал, что односторонние оценки стратегической ситуации как в СССР, так и в США привели к серьёзным просчётам в понимании последствий принятых решений, которые стимулировали неблагоприятные ответные действия другой стороны, и подчёркивал пацифистский, антинатовский и антиамериканский характер антиядерного движения (Garthoff 1985: 886).

Хотя антиядерное движение не смогло остановить развёртывание ракет США в Западной Европе, оно дестабилизировало обстановку внутри стран НАТО, тем самым способствуя продвижению советской пропаганды. Исследуя истоки «двойного решения» НАТО, К. Ридман возлагает часть ответственности за кризис «евроракет» на лидеров стран Западной Европы, которые согласились с развёртыванием американских ракет вопреки желаниям широких слоёв электората, охваченных тревогой в связи с новым витком гонки вооружений и ощущавших «кризис демократии» (Readman 2011: 87). Исследования Г. Гертла, М. Евангелиста, Л. Нути, А. Сантезе, Дж. Хогга, П. Берка скорректировали прежде укоренившиеся представления о роли движения за ядерное разоружение в ходе кризиса «евроракет» (Brunet 2023; Njolstad 2004).

Исследование американского историка Дж. Сури можно рассматривать как фундаментальную работу, связывающую процесс разрядки и интернационализацию протестов на рубеже 1960–1970-х гг., которые предшествовали антиядерному движению 1980-х гг. (Suri 2005). М. Евангелиста отмечал транснациональный характер антивоенных движений в странах Западной Европы, сравнивая их с движениями за права человека в Восточной Европе (Leffler, Westad 2010: 414).

В работах историков С. Бреймана, Д. Гресса, Э. Кифера, У. Лакера, Р. Хантера и Л. Уитнера отмечается сильное влияние фактора антиядерных движений стран Западной Европы на политику США и НАТО, которые стали учитывать его при разработке стратегии, подготовке международных переговоров, работе с общественным мнением и СМИ (Breyman 2001; Keefer 2023; Laquer, Hunter 2017; Gress 1985; Wittner 2009).

Предметом статьи выступают оценки, планы, прогнозы и действия государственных ведомств США в отношении антивоенных, антиядерных движений, использовавшиеся в ходе формулирования стратегии Соединённых Штатов в отношении СССР в первой половине 1980-х гг. Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить степень информированности американских правительственных ведомств об антивоенных, антиядерных движениях Западной Европы, позицию по отношению к ним и как эта позиция сказывалась на политических связях США со странами Западной Европы с учётом советского фактора.

Группы «одной проблемы» как источник угроз для Запада: версия американских экспертов в Конгрессе

Если советские эксперты рассматривали антивоенные, антиядерные протестные движения Западной Европы как отчасти позитивное явление (Красин 2022: 40–47), то в США отношение к ним было настороженным. Такая деятельность рассматривалась как непосредственная угроза партийно-политическим системам стран Западной Европы. Наиболее рельефно данная точка зрения была представлена на слушаниях Конгресса США в 1978 г., когда наряду с проблемами советско-американской разрядки, леворадикального терроризма, еврокоммунизма в Испании, Италии и Франции обсуждался вопрос о новых протестных движениях, находившихся вне традиционно сложившейся партийно-парламентской системы стран Западной Европы.

3 августа 1978 г. в подкомитете по делам Европы и Среднего Востока Комитета по международным отношениям Палаты Представителей Конгресса США состоялись слушания «Западная Европа в 1978 г.: политические тренды и политика Соединённых Штатов». Председателем подкомитета на тот момент был Л. Гамильтон (Индиана, дем.).

На слушаниях проблема новых социальных движений³ поднималась в ходе выступления профессора политических наук Массачусетского технологического института (M.I.T.) С. Бергер. Она констатировала, что во Франции и Италии наблюдался огромный рост политизации и политической активности именно

³ Другое название, данное экспертом С. Бергер этим движениям, – группы «одной проблемы» или группы «одного дела». В случае достижения цели борováшаяся за её реализацию группа прекращала свою деятельность. Однако к середине 1970-х гг. такие группы не прерывали организационные связи. Участники групп применяли навыки и приобретённый в ходе предыдущей деятельности опыт сотрудничества для решения других задач.

тогда, когда традиционные политические силы утрачивали прежнюю способность организовывать оппозицию правительствам. Новые протестные движения – группы «одной проблемы» и леворадикальные организации – отказались от обращения к традиционным инструментам политического действия. Бергер определила группы «одной проблемы» как «новые антипартийные, антибюрократические, антиинституциональные движения – от экологических, феминистских, антиядерных, региональных этнических групп до террористических организаций»⁴. Деятельность этих групп, по мнению Бергер, дестабилизировала ситуацию в странах Западной Европы⁵, особенно в условиях, когда традиционные политические партии не сумели направить новую политическую активность и новые требования в системное русло⁶. Эксперт оценивала появление новых протестных движений как следствие кризиса, охватившего западноевропейские страны, и отмечала следующие черты сходства протестных движений конца 1960-х и конца 1970-х гг.: 1) отказ от требования материального благополучия; 2) отказ от тезиса о том, что экономический рост и научно-техническое развитие автоматически ведут к прогрессу; 3) отказ от традиционных форм политики (выборы, партийные организации).

В ходе обсуждения Л. Гамильтон задал С. Бергер важный вопрос: существуют ли перспективы поглощения этих движений традиционными политическими партиями? Эксперт ответила, что этот процесс будет трудным и долгосрочным, что связано с фрагментацией требований этих движений, которые «не координируются и не интегрируются в какие-либо последовательные партийные программы»⁷. Она признавала, что будущее Франции и Италии зависит от способности партий привлечь или кооптировать некоторых сторонников групп «одной проблемы». Наибольший успех в этом направлении смогли достичь французские социалисты, которые поддерживали протест против строительства ядерных реакторов.

Вставал вопрос: каким образом следовало учитывать эти процессы в американской внешней политике? Проблема для американской внешней политики, считала Бергер, заключалась в том, «насколько и какого рода политическое разнообразие во внутренней жизни стран, входящих в альянс НАТО», можно считать приемлемым для администрации США⁸. Публичное вмешательство

⁴ Western Europe in 1978: Political Trends and U.S. Policy. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on International Relations House of Representatives Ninety-Fifth Congress Second Session. 1978. July 12, 17 and August 3, 1978. Washington: U.S. GPO. P. 123.

⁵ «Хотя очевидно, что между этими группами существуют весьма ограниченные связи, совокупное воздействие всех этих групп должно ослабить существующие правительства. Нет никакого реального сговора между, например, экологическими группами и террористами, но совместное присутствие и деятельность этих групп значительно затрудняют управление этими обществами». Цит. по: Western Europe in 1978: Political Trends and U.S. Policy. Hearings ... P. 124.

⁶ Ibid. P. 133.

⁷ Ibid. P. 151.

⁸ Ibid. P. 140.

в выборы подорвало бы доверие Европы к США и поддержку американской общественностью союза США с Западной Европой. Бергер предложила, чтобы Конгресс и Президент чётко сформулировали критерии, по которым будут оцениваться изменения во внутренней политике европейских союзников.

Причины возникновения движений за мир в Западной Европе

Одним из самых массовых новых социальных движений Западной Европы первой половины 1980-х гг. стало антивоенное (антиядерное) движение, которое было протестом против размещения Соединёнными Штатами ракет средней дальности в странах НАТО. Решение о размещении ракет в Европе стало ответом НАТО на развёртывание Советским Союзом модернизированных ракет средней дальности РСД-10 «Пионер» (по классификации США и НАТО – СС-20).

Новые ракеты предназначались для замены ракет СС-4 и СС-5, производство которых было остановлено в 1962 и 1965 гг. Существенную роль в принятии данного решения сыграло стремление Москвы преодолеть ядерное превосходство НАТО в Европе. С 1948 г. в Англии, Западной Германии, Италии и Турции началось активное развёртывание американских сил передового базирования, способных наносить удары по территории СССР и его союзников. Ядерный потенциал Североатлантического альянса вскоре пополнился благодаря союзникам США: Англия стала обладать ядерным оружием в 1952 г., а Франция – в 1961 г. Вопрос о необходимости учёта американских ядерных средств и ядерных средств американских союзников поднимался в ходе советско-американских переговоров по ограничению стратегических наступательных вооружений с 1969 г., однако американская сторона упорно отказывалась его рассматривать (Добрынин 1996: 447).

Решение по форсированному размещению ракет РСД-10 было согласовано генеральным секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежневым и министром обороны Д.Ф. Устиновым в 1975 г. без широкого обсуждения на уровне Политбюро ЦК КПСС. По свидетельству А.М. Александрова-Агентова, помощника по международным делам генерального секретаря ЦК КПСС, Устинов считал, что развёртывание этих ракет решало «долгую и трудную для Советского Союза проблему обороны от окружавших наши границы почти по всему их периметру американских военных баз и подводных лодок, снабжённых ядерным оружием» (Александров-Агентов 1994: 269).

В 1976 г. в европейской части СССР началось развёртывание модернизированных ракет «Пионер» – мобильных, с тремя головными частями вместо одной на прежних ракетах. Как отмечал заведующий Первым Европейским отделом МИД СССР А.Л. Адамишин: «Меняли мы ракета на ракету, т. е. зарядов прибавлялось в три раза, да ещё и старые убирать не спешили. ... “Пионеры”, по нашим расчётам, позволяли нейтрализовать угрозу со стороны американских

ядерных сил передового базирования» (Адамишин 2016: 56). Впоследствии министр иностранных дел СССР А.А. Громыко признавал: «Здесь телегу – ракеты СС-20 – поставили впереди лошади – большой политики в отношении США и Западной Европы. Не было должного политического обоснования этой военной акции, обоснования появились с опозданием» (Громыко 1997: 74).

Устинов, заручившись поддержкой Брежнева, решил сыграть на опережение США. А.А. Громыко и председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин считали, что добавление РСД-10 к военному арсеналу мало что меняло в общем соотношении ракетных ядерных сил (Громыко 1997: 55), однако в прямую полемику с Устиновым не вступали. В 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС Громыко объявил установку РСД-10 «грубой ошибкой в нашей европейской политике» (Черняев 2008: 82).

Проблема евrorакет закладывала под советско-американские отношения «мощную мину замедленного действия» (Добрынин 1996: 446). После того, как стало известно о размещении ракет, Советский Союз был обвинён в том, что они направлены не только на американские объекты, но и на европейские города. Тем самым появился предлог для размещения высокоточных американских ядерных ракет «Першинг-2». Это вызвало серьёзную обеспокоенность в Москве, так как американские «першинги» становились де-факто стратегическими ракетами, время полёта которых составляло от 8 до 10 минут (Петров 2023: 675).

В январе 1979 г. на встрече в Гваделупе президента США Дж. Картера, канцлера ФРГ Г. Шмидта, премьер-министра Великобритании Д. Каллагана и президента Франции В. Жискара д'Эстена была достигнута негласная договорённость о размещении ракет средней дальности в Европе (Добрынин 1996: 446). Однако европейские лидеры надеялись на достижение взаимоприемлемого соглашения с Москвой. В мае 1978 г. канцлер Шмидт беседовал с Брежневым в Бонне, а летом 1979 г. встретился в Москве с Косыгиным. Шмидт настойчиво просил решить вопрос об СС-20. Он предлагал не развёртывать ракет СС-20 больше, чем было ракет СС-4 и СС-5, или ограничиться меньшим их числом с учётом более высоких качественных характеристик, рассчитывая, что при таком решении «вопрос о размещении новых американских ракет будет снят» (Добрынин 1996: 447). Косыгин доложил о просьбе Шмидта на Политбюро, видя в ней «реальный шанс найти приемлемый для нас компромисс», однако сразу получил отповедь со стороны Устинова, который с ходу отверг возможность корректировки планов размещения ракет (Адамишин 2016: 58). Громыко не стал спорить с министром обороны. Шмидт, не увидев реакции советской стороны на своё предложение, стал убеждённым сторонником размещения американских ракет средней дальности в странах Западной Европы.

Соединённые Штаты не могли согласиться на советское военное преимущество в Европе. Об этом Добрынину говорили госсекретарь США С. Вэнс и помощник президента США по национальной безопасности Зб. Бжезинский. Обе стороны не желали идти на серьёзные уступки. Предложения Брежнева

сократить часть аналогичных советских ракетных сил, если НАТО не будет размещать американские ракеты, и вывести из ГДР 20 тыс. советских войск и 1000 танков в течение 1980 г. были отвергнуты Картером. Он также отверг предложение немедленно начать переговоры по вопросам развёртывания ракет средней дальности в Европе. Администрация Картера решила сначала разместить ракеты, а уже затем обсуждать этот вопрос с Москвой (Добрынин 1996: 448). Попытки советского руководства противодействовать принятию решения об установке «Першингов-2», как считал заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС А.С. Черняев, были изначально проигрышным делом (Черняев 2008: 47).

Размещение ракет средней дальности в западноевропейских странах администрация Картера объясняла не только военными, но политическими соображениями. Бжезинский считал, что при отсутствии ответных уравнивающих средств СССР может оказать сильный нажим на Западную Европу, поставив её перед выбором: либо быть уничтоженной, либо согласиться на нейтральный статус и порвать союзнические связи с США (Добрынин 1996: 449). Стратегические установки Бжезинского по смыслу совпадали с позицией премьер-министра Великобритании М. Тэтчер, считавшей, что «подкрепить стратегию НАТО было возможно только путём модернизации ядерного оружия средней дальности в Европе» (Тэтчер 2014: 422). Европейские лидеры в вопросе укрепления безопасности не видели альтернативы размещению американских ракет в своих странах.

12 декабря 1979 г. в Брюсселе на специальной встрече министров иностранных дел и обороны стран НАТО было принято решение развернуть 108 пусковых установок «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты наземного базирования для замены ракет «Першинг-1А», а также модернизировать ядерные силы США, размещённые в странах Западной Европы. Решение НАТО считалось «двойным»: если до 1983 г. СССР и США не придут к соглашению, то американские ракеты средней дальности в течение следующих двух лет будут установлены в Европе. Данный шаг объяснялся необходимостью компенсировать советское стратегическое превосходство, возникшее в результате размещения на западных границах СССР ракетных комплексов средней дальности РСД-10 «Пионер», позволявших уничтожить инфраструктуру НАТО в Западной Европе (Петров 2023: 673).

Дж. Картер утверждал: «Теперь, на основе силы, мы можем вести переговоры с Варшавским договором о сокращении ядерного оружия, а также, как мы надеемся, о сокращении обычных вооружений на всём европейском театре военных действий»⁹. Картер имел основания делать такие заявления, поскольку

⁹ Remarks by President Carter. 1979. Washington, December 12. *United States Defense Policy. Foreign Relations of the United States* (далее – *FRUS*). 1977–1980. Vol. I. P. 672.

размещение «Першингов» нивелировало советское преимущество: «Пионеры» до США не доставали, а подлётное время американских ракет с баз стран Западной Европы сокращалось до минимума. Советскую сторону такая ситуация не устраивала. Секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов в беседе с делегацией Французской компартии, прошедшей 9 января 1980 г., подчёркивал неприемлемость для Советского Союза переговоров по ракетам средней дальности с «позиции силы»¹⁰, говорил об отказе от участия в предлагаемых США переговорах, обусловленных решением НАТО. «По вопросу о средствах средней дальности СССР готов сесть за стол переговоров, если решение НАТО будет отменено или если его осуществление будет официально приостановлено и об этом будет официально заявлено»¹¹.

Становилось всё очевиднее, что размещение американских ракет в Европе, направленное на сохранение превосходства над СССР и его союзниками, неизбежно (Bange, Villaume 2017: 44). Тем временем ряд западноевропейских стран охватили антивоенные и противоракетные настроения, которые стали основой масштабного общественного протеста коммунистических партий и новых социальных движений.

Отношение администрации Рейгана к антивоенным движениям в странах Западной Европы в начале первого президентского срока

В первые месяцы своей работы администрация Рейгана не проявляла интереса к проблеме контроля над ядерным оружием или разоружением. Должности в сфере национальной безопасности в администрации заняли члены Комитета по существующей опасности (Р. Аллен, П. Нитце, У. Кейси, Р. Пайпс, Р. Перл, Ю. Росту и др.), которые не были согласны с политикой предыдущей администрации и выступали за наращивание ядерного потенциала. Заявления представителей новой администрации о намерении добиться стратегического превосходства и разговоры о возможной ограниченной ядерной войне вызвали кампанию за замораживание ядерного оружия в США. Антиядерная агитация была особенно ожесточённой в Западной Европе. Почти в каждой западноевропейской стране антиядерные группы переросли в массовые движения и были поддержаны коммунистическими, социалистическими и социал-демократическими партиями.

В администрации Рейгана движение за заморозку ядерного оружия в США было воспринято как серьёзная политическая угроза. Советник президента по национальной безопасности Р. Макфарлейн (1983–1985) вспоминал

¹⁰ Именно на это было рассчитано решение НАТО, по мнению не только советской, но и американской стороны – как это следует из приведённой выше цитаты Картера.

¹¹ Памятка к выступлению М.А. Суслова на переговорах с делегацией Французской компартии. 9 января 1980 г. *Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)*. Ф. 81. Оп. 1. Д. 387. Л. 21.

об опасениях, что движение подорвёт поддержку Конгрессом программы модернизации ядерного оружия и негативно повлияет на президентскую кампанию 1984 г. Администрация была ещё сильнее обеспокоена антиядерной волной в Западной Европе и ответила энергичной кампанией «публичной дипломатии». Информационное агентство США (USIA) потратило немало энергии на объяснение причин установки американских ракет и провозглашение мирных намерений Америки. Высшие должностные лица США, включая Рейгана и вице-президента Дж. Буша-старшего, разъехались по странам Западной Европы, чтобы продвигать ядерную политику администрации (Wittner 2000).

Фактор антивоенного движения в странах Западной Европы был не первоочередным, но весьма заметным при разработке внешнеполитической позиции США. Рейган провозгласил целью внешней политики восстановление солидарности внутри Североатлантического альянса для исправления военного дисбаланса между Востоком и Западом и для сдерживания советского международного поведения. Госсекретарь А. Хейг (1981–1982) полагал, что стратегический дисбаланс унаследован от слабого и непоследовательного руководства администрации Картера и породил в Европе ошибочные опасения о скором столкновении США и СССР, от которого пострадает Европа. Усиление в странах-союзниках экологических, антиядерных и разоруженческих настроений проходило на фоне согласованной позиции стран НАТО по модернизации ядерного оружия на основе «двойного решения». При таких обстоятельствах чувствительными точками давления становились Германия, Италия, Бельгия, Великобритания, где усиливались антиядерные и леворадикальные настроения и имелись в достаточном количестве сторонники нормализации отношений с СССР¹². Хейг считал, что эти факты нужно учитывать «не только для того, чтобы сохранить поддержку политики США и Альянса, но и для того, чтобы выжить и уберечь свои партии от краха»¹³. В беседе с Хейгом канцлер Г. Шмидт, 9 апреля 1981 г. обвинивший Москву в нарушении баланса сил в Европе и признавший необходимость размещения ракет, попросил передать Рейгану, что ФРГ будет твёрдо поддерживать решение разместить «Першинги» и крылатые ракеты на своей территории, вне зависимости от протестов пацифистов («независимо от того, как сильно будут кричать крайне левые»¹⁴). Однако для «политической обоснованности» развёртывания ракет, добавил Шмидт, требовался сам факт проведения переговоров Вашингтона и Москвы об ограничении развёртывания ядерных сил в Европе. В аналитической записке, направленной Рейгану 29 апреля 1981 г., Хейг считал, что развёртывание ядерных сил в Западной Европе поможет восстановить утраченное при прошлых президентах доверие союзников:

¹² Memorandum from Secretary of State Haig to President Reagan. Washington, April 29, 1981. SUBJECT: The Atlantic Alliance. *FRUS*. 1981–1988. Vol. I. P. 162.

¹³ *Ibid.* P. 163.

¹⁴ *Ibid.* P. 163.

«После того, как мы вернём себе их доверие, мы будем в лучшем положении, чтобы добиваться большего от союзников. Чтобы обрести это доверие, требуются постоянство и терпение. Это задача на несколько лет»¹⁵.

Вопрос о демонстрациях против размещения ядерного оружия в Европе обсуждался в ходе беседы госсекретаря Хейга с представителями британских деловых кругов, посетивших США под эгидой Королевского института международных отношений (Chatham House) 27 октября 1981 г. Госсекретарь заметил, что подоплёка антиядерных демонстраций в Европе заключается не столько в пацифистских и нейтралистских устремлениях участников, сколько в их глубокой обеспокоенности за собственную безопасность, на которую накладываются религиозные и экологические соображения¹⁶. Хейг не сомневался в участии Советского Союза в организации «мирных» движений и акций, однако никаких доказательств не привёл. Перед участниками беседы закономерно был поставлен вопрос: что следует предпринять для снижения протестов? Представители Chatham House предлагали усилить информационно-пропагандистскую работу в странах Европы: «...если бы было меньше невежества в вопросах дисбаланса между силами ОВД и НАТО, то было бы больше понимания причин наращивания сил США в Европе»¹⁷. Протестующую молодёжь, по его мнению, следовало убедить в наличии дисбаланса сил и угрозы безопасности странам Европы со стороны СССР.

Под воздействием протестов в США и странах Западной Европы администрация Рейгана адаптировала свою политику к антиядерным настроениям. 18 ноября 1981 г. Рейган предложил «нулевой вариант» для переговоров по ракетам средней дальности: Соединённые Штаты соглашались ликвидировать «Першинги» и крылатые ракеты при условии, если Советский Союз демонтирует все СС-20, СС-4 и СС-5. Как сообщал министр обороны К. Уайнбергер (1981–1987), «нулевой вариант» Рейгана, инициированный для успокоения западного общественного мнения, поддержали многие антиядерные группы (Weinberger 1990: 237). Фактически это предложение гарантировало провал переговоров, так как Советский Союз выступил против размещения любых американских ракет средней и меньшей дальности в Европе и предложил установить потолок в 300 ракет «средней дальности» и самолётов, способных нести ядерное оружие, для обеих сторон (британские и французские ядерные ресурсы в этих калькуляциях включались в суммарные значения сил Запада)¹⁸. В ночь объявления Рейганом «нулевого варианта» директор управления по военно-политическим вопросам Госдепартамента США Р. Берт сказал лидеру Европейской кампании за ядерное

¹⁵ Memorandum from Secretary of State Haig to President Reagan. Washington, April 29, 1981. SUBJECT: The Atlantic Alliance. *FRUS*. 1981–1988. Vol. I. P. 165.

¹⁶ Memorandum of Conversation. Washington, October 27, 1981, 3:15–4:05 p.m. *FRUS*. 1981–1988. Vol. III. Soviet Union. January 1981 – January 1983. P. 339.

¹⁷ *Ibid.* P. 340.

¹⁸ *Правда*. 24 июля 1983 г. С. 5.

разоружение М. Калдор: «Мы взяли эту идею из ваших баннеров. Знаете, тех, на которых написано “Никаких «крылатых», никаких «Першингов», никаких СС-20”» (Wittner 2005: 315).

В апреле 1982 г. Рейган сменил риторику, признав, что «ядерную войну невозможно выиграть и её никогда нельзя вести» и солидаризовался с противниками ядерной войны¹⁹. Администрация Рейгана приняла основную позицию своих критиков (точнее, антиядерную риторику) в качестве средства подрыва их влияния и предоставления США возможности удобного оправдания для наращивания ядерного потенциала.

В то же время администрация Рейгана крайне чувствительно отнеслась к активизации на территории США Всемирного совета мира (ВСМ)²⁰. Разведка сообщила президенту 7 января 1982, что ВСМ при советской финансовой поддержке собирается проводить массовые демонстрации в США «в поддержку советских инициатив». Советник президента по национальной безопасности У. Кларк рекомендовал «дать указания Государственному департаменту отказывать в выдаче виз иностранцам, связанным с ВСМ, или лицам, планирующим посетить мероприятия ВСМ»²¹. Президент в тот же день одобрил это предложение.

Позиции государственных ведомств США по вопросу антивоенных движений в Европе в свете переговоров с СССР

Администрация Рейгана готовила позицию для предстоящих переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ). В апреле 1982 г. в разработке позиции участвовали Совет национальной безопасности (СНБ), Министерство обороны, Госдепартамент, Агентство по контролю над вооружениями и разоружению. Несмотря на наличие разногласий, эти ведомства согласились, что ограничению должны подлежать не только средства доставки ядерного оружия (пусковые установки ракет и тяжёлые бомбардировщики), но и «количество боеголовок баллистических ракет, вес боеголовки баллистической ракеты, забрасываемый вес баллистической ракеты и количество стратегических средств доставки ядерного оружия»²². Первоочередной за-

¹⁹ Reagan R. 1982. Radio Address to the Nation on Nuclear Weapons. April 17. *Public Papers of Ronald Reagan*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/public-papers-ronald-reagan-april-1982> (accessed 18.03.2025)

²⁰ «В результате советских организационных усилий и тайной финансовой помощи на протяжении многих лет ВСМ превратился в эффективный инструмент советской внешней политики». World Peace Council Reenters the Lists. Bureau of Intelligence and Research, Department of State. 11 July 1981. Collection: Matlock, Jack: Files. Folder Title: World Peace Council – USSR (1). Box: 44. P. 33. *Ronald Reagan Presidential Library. Digital Library Collections*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2020-12/40-351-189389783-044-006-2018.pdf> (accessed 18.03.2025)

²¹ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Clark) to President Reagan. Washington, January 7, 1982. SUBJECT: World Peace Council. *FRUS*. 1981–1988. Vol. III. P. 408.

²² Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Clark) to President Reagan. Washington, April 20, 1982. SUBJECT: NSC Meeting, Wednesday, April 21, 1982. *FRUS*. 1981–1988. Vol. XI. START I. P. 17.

дачей соглашения, согласно позиции СНБ, было установление стратегической стабильности в сфере ядерных вооружений: «Соглашение СНБ должно способствовать стабильности за счёт снижения уязвимости стратегических сил США. Значительные ограничения на наиболее угрожающие советские системы межконтинентальных баллистических ракет могли бы способствовать достижению этой цели»²³. СНБ обращало особое внимание на связи переговоров о сокращении стратегических вооружений (США – СССР) с переговорами о ракетах среднего и малого радиуса действия, напрямую затрагивавших положение стран Европы. Госдепартамент считал необходимым выдвинуть такие предложения, которые бы получили широкую поддержку в США и среди союзников по НАТО, что было важно «в свете политических проблем», возникших вследствие активности и массовости «движения за остановку гонки ядерных вооружений в США и движения за мир в Европе»²⁴. В позициях Госдепартамента и Министерства обороны имелись разногласия по вопросу о забрасываемом весе ракет. Военные считали, что неравный вес усилит советское военное превосходство, тогда как дипломаты полагали ограничения по весу не поддающимися проверке в той же степени, как ограничения по боеголовкам ракет или пусковым установкам²⁵.

На заседании СНБ 21 апреля 1982 были определены «счётные единицы» сокращения стратегических вооружений: 1) боеголовки баллистических ракет; 2) пусковые установки; 3) забрасываемый вес ракеты; 4) вес боеголовки; 5) бомбардировщики; 6) вооружение бомбардировщиков. Эти «единицы», по утверждению Берта, были выведены, исходя из критериев простоты понимания (для получения широкой поддержки); защиты интересов союзников США; соответствия позиции по РСМД²⁶.

В стенограмме заседания представлен стратегический баланс ядерных сил с точки зрения США: «По развёрнутым ракетным боеголовкам СССР немного впереди (7500 против 7100). По ракетным боеголовкам, учитываемым в рамках ОСВ (включая «Посейдон»), США немного впереди (9500 против 8800). По стратегическим средствам доставки ядерного оружия Советы имеют существенное преимущество (2763 против 1944). В забрасываемом весе ракет Советы имеют очень существенное преимущество (5,1 против 1,9 кг). Советы лидируют в бомбардировщиках, включая «Бэкфайр»²⁷ (415 против 347); однако США лидируют по количеству бомбардировочного оружия»²⁸.

²³ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Clark) to President Reagan. Washington, April 20, 1982. SUBJECT: NSC Meeting, Wednesday, April 21, 1982. *FRUS*. 1981–1988. Vol. XI. START I. P. 18.

²⁴ *Ibid.* P. 23.

²⁵ *Ibid.* P. 22, 28.

²⁶ Minutes of a National Security Council Meeting. Washington, April 21, 1982, 10:30–11:40 a.m. SUBJECT: Strategic Arms Reductions Talks (START). *FRUS*. 1981–1988. Vol. XI. P. 29.

²⁷ «Бэкфайр» – название советского дальнего сверхзвукового бомбардировщика Ту-22М в классификации НАТО.

²⁸ *Ibid.* P. 30.

Подходы ведомств к вопросу о расчётных единицах отличались. Если все ведомства выступали за сокращение числа боеголовок до уровня 4–5 тыс. единиц и ограничение бомбардировщиков до примерно 250, то в случае с пусковыми установками не было поддержано предложение Госдепартамента ограничить их до 1500. Наибольшие разногласия вызвало ограничение забрасываемого веса ракеты. Госдепартамент выступал за сокращение тяжёлых ракет и боеголовок МБР; Агентство по контролю за вооружением и разоружению – за ограничение веса боеголовки; Министерство обороны предлагало сократить забрасываемый вес советских ракет до уровня США²⁹. Примечательно заявление председателя Объединённого комитета начальников штабов генерала Д. Джонса: «...Предложения ведомств сосредоточены на сокращении боеголовок ракет, в то время как нам на самом деле нужно будет увеличить количество вооружения бомбардировщиков и подводных лодок. Но в этом случае нас могут воспринять как тех, кто не стремится к значительным сокращениям»³⁰. Эти слова были расценены директором Агентства по контролю за вооружением и разоружению Ю. Ростом как попытка «вести переговоры за Советы». Ростом считал, что советские системы первого удара (МБР) следовало сократить в первую очередь: «В настоящее время Советы могут вывести из строя наши МБР одной пятой своих сил. Наше предложение отняло бы у них две трети возможности первого удара»³¹. Директор Агентства подчёркивал важность антиядерного движения, необходимость формирования положительного отношения в США и странах Западной Европы к американским инициативам по СНВ. Однако его в большей степени беспокоил возможный возврат к изоляционизму, который продвигало антиядерное движение: «Сейчас всё больше людей, которые перед лицом наращивания Советов хотят вывести американские войска из Европы... Генри Киссинджер сказал в Брюсселе, что великие державы не совершают самоубийства ради других стран. У нас есть реальные проблемы; я думаю, нам действительно нужно восстановить нашу репутацию»³².

Выработка американской позиции по СНВ совпала с определением позиции администрации Рейгана по отношению к антиядерному движению в США. Помощник президента по национальной безопасности У. Кларк видел цель работы с общественностью по этому вопросу следующим образом: «Мы должны приветствовать обеспокоенность общественности проблемой [ядерной войны – Авт.], поскольку она параллельна нашей собственной. Но мы должны убедить общественность, что наша политика лучше всего подходит для решения новых проблем: что одностороннее разоружение Соединённых Штатов только

²⁹ Minutes of a National Security Council Meeting. Washington, April 21, 1982, 10:30–11:40 a.m. SUBJECT: Strategic Arms Reductions Talks (START). *FRUS*. 1981–1988. Vol. XI. P. 30.

³⁰ *Ibid.* P. 31.

³¹ *Ibid.* P. 31.

³² *Ibid.* P. 32.

подвергнет нас большей опасности; что прогресс может быть достигнут только тогда, когда Советы (следует задаться вопросом: где их антиядерное движение) ответят на наши опасения по поводу роста их обычных и ядерных вооружений. Мы должны выйти за рамки статического пересказа нашей политики, чтобы вызвать настоящий энтузиазм для новых инициатив по мере их развёртывания, особенно наших предложений по СНВ. ... мы должны подчеркнуть роль президента как миротворца, но мы не должны допустить, чтобы русские соскользнули с крючка. Мы также должны сосредоточиться на конкретной политике и новых инициативах; в противном случае наше “мирное наступление” будет встречено с цинизмом как дома, так и за рубежом»³³.

Кларк предложил такую стратегию работы с антиядерным движением в США: 1) информировать население об инициативах Администрации в области ядерного разоружения в ходе публичных и телевизионных выступлений, встреч с редколлегиями газет и журналов, интервью в СМИ; 2) установить негласные связи с активистами антиядерного движения в США – не для переубеждения участников, а для убеждения заинтересованной общественности «в нашей добросовестности и разумности»; 3) обратиться к вопросу контроля за вооружениями в речи Р. Рейгана о внешней политике в мае и в речи перед поездкой в Европу, что может стать «ключом к получению общественной поддержки с июня по ноябрь»³⁴.

Администрация Рейгана отслеживала советскую позицию по СНВ и РСД. Госсекретарь Хейг направил Рейгану изложение фрагмента речи Брежнева на XIX съезде ВЛКСМ (май 1982), затрагивавшего предстоящие переговоры в Женеве между СССР и США. Брежнев обращался к сторонникам движения за мир в Западной Европе, на что обратил внимание Хейг: «Речь Брежнева явно нацелена на общественное мнение в Соединённых Штатах и особенно в Западной Европе. Она подчёркивает широкие жесты, как по СНВ, так и по РСД, но даёт мало информации о советском подходе к переговорам... Подыгрывая движению за замораживание ядерного оружия, это предложение является логическим продолжением советских предложений по замораживанию РСД. ... Мы можем ожидать, что призыв Брежнева к замораживанию стратегического оружия займёт видное место в советской пропаганде»³⁵.

³³ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Clark) to the Counselor to the President (Meese), the White House Chief of Staff and Assistant to the President (Baker), and the Deputy White House Chief of Staff and Assistant to the President (Deaver). 1982. Washington, April 22. SUBJECT: Policy Offensive on Arms Control and the Anti-Nuclear Movement. *FRUS*. 1981–1988. Vol. I. P. 349.

³⁴ Ibid. P. 351.

³⁵ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Clark) to President Reagan. May 24, 1982. SUBJECT: Secretary Haig's Memo on President Brezhnev's Komsomol Speech. *FRUS*. 1981–1988. Vol III. Soviet Union. January 1981 – January 1983. P. 556.

Брежнев критиковал предложения Рейгана по СНВ как способствующие достижению военного превосходства США и ставящие под угрозу безопасность СССР, предлагал запретить или строго ограничить разработку новых типов стратегического оружия, выражал готовность рассмотреть более глубокие сокращения РСД, чем те, которые ранее предлагал Советский Союз (Брежнев 1982: 487–491). Главная задача в деле мира, согласно Брежневу, состояла в том, чтобы снизить ядерное противостояние в Европе³⁶.

Противодействие антивоенному движению в странах Западной Европы не выделялось в качестве самостоятельной внешнеполитической цели США. 16 сентября 1982 в Отделе политического планирования Госдепартамента был подготовлен документ «Среднесрочное планирование. Обзор информации о внешней политике США» с указанием ближайших внешнеполитических целей, среди которых выделялись «противодействие авантюризму СССР и его подставных организаций», «взятие под контроль вопроса мира», «поддержка программы контроля над вооружениями, способствуя развёртыванию РСД», «укрепление НАТО». Отдел политического планирования запросил на 1984 г. 1,7 млрд долл., чтобы поддерживать политику США в Европе и оборонять страны НАТО от угроз³⁷.

В 1983 г. Совет по политическому планированию Госдепартамента подготовил аналитическую записку «Взгляд из Москвы». В подготовке участвовали директор Управления по военно-политическим вопросам СНВ в 1984 г. С. Сестанович, член Совета по планированию политики Госдепартамента в 1984–1985 гг. Дж. Азраил, директор Аналитического управления по Советскому Союзу и странам Восточной Европы Бюро разведки и исследований Госдепартамента США Р. Барац, сотрудник Управления Советского Союза Бюро по делам Европы и Канады А. Вершбоу. Эксперты из Госдепартамента отмечали, что в 1983 г. политические тенденции в Западной Европе стали неблагоприятными для СССР: неудачи левых партий на выборах в ФРГ, неэффективность советской пропаганды и заметное ослабление движения за мир сочетались с возрождением сплочённости стран Западной Европы в вопросе о РСД. Авторы утверждали, что «советские представители всё чаще говорят о развёртывании РСД как о свершившемся факте»³⁸. Госдепартамент полагал, что советские усилия по использованию европейского движения за мир и антиядерных настроений будут продолжаться и даже возрастут: усиленная кампания за мир в преддверии развёртывания РСД может быть эффективной с точки зрения усиления напряжённости в атлантических связях, даже если блокирование развёртывания больше не кажется Советскому Союзу достижимым.

³⁶ Ibid, p. 557.

³⁷ Paper Prepared in the Policy Planning Staff. Washington, undated. Mid-Term Planning Exercise Summary of Information on U.S. Foreign Policy. *FRUS*. 1981–1988. Vol. I. P. 458.

³⁸ Information Memorandum from the Chairman of the Policy Planning Council (Bosworth) to Secretary of State Shultz. Washington, July 13, 1983. SUBJECT: View from Moscow—Red Team Redux. *FRUS*. 1981–1988. Vol. IV. P. 237.

В преддверии развёртывания РСД в странах Западной Европы ЦРУ расширило программу своих тайных операций в СССР и странах Восточной Европы. Среди мероприятий, запланированных на 1983 г., фигурировали вещание подпольных радиопрограмм, издание украинского исторического журнала, «умеренно левой» русскоязычной газеты, среднеазиатского информационного бюллетеня, газет и книг на чешском, литовском, латвийском и эстонском языках, журнала для диссидентов-коммунистов Западной Европы. В 1984 г. ЦРУ решило запустить проект внутреннего движения за мир в Советском Союзе и странах Восточной Европы при содействии интересантов из стран Западной Европы. На программу тайных операций ЦРУ в СССР и странах Восточной Европы предполагалось потратить в 1983 г. 10,5 млн долл., в 1984 г. – 17,3, в 1985 г. – 18,7 млн долл.³⁹.

В августе 1983 г. состоялся брифинг СНБ, посвящённый оценке текущей внешней политики СССР. В нём приняли участие президент, вице-президент Дж. Буш, госсекретарь Дж. Шульц, министр обороны К. Уайнбергер, директор ЦРУ У. Кейси, советник президента по вопросам национальной безопасности У. Кларк, помощник госсекретаря Р. Берт, сотрудники СНБ Дж. Мэтлок, П. Добрянски и Дж. Ленчовски. На брифинге П. Добрянски оценила политику СССР в отношении стран Западной Европы: «Несмотря на напряжённость внутри альянса и движение за мир, Советский Союз не считает реалистичным ожидать распада НАТО и полагает, что правительства Западной Европы продолжат следовать (в целом) примеру США по основным вопросам безопасности»⁴⁰. Сотрудники СНБ сделали примечательное заключение по итогам брифинга: «Борьба [с СССР – Авт.] долгосрочная. Быстрых решений не существует. Это значит, что мы должны разработать стратегию, которая может быть выдержана в течение десятилетия или, возможно, больше»⁴¹.

В марте 1983 г. Рейган объявил о намерении разработать Стратегическую оборонную инициативу (СОИ) для уничтожения советских МБР во время их полёта в космосе, тем самым сведя на нет стратегический козырь Москвы. Осенью напряжённость в отношениях между США и СССР возросла, в частности, после того, как 31 августа Советский Союз сбил авиалайнер «Боинг-747» над Сахалином. В начале ноября 1983 г. силы НАТО в Европе провели ежегодные плановые учения под кодовым названием Able Archer 83, на которых был отработан режим боеготовности на случай использования ядерного оружия. В конце ноября, с началом развёртывания ракет в Западной Европе, советское руководство заявило о прекращении женевских переговоров.

³⁹ Memorandum from the Chief of the International Activities Division, Central Intelligence Agency, to Director of Central Intelligence Casey. Washington, July 14, 1983. SUBJECT: Talking Points for Discussion with Secretary Shultz Re Expanded Soviet CA Program. *FRUS*. 1981–1988. Vol. IV. P. 247, 248, 250.

⁴⁰ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Clark). Washington, August 4, 1983. Briefing on the Soviet Union. *FRUS*. 1981–1988. Vol. IV. Soviet Union. P. 268.

⁴¹ Ibid. P. 271.

Москва продолжала протестовать против развёртывания РСД, ведя пропагандистскую кампанию как в Западной Европе, так и в Советском Союзе. Посольство США в Москве отслеживало позицию советского руководства по РСД в связи с предстоящим развёртыванием ракет в Западной Европе и докладывало в Вашингтон, что «обращение к европейскому движению за мир и предположение о том, что европейцы стали “заложниками” политики США в области РСД, являются стандартными советскими темами, как и предположение Андропова о том, что европейские лидеры недостаточно защищают интересы своих народов, поддерживая “двойное решение” НАТО. Заявление Андропова о том, что развёртывание станет крупномасштабным шагом со стороны США против дела мира, похоже, как и первая часть его заявления, призвано удерживать внимание на Соединённых Штатах как на “проблеме” в деле контроля над вооружениями»⁴².

СНБ и ЦРУ рассматривали варианты поведения СССР после начала развёртывания американских ракет в Западной Европе. Высказывались предположения, что Советский Союз будет поощрять постоянное сопротивление развёртыванию РСД со стороны «движения за мир», обеспечивать поддержку переформатирования переговоров по контролю над вооружениями на основе, приемлемой для Москвы, и усиливать давление на общественное мнение в США с целью добиться уступок на будущих переговорах⁴³.

Р. Макфарлейн отмечал, что Москва пессимистически оценивала перспективы значительной уступки США в вопросах СНВ и РСД. По его мнению, в Кремле допускали, что приостановкой переговоров по контролю над вооружениями и принятием военных контрмер они сделали западных европейцев менее восприимчивыми к заявлениям в том смысле, что срыв диалога Восток – Запад произошёл исключительно из-за неуступчивости США. Тем не менее, прервав переговоры в Женеве, до тех пор, пока новые американские ракеты не будут выведены из Западной Европы, советское руководство продолжало надеяться, что предвыборная ситуация и возросшая обеспокоенность массовых движений Западной Европы по поводу наметившегося тупика в отношениях между США и СССР могут побудить Вашингтон изменить свою нынешнюю позицию на более приемлемую для Москвы: «Москва сохранила и, возможно, даже повысила уровень своей прямой и скрытой поддержки западноевропейского движения за мир. Советы могут думать, что размещение ракет и информация о местах их базирования послужат триггером для возобновления демонстраций сдерживаемого и разобщённого движения. Тем не менее усилия Москвы

⁴² Telegram from the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. Geneva for USINF. Subject: Andropov Blasts U.S., Addresses KAL. Moscow, September 29, 1983. *FRUS*. 1981–1988. Vol. IV. P. 414.

⁴³ Memorandum from Jack Matlock of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (McFarlane). 1984. Washington, January 11. SUBJECT: CIA Study on Soviet Thinking on the Possibility of Armed Confrontation with the United States. *FRUS*. 1981–1988. Vol. IV. P. 539.

на этом направлении сейчас будут ограничены желанием избежать обвинений в манипулировании антиядерным движением. Кроме того, теперь Советы могут столкнуться с тем, что некоторые группы этого движения направят свою протестную энергию против контрмер Варшавского договора. Более того, выход Советского Союза из переговоров затрудняет для них возвращение высоких позиций в борьбе за общественное мнение»⁴⁴.

В аналитической записке «Отношения между Востоком и Западом в следующие четыре года», подготовленной Бюро по делам Европы и Канады Госдепартамента в августе 1984 г., эксперты заявили о провале советской внешней политики. Во-первых, Москва отступила из-за поражения кампании по блокированию развёртывания РСД в странах Западной Европы. Во-вторых, страны Запада консолидировали свои позиции по вопросам политики, экономики и безопасности. В-третьих, СССР не смог возродить движение за мир. Делался вывод, что перспективы Москвы на успех возрастут, если левые партии, которые порвали с оборонным консенсусом НАТО, придут к власти в Великобритании, Норвегии, Дании, Нидерландах и ФРГ⁴⁵. Авторы записки предлагали сосредоточить усилия на доведении политики США до сведения мировой общественности путём улучшения качества радиопередач и информационных программ USIA, а также посредством творческого продвижения демократических институтов через инициативы Национального фонда в поддержку демократии (NED)⁴⁶ и аналогичных организаций.

Позиция ЦРУ по отношению к движениям за мир в странах Западной Европы

Позиция ЦРУ по отношению к движениям за мир в странах Западной Европы была изложена в специальном исследовании, подготовленном в мае 1982 г. Аналитики ЦРУ полагали, что Соединённые Штаты в своём стремлении исправить военный дисбаланс ослабили возможности контроля над вооружениями и предприняли действия, которые способны обострить напряжённость между Востоком и Западом. «Сторонникам движения за мир кажется, что Советы – несмотря на размещение ракет СС-20 – не выдвинули инициатив, которые

⁴⁴ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (McFarlane) to President Reagan. Washington, March 26, 1984. SUBJECT: NSC Meeting on Nuclear Arms Control in 1984, Tuesday, March 27. *FRUS*. 1981–1988. Vol. XI. START I. P. 309.

⁴⁵ Paper Prepared in the Bureau of European and Canadian Affairs. Washington, August 2, 1984. East-West Relations: The Next Four Years. *FRUS*. 1981–1988. Vol. IV. P. 911.

⁴⁶ 29 июля 2015 г. Национальный фонд в поддержку демократии был внесён Министерством юстиции России по представлению Генпрокуратуры в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 18.03.2025)

меняют правила игры в Европе»⁴⁷. Подчёркивалась широкая социальная база участников движения – католические и протестантские группы, коммунисты, зелёные, противники ядерной энергетики, студенты, государственные служащие и рабочие.

Анализировалась также поддержка и помощь движению за мир со стороны Москвы: «Советская кампания была наиболее эффективна в оказании помощи и проникновении в движения за мир в Голландии и Западной Германии; она оказала меньшее влияние на движения за мир в Италии, Великобритании, Скандинавии и Франции»⁴⁸. Отмечалось, что движение не направлено на свержение правительств стран Западной Европы, однако его влияние серьёзно ограничивало политическое руководство в Нидерландах, ФРГ и Бельгии. Сплочённость движения могла ослабнуть в случае прогресса советско-американских переговоров в Женеве, насилия радикальных «антиядерных» групп, открытого вмешательства СССР в дела Польши и неумелых попыток Москвы руководить движением за мир. Усилиться движение могло во время развёртывания РСД, в случае провала переговоров в Женеве или усиления антиядерных настроений в США.

Главная цель движения за мир, сформулированная аналитиками разведки (а также журналистами⁴⁹), состояла в блокировании развёртывания ракет средней дальности в Европе. В таком случае ослабла бы сплочённость НАТО, а СССР попытался бы подтолкнуть движение за мир к кампании за удаление ядерного оружия США из Европы. Отмечалось, что США не способны напрямую влиять на «мирные» движения. Прогнозировалось, что антиядерные настроения будут популярны среди молодёжи, которая не застала формирование стратегии ядерного сдерживания СССР. Однако рост движения может замедлиться, если США «будут чувствительны к европейским опасениям по поводу ядерного конфликта». Массовая поддержка антивоенного движения может ослабнуть, если большинство европейцев убедится «в важности ядерного сдерживания для предотвращения войны и в готовности США участвовать в переговорах по контролю над вооружениями»⁵⁰. Поэтому в ЦРУ считали необходимым убедить западноевропейскую общественность в прочности американских гарантий безопасности и безальтернативности атлантического сотрудничества.

⁴⁷ The Peace Movement in Western Europe. Special National Intelligence Estimate. SNIE 2/20-82. 25 May 1982. P. 2. *Central Intelligence Agency's Freedom of Information Act Electronic Reading Room* (CIA FOIA). URL: [https://www.cia.gov/reading-room/docs/the peace movement in wes\[15490383\]](https://www.cia.gov/reading-room/docs/the%20peace%20movement%20in%20western%20europe) (accessed 18.03.2025)

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Bonn Rally During Reagan Visit Is A Focal Point of Antinuclear Movement. 1982. *New York Times*. 3 June. P. 10. URL: <https://www.nytimes.com/1982/06/03/world/bonn-rally-during-reagan-visit-is-a-focal-point-of-antinuclear-movement.html> (accessed 18.03.2025)

⁵⁰ The Peace Movement in Western Europe. Special National Intelligence Estimate. SNIE 2/20-82. 25 May 1982. P. 3. *Central Intelligence Agency's Freedom of Information Act Electronic Reading Room* (CIA FOIA). URL: [https://www.cia.gov/reading-room/docs/the peace movement in wes\[15490383\]](https://www.cia.gov/reading-room/docs/the%20peace%20movement%20in%20western%20europe) (accessed 18.02.2025)

В марте 1983 г. «Еженедельник национальной разведки» прогнозировал усиление антивоенных акций и выступлений за разоружение, если СССР и США не придут к соглашению в Женеве, а западноевропейские страны продолжают подготовку к установке американских ракет⁵¹. К середине года разведка дала другой прогноз. Оценивая настроения среди участников движения за мир и разоружение в странах Западной Европы, эксперт М. Ковнер в июле 1983 г. отмечал пессимизм демонстрантов по поводу способности предотвратить развёртывание РСД. Аналитики прогнозировали спад антиядерных демонстраций весной-летом 1984 г.⁵². Подчёркивалась разница в стратегических подходах умеренных и радикальных пацифистов. В октябре 1983 г. Ковнер прогнозировал снижение активности движения за мир после начала развёртывания РСД из-за «усталости после осенней кампании за мир и деморализации перед началом развёртывания»⁵³. Однако спад протестной активности антивоенного движения расценивался экспертами как временный.

С 1985 по 1988 год массовые антиядерные демонстрации в Западной Европе стали затихать. Во многих странах сократилось членство в антивоенных группах и организациях по ядерному разоружению. Тем не менее спад был довольно скромным, и на протяжении 1985–1988 гг. движение представляло собой довольно мощную силу (хотя и уступало периоду максимальной протестной мобилизации 1981–1984 гг.) Например, в 1987 г. антиядерные митинги в Великобритании и Западной Германии собирали по 100 000 участников, в Норвегии организация «Нет ядерному оружию» издавала две газеты, протестовала против присутствия ядерного оружия в местных водах и гаванях, критиковала планы СОИ и продолжала продвигать идею создания безъядерной зоны в Северной Европе (Wittner 2005: 335). На национальном и международном уровнях оно начало преобразовываться в централизованные организации и проводить скоординированные кампании, которые могли рассчитывать на поддержку основных политических партий, особенно социал-демократических.

Заключение

Антивоенные, антиядерные движения формировались в русле массовых демократических и новых социальных движений стран Западной Европы. Движения за ядерное разоружение стали появляться в западноевропейских странах

⁵¹ National Intelligence Daily (Cable). 31 March 1983. CPAS NID 83-076JX. CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T01094R000200010053-6.pdf> (accessed 18.03.2025)

⁵² Monthly Warning Assessment. Western Europe. From Milton Kovner, National Intelligence Officer for Western Europe. NIC No. 4656-83. 24 June 1983. CIA FOIA. URL: [https://www.cia.gov/readingroom/docs/MONTHLY_WARNING_MEETING\[14684345\]](https://www.cia.gov/readingroom/docs/MONTHLY_WARNING_MEETING[14684345]) (accessed 18.03.2025)

⁵³ Monthly Warning Assessment. Western Europe. From Milton Kovner, National Intelligence Officer for Western Europe. NIC No. 7637-83. 21 October 1983. CIA FOIA. URL: [https://www.cia.gov/readingroom/docs/MONTHLY_WARNING_ASSESS-MEN\[14684709\]](https://www.cia.gov/readingroom/docs/MONTHLY_WARNING_ASSESS-MEN[14684709]) (accessed 18.03.2025)

после решения НАТО о развёртывании ядерных ракет средней дальности в странах Западной Европы. Вопрос о ракетах был экзистенциальным как для европейских лидеров, так и для антиядерных активистов.

И советская, и американская сторона на переговорах по ограничению и контролю за вооружением заняли бескомпромиссные позиции, выдвигавшиеся инициативы не принимались противоположной стороной, при этом обе стороны обосновывали свои инициативы, используя антиядерную риторику. Советский Союз устанавливал связи с антивоенным движением Запада и воспринимал его как важный ресурс мобилизации мирового общественного мнения в пользу своей политики.

В повестке администрации Картера антивоенные движения занимали незначительное место. В администрации Рейгана возобладало мнение, что антивоенное движение целесообразно использовать как инструмент для связи с американской (и, во вторую очередь – с европейской) общественностью. Результатом такого подхода должна была стать массовая поддержка предложений Рейгана в ходе переговоров по сокращению наступательных вооружений. Цель заключалась не в сокращении ядерных вооружений, а в укреплении солидарности Атлантического альянса путём принятия приемлемого для США решения.

Администрация Р. Рейгана, Госдепартамент, СНБ формировали переговорную позицию о сокращении наступательных вооружений, принимая во внимание нараставшее движение против гонки ядерных вооружений в США и странах Западной Европы. В Вашингтоне стремились не позволить Москве укрепить влияние в западноевропейских странах с помощью антивоенного (антиядерного) движения. К концу первого срока президентства Рейгана переговорная позиция США эволюционировала, в том числе и за счёт выдвижения инициатив, учитывавших популярные лозунги антиядерного движения. Гибкость в этом вопросе способствовала росту популярности внешнеполитической программы администрации Рейгана как в Соединённых Штатах, так и среди западноевропейской общественности.

Об авторе:

Максим Владимирович Бакшаев – научный сотрудник кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: randvmax@gmail.com.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-78-00129, <https://rscf.ru/project/24-78-00129/>

UDC: 327.5:355.02(4+73)"1979/1984"
Received: February 21, 2025
Accepted: April 03, 2025

Containing Protest, Managing Alliance: The United States and Western Europe's Anti-Nuclear Movements, 1979–1984

 M.V. Bakshaev
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-99-126](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-99-126)

Vyatka State University

Abstract: This article explores the international context surrounding the emergence and intensification of anti-nuclear movements in Western Europe during the late 1970s and early 1980s, focusing particularly on the responses of U.S. governmental agencies. It analyzes how these movements were perceived and managed by the United States within the broader framework of U.S.-Soviet negotiations on arms control. The research draws upon a comprehensive range of primary sources, including archival records from the Carter and Reagan administrations, materials from the U.S. Department of State and the Central Intelligence Agency (including digitally accessible collections), previously unpublished documents from the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union held at the Russian State Archive of Contemporary History, as well as contemporary press materials and memoir literature.

Based on a detailed examination of archival and supplementary sources, the study highlights three primary findings. Firstly, NATO's decision to deploy intermediate-range nuclear missiles in Western Europe served as the critical catalyst for the rapid growth of anti-nuclear activism in the region. Secondly, U.S. governmental bodies perceived the proliferation of anti-nuclear protests not as isolated incidents, but rather as closely interlinked with ongoing strategic arms-reduction negotiations between the United States and the Soviet Union. Thirdly, U.S. policy sought actively to reassure Western European public opinion regarding the reliability of American security guarantees and to reinforce the indispensability of the transatlantic alliance. Such efforts aimed strategically at minimizing Soviet influence over anti-nuclear movements in Western Europe. The article concludes that the U.S. approach was instrumental not only in mitigating anti-American sentiment, but also in establishing conditions conducive to productive arms-control negotiations with the USSR.

Keywords: American-Soviet relations, new social movements, anti-war movement, movement for nuclear disarmament, intermediate-range missiles, Brezhnev, Brzezinski, Gromyko, Carter, Reagan, Ustinov

About the author:

Maxim V. Bakshaev – Researcher, Department of History and Political Science, Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia.
E-mail: randvmax@gmail.com.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 24-78-00129, <https://rscf.ru/project/24-78-00129/>

References:

- Bange O., Villaume P. 2017. *The Long Détente. Changing Concepts of Security and Cooperation in Europe, 1950s – 1980s*. Budapest, New York: Central-European University Press. 358 p.
- Breyman S. 2001. *Why Movement Matter. The West German Peace Movement and U.S. Arms Control Policy*. Albany: State University of New York Press. 388 p.
- Brunet L.-A. 2023. *NATO and the Strategic Defence Initiative. A Transatlantic History of the Star Wars Programme*. New York: Routledge. 260 p.
- Garthoff R.L. 1985. *Detente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington, DC: the Brookings Institution. 1147 p.
- Gress D. 1985. *Peace and Survival. West Germany, the Peace Movement & European Security*. Stanford, California: Hoover Institution Press. 300 p.
- Haslam J. 1989. *The Soviet Union and the Politics of Nuclear Weapons in Europe, 1969-87: The Problem of the SS-20*. London, New York: Palgrave Macmillan. 227 p.
- Janning J., Legrand H.-J., Zander H. 1987. *Friedens bewegungen. Entwicklung und Folgen in der Bundesrepublik Deutschland, Europa und den USA*. Köln: Verlag Wissenschaft u. Politik von Nottbeck. 300 p. (In German).
- Keefer Ed.C. 2023. *Caspar Weinberger and the U.S. Military Buildup 1981–1985*. Washington, DC: Historical Office, Office of the Secretary of Defense. 768 p.
- Lankowski K. 2004. Social Movement in Germany and the United States. The Peace Movement and the Environmental Movement. *The United States and Germany in the Era of the Cold War, 1945–1990. A Handbook*. Vol. 2: 1968–1990. Edited by D. Junker. Cambridge: Cambridge University Press. P. 430–437.
- Laquer W., Hunter R. 2017. *European Peace Movements and the Future of the Western Alliance*. New York: Routledge. 382 p.
- Leffler M.P., Westad O.A. 2010. *The Cambridge History of the Cold War. Volume III. Endings*. New York: Cambridge University Press. 602 p.
- Njolstad O. 2004. *The Last Decade of the Cold War. From Conflict Escalation to Conflict Transformation*. New York: Routledge. 460 p.
- Nuti L. 2009. *The Crisis of Détente in Europe from Helsinki to Gorbachev 1975–1985*. New York: Routledge. 304 p. (In English)
- Readman K.S. 2011. Conflict and Cooperation in Intra-Alliance Nuclear Politics: Western Europe, the United States, and the Genesis of NATO's Dual-Track Decision, 1977–1979. *Journal of Cold War Studies*. 13(2). P. 39–89.
- Suri J. 2005. *Power and Protest: Global Revolution and the Rise of Détente*. Cambridge: Harvard University Press. 356 p.
- Weinberger C. 1990. *Fighting for Peace. Seven Critical Years at The Pentagon*. London: Michael Joseph. 310 p.
- Wittner L.S. 2000. Reagan and Nuclear Disarmament. How the Nuclear Freeze movement forced Reagan to make progress on arms control. *Boston Review*. URL: https://www.bostonreview.net/forum_response/lawrence-s-wittner-reagan-and-nuclear-disarmament/ (accessed 18.03.2025)
- Wittner L.S. 2005. *The Struggle Against the Bomb*. Volume III. Toward Nuclear Abolition. A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1971 to the Present. Stanford, California: Stanford University Press. 657 p.

Wittner L.S. 2009. *Confronting the Bomb. A Short History of the World Nuclear Disarmament Movement*. Stanford, California: Stanford University Press. 254 p.

Adamishin A.L. 2016. *V razny'e gody*. *Vneshnepoliticheskie ocherki* [In Different Years. Foreign Policy Essays]. Moscow: Ves' mir. 448 p. (In Russian)

Ajvazova S.G. 1988. *Novy'e social'ny'e dvizheniya: problemy stanovleniya i razvitiya* [New Social Movements: Problems of Formation and Development]. *Rabochij klass v mirovom revolyucionnom processe*. Ott. red. A.A. Galkin. Moscow: Nauka. P. 225–238. (In Russian)

Aleksandrov-Agentov A.M. 1994. *Ot Kollontaj do Gorbacheva* [From Kollontay to Gorbachev]. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya. 304 p. (In Russian)

Brezhnev L.I. 1982. *Leninskim kursom. Rechi, privetstvija, stat'i, vospominanija* [Lenin's Course. Speeches, Greetings, Articles, Memoirs. Volume 9]. Moscow: Politizdat. 605 p. (In Russian)

Vajnshtejn G.I. 1988. *Massovy'e demokraticheskie dvizheniya v obshhestvenno-politicheskoj zhizni Zapada* [Mass Democratic Movements in the Social and Political Life of the West]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*. №1. P.46–56. (In Russian)

Vajnshtejn G.I. 1990. *Massovoe soznanie i social'nyj protest v uslovijah sovremennogo kapitalizma* [Mass Consciousness and Social Protest under Modern Capitalism]. Moscow: Nauka. 167 p. (In Russian)

Vdovichenko A., Zagorskij A. 1984. «*Al'ternativny'e*» *dvizheniya molodyozhi v sovremenno burzhuaznom obshestve* ["Alternative" Youth Movements in Contemporary Bourgeois Society]. Moscow: bez izdatel'stva. 36 p. (In Russian)

Ginczberg L.I. 1988. *Massovy'e demokraticheskie dvizheniya v FRG i partiya "Zeleny'x"* [Mass Democratic Movements in the FRG and the Green Party]. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russian)

Gromy'ko A.A. 1997. *Andrej Gromy'ko. V labirintax Kremlya (vospominaniya i razmy'shleniya sy'na)* [Andrei Gromyko. In the Labyrinths of the Kremlin (Memories and Reflections of His Son)]. Moscow: Avtor. 256 p. (In Russian)

Dam'e V.V. 2015. *Social'nye dvizheniya protesta v nachale XXI veka* [Social Protest Movements in the Early 21 Century]. *Social'nye dvizheniya i social'naja politika v XX veke*. Moscow: Institut vseobshhej istorii Rossijskoj Akademii Nauk. P. 214–258. (In Russian)

Dobrynin A.F. 1996. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentax SShA (1962–1986 gg.)*. [Strictly Confidentially. Ambassador to Washington Under Six Us Presidents (1962–1986)]. Moscow: Avtor. 688 p. (In Russian)

Drabkin Ya.S. 1994. *Social'ny'e dvizheniya na Zapade v 70-e i 80-e gody' XX veka* [Social Movements in the West in the 70s and 80s of the 20th Century]. Moscow: Institut vseobshhej istorii Rossijskoj Akademii Nauk. 290 p. (In Russian)

Drabkin Ya.S., Dam'e V.V. 1985. *Novy'j oblik massovy'x dvizhenij* [The New Look of Mass Movements]. *Rabochij klass i sovremennyy'j mir*. №3. P. 168–171. (In Russian)

Zaritsky B.E. 1988. *SShA i levye sily v Zapadnoj Evrope (70–80-e gg.)* [U.S. and Leftist Forces in Western Europe (1970s–80s)]. *Voprosy istorii*. №1. P. 32–48. (In Russian)

Inozemceva V.A. 1992. *Novy'e social'ny'e dvizheniya: istoki i politicheskaya rol'* [New Social Movements: Origins and Political Role]. *Istoriya politicheskix uchenij i sovremennost'*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta. P. 141–156. (In Russian)

Krasin Yu.A. 1984. *Ne sopernichestvo, a sotrudnichestvo! Kommunisty' i novoe v social'ny'x dvizhenijax* [Not Competition, but Cooperation! Communists and the New in Social Movements]. Moscow: Politizdat. 256 p. (In Russian)

Krasin Yu.A. 2022. *Rostki iz-pod asfal'ta: Sinopsis simpoziuma Nauchnogo soveta AON pri CzK KPSS i ION pri CzK KPSS po problemam mirovogo revolyucionnogo processa (1977–1989)* [Sprouts from Under the Asphalt: Synopsis of the Symposium of the Scientific Council of the ASS under the Central Committee of the CPSU and the ISS under the Central Committee of the CPSU on the Problems of the World Revolutionary Process (1977–1989)]. Moscow: Politicheskaya e`nciklopediya. 359 p. (In Russian)

Mihajlenko V.I. 2013. Uroki «krizisa evroraket» 1970–1980-h gg. [The Lessons of the "Euro Missile Crisis" of the 1970s and 1980s]. *Tempus et Memoria*. 8(2). P. 135–143. (In Russian)

Petrov N.V. 2023. *Vremya Andropova* [Andropov's Time]. Moscow: AFK «Sistema»; Politicheskaya e`nciklopediya. 768 p. (In Russian)

Thatcher M. 2014. *Avtobiografiya* [The Autobiography]. Moscow: AST. 800 p. (In Russian)

Khudaverdyan V.Cz. 1986. *Sovremennyy'e al'ternativny'e dvizheniya (molodyozh' Zapada i "novy`j" irracionalizm)* [Modern Alternative Movements (the Youth of the West and the "New" Irrationalism)]. Moscow: My`sl'. 150 p. (In Russian)

Chernyaev A.S. 2008. *V Politbyuro CzK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shaxnazarova (1985–1991)* [In the Politburo of the Central Committee of the CPSU... According to the Records of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhnazarov (1985–1991)]. Moscow: Gorbachev-Fond. 800 p. (In Russian)

Chernyaev A.S. Sovetskaya politika 1972–1991 gg. – vzglyad iznutri. 1979 g. [Soviet politics of 1972–1991 – an inside look. 1979] *The National Security Archive*. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Chernyaev/1979.pdf (accessed 18.03.2025) (In Russian)

Yungblyud V.T., Ilyin D.V. 2023. *Debaty` vokrug zakonodatel'stva o vneshnej torgovle SShA kak e`lement razryadki v sovetsko-amerikanskix otnosheniyax (1969–1979)* [Debate around U.S. Foreign Trade Legislation as an Element of Détente in Soviet-American Relations (1969–1979)]. *Mezhdunarodny`e processy`*. 21(1(72)). P. 75–99. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Адамишин А.Л. 2016. *В разные годы. Внешнеполитические очерки*. Москва: Весь мир. 448 с.

Айвазова С.Г. 1988. Новые социальные движения: проблемы становления и развития. *Рабочий класс в мировом революционном процессе*. Отв. ред. А.А. Галкин. Москва: Наука. С. 225–238.

Александров-Агентов А.М. 1994. *От Коллонтай до Горбачёва*. Москва: Международные отношения. 304 с.

Брежнев Л.И. 1982. *Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания*. Том 9. Москва: Политиздат. 605 с.

Вайнштейн Г.И. 1988. Массовые демократические движения в общественно-политической жизни Запада. *Мировая экономика и международные отношения*. №1. С. 46–56.

Вайнштейн Г.И. 1990. *Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма*. Москва: Наука. 167 с.

Вдовиченко А., Загорский А. 1984. «Альтернативные» движения молодёжи в современном буржуазном обществе. Москва: без издательства. 36 с.

Гинцберг Л.И. 1988. *Массовые демократические движения в ФРГ и партия зелёных*. Москва: Наука. 256 с.

Громыко А.А. 1997. *Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля (воспоминания и размышления сына)*. Москва: Автор. 256 с.

Дамье В.В. 2015. Социальные движения протеста в начале XXI века. *Социальные движения и социальная политика в XX веке*. Москва: Институт всеобщей истории РАН. С. 214–258.

Добрынин А.Ф. 1996. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)*. Москва: Автор. 688 с.

Драбкин Я.С. 1994. *Социальные движения на Западе в 70-е и 80-е годы XX века*. Москва: Институт всеобщей истории Российской академии наук. 290 с.

Драбкин Я.С., Дамье В.В. 1985. Новый облик массовых движений. *Рабочий класс и современный мир*. №3. С. 168–171.

Зарицкий Б.Е. 1988. США и левые силы в Западной Европе (70–80-е гг.). *Вопросы истории*. №1. С. 32–48.

Иноземцева В.А. 1992. Новые социальные движения: истоки и политическая роль. *История политических учений и современность*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета. С. 141–156.

Красин Ю.А. 1984. *Не соперничество, а сотрудничество! Коммунисты и новое в социальных движениях*. Москва: Политиздат. 256 с.

Красин Ю.А. 2022. *Ростки из-под асфальта: Синописис симпозиума Научного совета АОН при ЦК КПСС и ИОН при ЦК КПСС по проблемам мирового революционного процесса (1977–1989)*. Москва: Политическая энциклопедия. 359 с.

Михайленко В.И. 2013. Уроки «кризиса евроракет» 1970–1980-х гг. *Tempus et Memoria*. 8(2). С. 135–143.

Петров Н.В. 2023. *Время Андропова*. Москва: АФК «Система»; Политическая энциклопедия. 768 с.

Тэтчер М. 2014. *Автобиография*. Москва: АСТ. 800 с.

Худавердян В.Ц. 1986. *Современные альтернативные движения (молодёжь Запада и «новый» иррационализм)*. Москва: Мысль. 150 с.

Черняев А.С. 2008. *В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)*. Москва: Горбачёв-Фонд. 800 с.

Черняев А.С. Советская политика 1972–1991 гг. – взгляд изнутри. 1979 г. *The National Security Archive*. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Chernyaev/1979.pdf (дата обращения: 10.02.2025)

Юнгблуд В.Т., Ильин Д.В. 2023. Дебаты вокруг законодательства о внешней торговле США как элемент разрядки в советско-американских отношениях (1969–1979). *Международные процессы*. 21(1(72)). С. 75–99.

Боевой путь одной дивизии как зеркало Великой Отечественной войны

Н.А. Копылов, М.Ю. Мягков

Российское военно-историческое общество

Рецензия на коллективную монографию: Буторина О.В., Ничиков А.В., Юонов А.С. 2024. *Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кривевская. 1941–1945.* Москва: Издательство «Весь Мир».

Ключевые слова: 385-я стрелковая дивизия, Великая Отечественная война, история дивизии, боевой путь, Красная армия, тактическое соединение, фронтовая жизнь, полковые истории, военная историография, воспоминания ветеранов

На рубеже XIX–XX вв. в военно-исторической историографии России сформировалось новое направление — полковые истории. Практически все полки русской императорской армии, отмечавшие свои столетие, а некоторые и двухсотлетие юбилеи, публиковали собственные исторические труды. Как правило, авторами таких работ выступали офицеры этих полков, которые представляли историю формирования и боевой путь подразделения, описывали ключевые сражения, в которых полк принимал участие. Особое внимание уделялось подвигам солдат и офицеров, совершённым в ходе боевых действий и походов. Эти издания предназначались как для рядовых военнослужащих, так и для широкого общественного распространения.

В начале XXI в. в российской историографии наблюдается возрождение этой традиции. Современные исследования всё чаще сосредотачиваются на изучении и описании боевого пути частей дивизионного уровня. Особенно активно стали публиковаться материалы, посвящённые истории дивизий Красной армии периода Великой Отечественной войны. Такая тенденция понятна, поскольку именно дивизии представляли собой ключевые тактические соединения советской армии в военное время.

УДК: 94(470.3)"1941/1945"

Поступила в редакцию: 02.03.2025

Принята к публикации: 10.04.2025

Следует отметить, что в советский период историография Великой Отечественной войны преимущественно опиралась на воспоминания высшего командного состава и сосредотачивалась на описании боевых действий и операций на уровне армий и фронтов. В настоящее время благодаря расширению доступа к архивным материалам наблюдается стремление к более глубокому пониманию истории войны, акцент на изучении событий на уровне рядового участника, современника тех лет.

В этом контексте нельзя не отметить выход в свет коллективной монографии «Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945», которая представляет собой значимый вклад в развитие отечественной военно-исторической науки.

Данная монография является результатом многолетней исследовательской работы, проведённой ветеранами 385-й стрелковой дивизии и их потомками, направленной на восстановление истории и боевого пути одного из соединений Красной армии. Благодаря широкому комплексу архивных источников, включающих как российские, так и зарубежные документы, авторам удалось воспроизвести полный боевой путь 385-й стрелковой дивизии с момента её формирования и до окончания боевых действий в мае 1945 г.

Хронологически выстроенное повествование позволяет последовательно и детально реконструировать ход боевых операций, в которых участвовала данная воинская часть. Дивизия была сформирована в соответствии с директивой Народного комиссариата обороны СССР от 3 августа 1941 г. в городе Фрунзе Киргизской ССР. Наряду с другими соединениями Среднеазиатского военного округа ей довелось вступить в сражение в самый критический момент битвы за Москву — именно этому периоду посвящены значительные фрагменты монографии.

Книга состоит из четырёх частей и восемнадцати глав, подробно описывающих участие 385-й дивизии в Великой Отечественной войне. Первая глава (август 1941 — февраль 1942 гг.) раскрывает процесс формирования дивизии и начальный этап её участия в боях под Москвой. Авторы тщательно воссоздают детали контрнаступления 1941–1942 гг., вошедшего в историю как «наступление Шапошникова». События разворачиваются практически по дням, что позволяет понять динамику боевых действий в районе Москвы: зимние марши, инженерно-техническая подготовка противника, усиление его сопротивления. 385-я дивизия оказалась одной из ключевых частей, внесших значительный вклад в разгром немецко-фашистских войск под Москвой.

Особое внимание уделено участию дивизии в знаменитой Ржевско-Вяземской операции, более известной читателю как Ржевская битва. Введённые в научный оборот документы позволили авторам подробно восстановить ход боевых действий на этом участке фронта. Описание кровопролитных сражений на Ржевском направлении представлено с высокой степенью детализации, что даёт возможность проследить общую картину хода сражения. В частности,

анализируются тактические новшества, применяемые командованием дивизии: «Командиру 665-го отдельного сапёрного батальона надлежало одной ротой обеспечить продвижение боевых порядков дивизии через полосу собственных минных полей, выставив в них патрули и обеспечив части проводниками. Это позволяло быстро наступать с направлений, на которых немцы не ждали ударов, до оборудования проходов в минных полях» (с. 50).

Кроме того, в монографии подробно рассмотрены особенности применения штурмовых отрядов, действий отдельных подразделений, выполнявших тактические задания, а также деятельность разведывательных соединений. Всё это позволяет сложить из множества деталей целостную и насыщенную картину хода Ржевской битвы.

Особое внимание в монографии уделено проблеме взаимодействия различных родов войск — ключевой проблеме, с которой столкнулось советское командование на первом этапе Великой Отечественной войны. В 1941–1942 гг. командным структурам и высшему военному руководству СССР пришлось пересмотреть многие довоенные принципы ведения боевых действий и выработать новые методы, адекватные условиям современной войны. На примере описания сражений 385-й стрелковой дивизии читатель может проследить процесс накопления боевого опыта и формирования практики взаимодействия различных родов войск в ходе тактических операций.

Результатом этого опыта стал утверждённый в 1942 г. Верховным Главнокомандующим «Боевой устав пехоты Красной армии», который закрепил новые подходы к ведению боевых действий. В Уставе были специально выделены разделы, посвящённые штурму опорных пунктов противника и взаимодействию стрелковых, танковых и инженерных войск при организации и проведении операций. Вклад в формирование этих положений внесли командиры и бойцы 385-й дивизии, чьи наработки, закреплённые на практике, нашли отражение в нормативной базе Красной армии.

Вторая часть монографии посвящена малоизвестным операциям конца 1942 — начала 1943 гг., в которых участвовала 385-я дивизия. Этот период по-прежнему остаётся сравнительно малоизученным в историографии Великой Отечественной войны, поскольку внимание исследователей традиционно сосредоточено на ключевых событиях советско-германского фронта — Сталинградской битве и сражении за Кавказ. Тем не менее именно в это время вдали от главных театров военных действий советские войска вели напряжённые локальные бои, способствуя достижению стратегических целей войны. Как отмечают авторы: «...385-й дивизии не пришлось быть на острие главных наступательных ударов и освобождать крупные города... Практически всегда она находилась на фланге своего корпуса, армии, а иногда и всего фронта, обеспечивая тем самым безопасность самых уязвимых мест театра военных действий — стыков частей и соединений» (с. 17).

Эта специфика положения дивизии раскрыта во второй части монографии, где детально рассмотрены особенности боевых действий на второстепенных участках фронта. Используя обширные архивные материалы и иллюстрации, авторы наглядно показывают процесс совершенствования тактических приёмов и роста боевого мастерства советских воинов. Особое внимание уделено формам и методам подготовки личного состава — как рядового, так и командного, — что позволяло дивизии успешно выполнять поставленные боевые задачи в сложных условиях фронта.

Третья часть книги, озаглавленная «Освобождение Родины», посвящена событиям на центральном участке советско-германского фронта в 1943 – начале 1944 гг. В этот период 385-я стрелковая дивизия приняла участие в ряде операций, названия которых могут быть малознакомы широкой аудитории, но имевших значительное значение для хода войны. Среди них – Спас-Деменская, Ельнинско-Дорогобужская, Смоленско-Рославльская операции, участие дивизии в которых позволило отвлечь значительные силы германского командования от главного направления боевых действий – Курского выступа.

Используя документы дивизионного и полкового уровня, авторский коллектив подробно описывает и анализирует особенности боевых действий на Западном фронте Красной армии. Читателю предлагается погружение в повседневную реальность фронтовой жизни: от подготовки к штурму вражеских позиций до деталей «окопной жизни» солдат. Особое внимание уделено боям на многочисленных реках, которые приходилось форсировать бойцам и командирам 385-й дивизии. Этот материал позволяет понять особенности тактики форсирования водных преград: подготовку и организацию переправ, захват и удержание плацдармов на вражеском берегу, их расширение и последующий переход в наступление.

Особенно выделяется описание боёв на реках Десне и Проне, где авторы подробно раскрывают процесс подготовки и проведения боевых операций дивизионного уровня. Хроника сражений буквально разбита на дни, фиксируются как успехи, так и допущенные командованием ошибки и меры по их исправлению. В частности, в монографии подчёркивается: «...для 385-й Кричевской стрелковой дивизии противостояние советских и германских войск на Проне разделилось на три этапа. Первый – попытки форсировать реку с ходу в начале октября. Второй этап продолжался с конца ноября по конец декабря 1943 г., когда дивизия вела активные боевые действия по расширению и удержанию правобережного плацдарма... Далее дивизия находилась в обороне, участвуя в ряде наступательных действий» (с. 242).

Такой детальный анализ позволяет проследить процесс накопления боевого опыта, благодаря которому Красная армия смогла преобразоваться в армию-победительницу. Особого упоминания заслуживает описание боёв за белорусский город Кричев, за освобождение которого 385-й дивизии было присвоено почётное наименование «Кричевская».

Летом 1944 г. 385-я стрелковая дивизия приняла участие в одной из ключевых стратегических операций Великой Отечественной войны — операции «Багратион». Авторы монографии подробно раскрывают тактические особенности действий стрелковых подразделений в условиях сложной лесисто-болотистой местности Белоруссии. Особое внимание уделяется конкретным эпизодам боевых действий дивизии, включая освобождение города Чаусы, форсирование Днепра, стремительный бросок на Минск и ликвидацию окружённых групп немецких войск.

Следует отметить, что командование дивизии за успешное выполнение боевых задач было удостоено высоких государственных наград. Так, решением Военного совета 2-го Белорусского фронта командир 1268-го стрелкового полка 385-й дивизии полковник Л.И. Нестеров был награждён орденом Суворова III степени за умелую и продуманную организацию операции по овладению Чаусами.

Пример форсирования Днепра позволяет авторам наглядно продемонстрировать специфику взаимодействия инженерных и стрелковых войск. Перед читателем разворачивается масштабная картина сражений: подготовка и проведение переправ инженерными подразделениями, наступательные действия стрелков, примеры мужества и героизма бойцов 385-й дивизии. Многие из них были удостоены звания Героя Советского Союза. Итогом становится создание панорамы решающего сражения за освобождение Белоруссии, завершившегося выходом советских войск к государственной границе СССР.

Четвёртая часть монографии посвящена завершающему этапу боевого пути дивизии — освобождению Польши и участию в боях на территории Германии. Представленный материал даёт читателю возможность ознакомиться с особенностями боевых действий 2-го Белорусского фронта, в составе которого действовала 385-я дивизия. Авторы на примерах описывают особенности штурма укреплённых позиций противника, подготовку и проведение атак, в том числе захват крепостей. Важным элементом повествования становится включение воспоминаний непосредственных участников событий, которые подчёркивают возросший к 1944 г. боевой опыт Красной армии: «...к сорок четвёртому году мы научились драться и побеждать малой кровью» (с. 333).

Примером таких боевых действий является описание штурма крепости Осовец в августе 1944 г. Старший сержант Б.С. Орешкин вспоминал: «Весь день пикировали, меняясь, на крепость шестёрки штурмовиков ИЛ-2. Методично и точно била артиллерия. Со всех сторон наступали небольшие группы стрелков под прикрытием самоходок, которые стреляли по амбразурам дотов с близкого расстояния. Да, это был не сорок первый и даже не сорок второй годы!» Именно за мужество и героизм, проявленные в боях за крепость Осовец, 385-я стрелковая Кричевская дивизия была награждена орденом Суворова II степени.

Особого внимания заслуживает описание действий штурмовых групп, которое авторский коллектив рассматривает как образец возросшего тактического мастерства командования Красной армии. «Штурмовые группы, по сути, являлись спецподразделениями с высокой огневой мощностью и широкими боевыми возможностями. Одна группа состояла из 15–18 бойцов, умевших отлично метать гранаты и стрелять на любые расстояния. Ей придавался один расчёт станкового пулемёта и три расчёта противотанковых ружей, а также противотанковое орудие, 76-мм полковая пушка и целая миномётная рота» (с. 337). Это описание ярко демонстрирует высокую степень организационной и боевой зрелости частей дивизии.

Не менее важной частью повествования являются действия дивизии на территории Германии, в ходе Восточно-Прусской и Берлинской операций. Несмотря на то, что 385-я стрелковая дивизия действовала на второстепенном направлении, их роль в обеспечении успеха наступления остаётся значимой. Авторы подчёркивают, что внимание общественности традиционно сосредоточено на событиях, происходивших в полосе наступления 1-го и 3-го Белорусских фронтов, в то время как 2-й Белорусский фронт, частью которого была 385-я дивизия, сыграл ключевую роль в разгроме северной группировки немецко-фашистских войск и в недопущении их отхода к Берлину. В Приказе Верховного Главнокомандующего от 30 марта 1945 г. подчёркивалось: «...войска 2-го Белорусского фронта завершили разгром Данцигской группировки противника, штурмом овладели городом и крепостью Гданьск – важнейшим портом и первоклассной военно-морской базой немцев на Балтийском море» (с. 432).

Особый интерес представляет описание встречи советских и американских войск, участниками которой стали солдаты и офицеры 385-й дивизии. Командир дивизии Л.И. Нестеров позднее вспоминал: «...Встреча получилась символической. Объяснялись мы, конечно, как немые. Никто не знал из нас английского, американцы – русского языка, но всё же при помощи жестикуляции и мимики мы взаимно понимали волнение внутри каждого из нас и в крепких рукопожатиях выражали свои чувства дружбы и доверия» (с. 461). Здесь, на северном фланге Берлинской операции, 385-я стрелковая Кричевская дивизия завершила свой славный боевой путь.

Материал, представленный в монографии, позволяет реконструировать широкую панораму событий Великой Отечественной войны через призму боевого пути одной стрелковой дивизии, что, безусловно, представляет собой значительный вклад в историографию военного прошлого. Одним из несомненных достоинств книги является интеграция в её текст воспоминаний и дневников ветеранов 385-й стрелковой дивизии, раздела «Живое слово очевидцев», а также биографий солдат и офицеров, многие из которых погибли на полях сражений, раздела «Солдатские судьбы».

В целом, следует высоко оценить работу авторского коллектива, сумевшего воссоздать эпическую и многогранную картину Великой Отечественной войны на примере боевого пути одного тактического соединения — 385-й стрелковой Кричевской дивизии. Читатель, следуя за строками книги, получает уникальную возможность соприкоснуться с «окопной правдой» и вновь осознать ту высочайшую цену, которую заплатил советский народ за Великую Победу.

Об авторах:

Николай Александрович Копылов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76.

E-mail: n-kopylov@mail.ru

Михаил Юрьевич Мягков – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, заведующий Центром истории войн и геополитики ИВИ РАН, научный директор Российского военно-исторического общества. E-mail: m.myagkov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(470.3)"1941/1945"

Received: 2 March 2025

Accepted: 10 April 2025

The Combat Path of a Division as a Mirror of the Great Patriotic War

 N.A. Kopylov, M.Y. Myagkov

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-127-134](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-127-134)

Russian Military Historical Society

Book review: Butorina O.V., Nichikov A.V., Yunovidov A.S. 2024. *An Ordinary Division of the Great War. 385th Rifle Krichevskaya Division. 1941–1945*. Moscow: Publishing House «The Whole World».

Keywords: 385th Rifle Division, Great Patriotic War, division history, combat path, Red Army, tactical unit, frontline life, regimental histories, military historiography, veterans' memoirs

About the authors:

Nikolai A. Kopylov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World and National History of MGIMO-University, 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: n-kopylov@mail.ru

Mikhail Yu. Myagkov – Doctor of Historical Sciences, Scientific Director of the Russian Military Historical Society; Professor of the Department of World and National History of MGIMO-University, 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia.
E-mail: m.myagkov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Теория сетевой парадипломатии городов

А.Е. Кутейников, С.В. Ивлев

Санкт-Петербургский государственный университет
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Рецензия на книгу: Karvounis A.M. 2025. *City Diplomacy. An Introduction*. London and New York: Routledge. 121 p. ISBN: 978-1-032-71633-6, DOI: 10.4324/9781003470908

Ключевые слова: города, городская политика, дипломатия, парадипломатия, международное сотрудничество городов, сети городов

Вышла новая монография Антониоса Карвоуниса, известного специалиста по проблемам трансграничных взаимодействий городов¹. Автор занимает пост руководителя Департамента международных и европейских отношений Министерства внутренних дел Греческой Республики, является председателем Межведомственного комитета по международному сотрудничеству местных органов власти и преподаёт современную административную систему Греции в Греческом открытом университете.

Новая работа А. Карвоуниса посвящена актуальной и активно разрабатываемой в современных международных исследованиях тематике городской дипломатии, или парадипломатии. Автор рассматривает термины «дипломатия» и «парадипломатия» как явления одного порядка, подчёркивая при этом их существенные различия. В частности, он отмечает, что в отличие от дипломатии государств и регионов, направленной на утверждение и защиту суверенитета, парадипломатия городов такой цели не преследует (р. 14).

УДК: 327.5+711.4

Поступила в редакцию: 15.04.2023

Принята к публикации: 20.05.2023

¹ См. Karvounis 2011, 2020, 2021, 2022, 2023.

Несмотря на формально заявленные описательно-аналитические задачи исследования, книга фактически представляет собой авторскую версию теории сетевой парадипломатии городов, которая, по мнению А. Карвоуниса, является частным случаем теории децентрализации глобального управления. Работа характеризуется лаконичным и чётко структурированным изложением материала. Анализируя специфику современных форм городской дипломатии, автор последовательно соотносит теоретические выводы с возможностью их практического применения.

Текст монографии опирается на солидный массив современной академической литературы. А. Карвоунис демонстрирует широкую эрудицию и глубокое профессиональное понимание специфики международной деятельности городов как Греции, так и ряда других стран. Особого внимания заслуживает хорошее знание автором особенностей городской дипломатии России (р. 13).

При этом нельзя не отметить, что автор находится в рамках западного академического дискурса, что проявляется в наличии ряда типичных для этого подхода нарративов и оценок, связанных с особенностями современной международной ситуации. Однако А. Карвоунис остаётся осторожным и сдержанным в субъективных суждениях и строго придерживается рамок академического анализа.

Книга состоит из трёх частей, включающих десять глав. Первая часть открывается обзором существующей литературы и посвящена историческим и институциональным аспектам трансграничного сотрудничества городов. Во второй части рассматриваются цели и инструменты городской парадипломатии, а также её взаимосвязь с национальной внешней политикой. Заключительная часть освещает практические аспекты городской дипломатии и её вклад в развитие трансграничных связей.

В первой главе книги А. Карвоунис, развивая идеи своих предшественников, отмечает недостаточную степень теоретической проработанности тематики дипломатии городов и парадипломатии в целом, несмотря на признание того факта, что основные школы теории международных отношений уделяли определённое внимание этой проблематике (р. 9).

Либеральный подход объясняет развитие городской парадипломатии снижением значимости традиционных межгосударственных отношений, стиранием границ между «высокой» и «низкой» политикой, процессами демократизации и модернизации, а также переносом лояльности граждан на субнациональном уровне. Реалисты, напротив, рассматривают города как международных акторов, прежде всего исходя из рациональных и прагматичных расчётов правительств, которые используют международные контакты городов в качестве инструмента реализации национальных интересов.

Конструктивистские исследования, по мнению А. Карвоуниса, представляют городскую дипломатию преимущественно через призму конструирования локальной идентичности и стремления городов к частичной автономии

и подобию суверенитета. Конструктивизм не считает парадипломатию функциональным ответом на глобализацию и экономическую взаимозависимость (как это делают либералы), равно как и инструментом внешней политики государства (реалистский подход).

Таким образом, резюмирует А. Карвоунис, классические подходы в теории международных отношений не дают исчерпывающего ответа на вопрос, за счёт чего города и иные субнациональные акторы смогли обрести международное влияние, а также не объясняют факторов, определяющих формирование их внешних связей и поведение в дипломатических переговорах (р. 9). Для решения этих теоретических пробелов автор предлагает собственную концепцию децентрализации международного управления, в которой города рассматриваются как элементы сетевых управленческих структур (р. 14). С помощью этой концепции можно объяснить природу городской дипломатии через анализ движущих сил парадипломатической активности городов, их целей, основных субъектов и инструментов городской внешней политики.

А. Карвоунис выделяет и кратко характеризует одиннадцать движущих сил (драйверов), лежащих в основе городской дипломатии, при этом оговариваясь, что эмпирические исследования для подтверждения предложенных им гипотез практически отсутствуют. Интерес представляет сам порядок перечисления этих движущих сил. На первое место автор ставит личные качества и решимость городского руководителя развивать международные связи. Высокая значимость личного фактора объясняется низкой степенью институционализации городской дипломатии. Муниципалитеты небольших городов часто не располагают специализированным дипломатическим аппаратом, поэтому именно личные контакты между мэрами становятся важнейшим каналом внешней коммуникации и взаимодействия (р. 21).

Вторым драйвером, по мнению автора, является заинтересованность граждан. Карвоунис подчёркивает, что гражданская активность и давление «снизу» способны побуждать городские власти присоединяться к международным инициативам, участвовать в трансграничных проектах и вступать в такие объединения, как, например, движение городов, свободных от ядерного оружия (р. 21).

Третьим фактором выступает политическая культура, побуждающая как население, так и местные политические элиты стремиться к получению выгод от транснациональной политики. Далее автор последовательно выделяет: исторический опыт города; прагматическую целесообразность международного сотрудничества (например, установление связей с городами, откуда прибывают мигранты); ресурсы, которыми располагает муниципалитет (материальные, финансовые и человеческие); тип экономики города (степень её зависимости от внешних рынков и её ориентация на импорт или экспорт); институциональные условия (уровень децентрализации управления и полномочия городских властей, предоставленные государством); силу и возможности национальной дипломатии. Последним в перечне приводится географический фактор (р. 20–21).

Определяя цели городской дипломатии, А. Карвоунис демонстрирует подход, близкий к марксистской традиции. Несмотря на разнообразие заявленных целей городской дипломатии (таких как укрепление солидарности, решение глобальных проблем, культурное развитие, удовлетворение личных амбиций и общественных запросов), в основе всех перечисленных задач, по мнению автора, лежат экономические интересы. Основная цель внешней активности городов — повышение их экономической конкурентоспособности. Города стремятся победить в борьбе за привлечение инвестиций, приток туристов, размещение офисов крупных компаний и право на проведение престижных мероприятий, таких как Олимпийские игры (р. 22–23).

Говоря о субъектах городской дипломатии, А. Карвоунис подчёркивает её ярко выраженный демократический характер (р. 24). Городские администрации, по его мнению, стремятся к реализации интересов граждан, что предполагает вовлечение широкого круга участников в международную деятельность. Помимо городских руководителей и сотрудников муниципалитетов, важными акторами городской дипломатии являются организации гражданского общества, аналитические и исследовательские центры, этнические группы, торгово-промышленные палаты, представители бизнеса, образовательные учреждения, музеи и театры. В группу влияния, способную прямо или косвенно стимулировать развитие международной активности города, входят предприниматели, эксперты, религиозные лидеры, диаспоры и даже туристы (р. 21). В качестве основных инструментов дипломатической деятельности городов автор называет двусторонние партнёрские соглашения, участие в многосторонних сетевых объединениях, а также вовлечение в программы и проекты, инициируемые национальными государствами и международными организациями. Подробное описание указанных инструментов приведено автором в пятой и шестой главах книги.

В третьей главе монографии рассматриваются исторические этапы городской дипломатии. Хотя её корни уходят в глубокую древность, после заключения Вестфальского мира (1648 г.) города, несмотря на их значительную экономическую, технологическую или культурную самостоятельность, оказались строго подчинены национальному суверенитету государств и их юрисдикции, особенно в финансовой и исполнительной сферах. Степень автономности городов в международной деятельности определяется в первую очередь взаимоотношениями с центральным правительством, которое в конечном итоге решает, что именно могут делать муниципалитеты за пределами государственных границ (р. 36).

В международной политико-правовой системе, сложившейся после Второй мировой войны, отмечает автор, городам не было предусмотрено самостоятельное место. Они были вынуждены действовать в рамках системы, признающей их существование исключительно как элементов в составе национальных государств. Несмотря на это, муниципалитеты успешно развивали

транснациональные связи, использовали возможности «мягкого права» и присоединялись к влиятельным международным альянсам, поддерживая и усиливая тем самым собственные ресурсы и потенциал развития (р. 36). Автор выделяет два этапа современной городской дипломатии после Второй мировой войны. Первый этап (до 1990-х годов) характеризовался доминированием двусторонних отношений городов. Затем последовал второй этап, отличающийся стремлением городов усилить своё международное влияние и переходом преимущественно к многосторонним формам международного сотрудничества (р. 38).

В следующей главе рассматривается тот же ключевой вопрос — место городов в международной системе, но теперь с юридической точки зрения. Автор выделяет и анализирует три уровня правовых норм, регулирующих сотрудничество городов: глобальный, европейский и национальный. При этом подчёркивается, что все они в той или иной мере основаны на национальных правовых системах государств. Международное право напрямую не определяет статус городов. Документы, касающиеся городов и принимаемые в рамках ООН или Европейского союза, остаются немногочисленными, а их тексты зачастую носят размытый или даже противоречивый характер. Основная часть нормативных документов, регулирующих трансграничное сотрудничество городов в Европе, была разработана в рамках Совета Европы (в частности, в виде европейских конвенций) (р. 39), которые охватывают лишь ограниченный круг вопросов.

Пятая глава посвящена анализу двусторонних объединений городов на примере движения побратимов. Зародившись в годы Холодной войны, концепция побратимства изначально служила инструментом развития культурного обмена, укрепления связей с диаспорами и продвижения торговли. Лишь позже она эволюционировала в систему двусторонней дипломатии городов, которая насчитывает сегодня более 20 000 партнёрств только в Европе. В современном контексте города-побратимы играют роль своеобразных «предвестников интеграции», опережая национальные государства в решении таких вопросов, как устойчивое развитие и обмен инновациями (р. 51). Более того, идея побратимства несёт в себе метафизический компонент, выражающий ценности дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между городами Европы (р. 59).

Шестая глава посвящена современным формам городской дипломатии, прежде всего — городским сетям. Автор рассматривает сети как организованные объединения городов, сформировавшиеся благодаря активизации международной дипломатической активности в последние три десятилетия. В условиях децентрализации международного управления именно сети, а не национальные государства, становятся лидерами в ряде ключевых областей сотрудничества. Одной из таких сфер автор выделяет борьбу с изменением климата. Транснациональные городские сети формируют зарождающиеся политические структуры, способные разрабатывать механизмы управления, адекватные масштабу и сложности глобальных вызовов (р. 62).

А. Карвоунис опирается на данные исследований Центра изучения городов при Мельбурнском университете. Результаты опросов показывают, что 81% респондентов считают создание сетей наиболее желательным инструментом международного сотрудничества городов, тогда как программы побратимства поддерживали лишь 41% опрошенных (при этом респонденты могли выбирать несколько вариантов ответов). Половина респондентов (50%) указали, что побратимство может служить основой для формирования многосторонних сетей (р. 63).

Автор предлагает различные варианты классификации городских сетей. В одном случае они ранжируются по критериям: (а) географический охват; (b) сфера политической деятельности; (с) количество участников; (d) предлагаемые членам преимущества и услуги; (е) текущие инициативы и достижения; (f) наличие межправительственной структуры; (g) наличие адекватных ресурсов и связей с местными и международными институтами; (h) вклад в повышение качества жизни в охватываемом регионе.

Другой вариант классификации основывается на политических приоритетах сетей: (а) широкий круг вопросов управления; (b) общие аспекты защиты окружающей среды; (с) специфические экологические проблемы; (d) изменение климата; (е) региональные вопросы; (f) политическая повестка. Эта классификация демонстрирует, что проблемы экологии и климата занимают особое место в современной практике городских сетей. Ещё одна классификация делит сети по движущей силе их создания: (а) традиционные городские сети; (b) сети под эгидой ЕС; (с) международные городские сети; (d) сети, связанные с конкретными проектами. Автор подчёркивает многообразие городских сетей (число которых превышает 200) и их гибкость, позволяющую адаптироваться к быстро меняющимся политическим реалиям (р. 67).

В заключительном параграфе этой главы автор предлагает практический алгоритм создания международной сети городов. При этом выделяются ключевые препятствия, которые необходимо преодолеть для повышения эффективности подобных инициатив. Среди них: скептицизм крупных городов относительно участия в сетях; нежелание традиционных субъектов дипломатии признавать города как легитимных акторов международных отношений; отсутствие диалога между городскими сетями и гражданами; восприятие администрациями граждан исключительно как бенефициаров политики, а не как активных участников управления городскими сетями; приоритетное внимание к крупным городам; размывание миссии, целей и уникальности отдельных сетей в условиях их растущего числа и расширяющихся функций. Решение этих проблем позволит превратить городские сети в эффективные платформы глобального сотрудничества (р. 68–69).

Следующие две главы несколько отходят от общей линии повествования, фокусируясь на отдельных аспектах транснациональной дипломатии. Глава 7 посвящена анализу взаимосвязи между мероприятиями по формированию

и продвижению бренда города и дипломатическими стратегиями местных властей. Ключевая идея этой главы заключается в том, что современная конкуренция между городами требует создания привлекательных образов и умения их эффективно использовать в дипломатических целях. Брендинг становится важнейшим инструментом городской дипломатии, позволяя городам добиваться права проведения престижных мероприятий, таких как Олимпийские игры или всемирные выставки, привлекать инвестиции и выстраивать транснациональные альянсы (р. 81).

Следующая глава посвящена транснациональному измерению функционирования «умных городов». Автор отмечает, что модель «умного города» во многом сформировалась и поддерживается благодаря усилиям межправительственных организаций, таких как ОЭСР, а также городских сетей (р. 92–93).

В двух главах заключительной части книги рассматриваются практические вопросы городской дипломатии. Представленный автором анализ свидетельствует о существенном разрыве между теоретическими установками и реальным состоянием городской дипломатии. Как подчёркивает А. Карвоунис, на практике города далеко не всегда рассматривают партнёрские отношения и сети как значимый ресурс для своего развития. Многие города, несмотря на активное участие в международной деятельности, ограничиваются разовыми мероприятиями, не обладая чёткой стратегией трансграничной дипломатии и официальным документом, который бы обеспечивал преемственность стратегических целей и задач. Тем не менее даже в несовершенном виде такие стратегии способствуют укреплению трансграничных связей муниципалитетов и максимизации выгод от международного сотрудничества (р. 99–100).

Завершающая глава книги, в которой автор завершает изложение своей концепции, посвящена оценке «результатов городской дипломатии» (impacts). Подчёркивается, что в современном контексте результативность следует оценивать не столько по количеству проведённых мероприятий, сколько по качественным изменениям в жизни горожан, по трансформационному потенциалу сетевого взаимодействия в средне- и долгосрочной перспективе. Автор выделяет пять типов «результатов» городской дипломатии: когнитивный, административный, фондовый, политический и устойчивостный. Эта типология разработана на основе анализа отчётности городских сетей, включая документы, посвящённые реализации мер по борьбе с изменением климата. Результаты свидетельствуют о позитивном влиянии сетевого взаимодействия на процессы преобразований в городах. При этом, как подчёркивается, наиболее значимые эффекты достигаются в сферах, которые не входят в приоритетную повестку национальных правительств (р. 111).

Когнитивный (познавательный) результат городской дипломатии связан с накоплением знаний, получаемых в процессе обмена информацией, ноу-хау и образовательными продуктами. Существует множество форм приобретения знаний, начиная с индивидуального обучения муниципальных служащих

и заканчивая институциональным накоплением знаний, способствующим организационным изменениям и повышению административной компетентности городских структур. Существенное значение в этом процессе имеют региональные организации и объединения, такие как Европейский союз, Совет Европы, АСЕАН, Африканский союз и МЕРКОСУР. Они создали механизмы, которые расширяют возможности обмена информацией, в том числе позволяя изучить лучшие практики в области городской дипломатии (р. 111).

Административный результат формируется на основе применения накопленных знаний и опыта на местном уровне. В ряде случаев международные сети открывают для городов возможность выйти за рамки традиционной политики, легитимировать усилия по модернизации политико-административной системы и отказаться от устаревших моделей управления. Однако в ряде других случаев приобретённые знания используются для решения насущных практических задач, например, для ликвидации повседневных проблем городской среды (р. 111).

Финансовый результат городской дипломатии связан с тем, что сетевое взаимодействие предоставляет городам доступ к международным и европейским фондам, позволяя реализовывать проекты без привлечения государственного финансирования. Международные фонды представляют собой не только источник финансирования, но и механизм распространения новых управленческих стандартов, правил и регламентов, которые могут обогатить практику муниципального управления. Тем не менее в некоторых случаях речь идёт лишь об удовлетворении локальных материальных потребностей (р. 112).

Политический результат проявляется в более активной позиции городов на международной арене. Столкнувшись с глобальными вызовами, многие мэры начали представлять свои города как центры инноваций и устойчивого развития. Города получили признание в качестве полноправных участников различных направлений международной политики, включая вопросы миграции, здравоохранения, изменения климата, устойчивого развития, защиты прав человека, социальной справедливости, сотрудничества в целях развития и борьбы с терроризмом. Существенную роль в развитии городских сетей сыграли международные организации, такие как ООН-Хабитат, Всемирная организация здравоохранения и ЮНЕСКО, которые способствовали институционализации городских инициатив, создавая специализированные секретариаты и структуры поддержки (р. 113).

Результат, связанный с обеспечением устойчивости, достигается за счёт разработки долгосрочных стратегических планов, создания условий для постоянного внедрения инноваций, применения систем управления качеством на основе стандартов ISO, использования механизмов экологического менеджмента и других инструментов долгосрочного регулирования. Уже сам факт создания городской сети способствует устойчивости сотрудничества, так как партнёрские связи между городами становятся дополнительным ресурсом

для должностных лиц и избранных представителей в их повседневной деятельности. Это обеспечивает преемственность и цикличность процессов управления. Участие в международной сети позволяет городам выходить за рамки реализации отдельных проектов с ограниченным сроком действия. Однако, как подчёркивает А. Карвоунис, устойчивость во многом зависит от координации деятельности муниципальных властей с национальным правительством, поддержания постоянного взаимодействия с представителями дипломатических ведомств и интеграции городских инициатив в национальную повестку. Кроме того, ключевое значение имеет сотрудничество с органами власти других уровней, что позволяет избежать дублирования функций и институциональной конкуренции (р. 113–115).

Завершая последнюю главу своей работы, А. Карвоунис подчёркивает, что рассмотренные формы городской дипломатии в определённой степени пересекаются между собой, а внутри них и между ними могут возникать противоречия. Невозможно априори утверждать, какая из форм международной деятельности местных властей окажется наиболее результативной. Итог будет зависеть от комплекса факторов: потребностей и мотивов городов, их оперативных программ, социально-экономических характеристик, а также особенностей внутренней и внешней среды. Следует учитывать, что муниципалитеты, даже при участии в одних и тех же международных партнёрствах, не могут рассчитывать на получение одинаковых результатов. Одни и те же способы решения схожих проблем не обязательно приводят к аналогичным институциональным изменениям, различаться может и скорость достижения успеха (р. 116).

А. Карвоунис подготовил монографию, посвящённую проблематике, которая широко исследуется и имеет обширную библиографию. Тем не менее ему удалось создать новаторский труд и изложить в нём частную теорию, объясняющую сущность и особенности парадипломатии городов. Работа выгодно отличается от многих других публикаций в этой области своей краткостью и ясностью, лишённой характерной для доминирующего ныне постмодернистского стиля с его сложной терминологией и неопределённостью смыслов. Читатели, заинтересованные в получении более широкого эмпирического материала, могут обратиться к предыдущей книге А. Карвоуниса, посвящённой международному сотрудничеству греческих муниципалитетов. Учитывая активную публикационную деятельность автора, можно ожидать появления новых работ по дипломатии городов.

В условиях разрыва традиционных межгосударственных связей и обострения международной обстановки возможно, именно городам придётся взять на себя функции поддержания трансграничных контактов. В этой связи особую значимость приобретает рекомендация А. Карвоуниса: муниципалитетам следует стратегически управлять своим ключевым ресурсом — партнёрскими сетями — и создавать альянсы не только с другими городами, но и с транснациональными акторами, включая неправительственные организации, исследовательские центры и корпорации.

Об авторах:

Кутейников Александр Евгеньевич — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, 199034, a.kuteynikov@spbu.ru

Ивлев Сергей Вячеславович — магистрант факультета права НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия, 101000, ivlev.iphi@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Рецензия подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-10320 (<https://rscf.ru/project/23-28-10320>) и Санкт-Петербургского научного фонда в рамках проекта № 23-28-10320 в Санкт-Петербургском государственном университете.

UDC: 327.5+711.4
Received: April 15, 2023
Accepted: May 20, 2023

A Theory of Network Paradiplomacy of Cities

 A.E. Kuteynikov, S.V. Ivlev
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-135-145](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-135-145)

Saint Petersburg State University
National Research University Higher School of Economics (HSE)

Book review: Karvounis A.M. 2025. *City Diplomacy. An Introduction*. London and New York: Routledge. 121 p. ISBN: 978-1-032-71633-6, DOI: 10.4324/9781003470908

Keywords: cities, urban policy, diplomacy, paradiplomacy, international cooperation of cities, city networks

About the authors:

Alexander E. Kuteynikov – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Sociology of Political and Social Processes, St Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg 199034, Russia. E-mail: a.kuteynikov@spbu.ru

Sergey V. Ivlev – MA Student, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow 101000, Russia. E-mail: ivlev.iphi@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This review was prepared with financial support from the Russian Science Foundation (RSF) under project No. 23-28-10320 (<https://rscf.ru/project/23-28-10320>) and from the St. Petersburg Scientific Foundation under the same project, implemented at St Petersburg State University.

References:

Karvounis A.M. 2023. *City Diplomacy and the Europeanisation of Local Government: The Prospects of Networking in the Greek Municipalities*. Cham: Palgrave Macmillan.

Karvounis A.M. 2022. City Diplomacy and Public Policy in the Era of COVID-19: Networked Responses from the Greek Capital. *Journal of Public Policy Studies*. 9(2). P. 47–62.

Karvounis A.M. 2021. Networks of Solidarity Cities: The Social Dimension of the City Networks within the Europe for Citizens Programme, 2014–2020. *Social Cohesion and Development*. 16(1). P. 61–88.

Karvounis A.M. 2020. Paradiplomacy and Social Cohesion: The Case of the Participation of the Greek Municipalities in European City Networks. *Social Cohesion and Development*. 15(1). P. 81–95.

Karvounis A.M. 2011. The Europeanization of the Local Government in the EU Multi-level Governance System: The City Networking Paradigm and the Greek Case. Van Bever E., Reynaert H. and Steyvers K. (Eds), *The Road to Europe. Main Street or Backward Alley for Local Governments in Europe?* Brugge: Vanden Broele. P. 211–231.